



ираи́ская
физиоло́гия



ИРАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Под общей редакцией Л. С. Пейсикова и В. Б. Никитиной

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1971

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета*

Л. С. Пейсиков

О НЕКОТОРЫХ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ПРИЕМАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ

(на материале персидского языка)

Как известно, в современном языкознании во всех его направлениях (традиционных и нетрадиционных) вопрос о методах и целях исследования дебатруется очень широко. Речь идет о более строгих и проверенных научных характеристиках, об объективности и безупречности выводов, о логической последовательности мотивировок, о системности и глубине исследования, о сочетании в связи с этим содержательных, формальных, количественных и прочих методов. Не случайно пристальное внимание к методам исследования привело в науке о языке к очевидным и крупным достижениям.

Наука об иранских языках, в которой издавна сложились свои традиции, достигла высокого уровня. Ощутимы и бесспорны ее теоретические и практические успехи. Однако вопрос о методах и приемах исследования в иранском языкознании специально и широко не обсуждался. Если взять грамматический строй персидского языка — одного из крупнейших языков иранской группы, — то в этой области нельзя не заметить почти полного преобладания семантико-классификационного метода. Некая система выводится при помощи индуктивного обобщения семантики и функционирования грамматических форм и преподносится в терминах разного рода традиционных классификаций. В такой методике исследования нет ничего плохого, но, как известно, каждый исследователь может ошибиться в семантических и классификационных оценках, так как речевой массив необозрим, и нет гарантии того, что некие обобщения, диагностические формулировки и классификации, сделанные даже на массе фактов, являются верными. Вот несколько контрастных примеров, сви-

детельствующих о недостаточности семантико-классификационного метода.

Иранскому ученому А. Хомаюн-Фарроху, автору «Сводной грамматики персидского языка»¹, нельзя отказать в знании и обзоре огромного количества фактов. Исследуя производные слова с суффиксом *-sār*, он отмечает, что этот суффикс имеет значение «голова», «изобилия», «сходства» «натуры», и приводит многочисленные примеры типа *širsār* «с головою льва», «подобный льву», «смелый», *saboksār* «легкомысленный», *sepidsār* «седовласый», *negunsār* «опрокинутый», *kuhsār* «горы», «гористая местность», *šāxsār* «ветвистый», «чаша», «роща», *sangsār* «каменистый», «заброшенный камнями», *pataksār* «солончак», *češmesār* «место, изобилующее родниками», *fagnudsār* «энциклопедия» (букв. изобилующий доводами) и др.

Очевидно, что такой семантический анализ (констатация значения суффикса в том или ином случае) оказывается недостаточным и несистемным. Ведь при рассмотрении слов с суффиксом *-sār* бросаются в глаза не только различия в семантике суффикса, но и разница в его валентности (сочетаемости) с различными основами и в словообразовательной функции. Как определить место суффикса *-sār* в словообразовательной системе, ибо есть еще суффикс *-zār* с тем же значением «изобилия», образующий, наряду с *-sār* имена существительные, например, *patakzār* «солончак», *golzār* «луг, усыпанный цветами», «цветник», *rigzār* «песчаная местность», *bepašezār* «место, изобилующее фиалками» и т. д. А. Хомаюн-Фаррох к тому же настаивает, что *-sār* и *-zār* — это разные суффиксы². С другой стороны, отнесение *-sār* в значении «голова» к категории суффиксов настораживает. Дело в том, что, во-первых, суффикс не может иметь конкретного значения и, во-вторых, обычное «современное» слово *sar* «голова» также участвует в сложениях и дублирует второй компонент многих приведенных выше слов, ср. такие равнозначные пары слов, как *saboksār* и *saboksar* «легкомысленный», *gāvsār* и *gāvsar* «быкоголовый», *negunsār* и *negunsar* «с опрокинутой головой», *āsimesār* и *āsimesar* «ошеломленный», «обезумевший». Возникает естественный вопрос. Почему *-sār* в значении «голова» объявляется суффиксом и рассматривается вкуче с другими словами, имеющими суффикс, как аффиксально-производные, а все слова с *-sar* «голова» (без долготы) разбираются уже как сложные в разделе словосложения?

Семантический анализ элемента *-sār* (кстати сказать, не-

¹ А. Номāюн-Фаррох. *Dastur-e jāme'e zabān-e fārsi*. Teh-rān, 1338 (1959). В дальнейшем: Фаррох. Грамматика...

² См. там же, стр. 149.

последовательно примененный) привел автора к путанице, к неправильному освещению словообразовательных фактов. Совершенно очевидно, что сочетание семантического анализа с экспериментальными (формально-содержательными) приемами лингводиagnostики, о которых речь пойдет ниже, дало бы более последовательную и правильную характеристику данного участка словообразовательной системы.

Возьмем еще в качестве примера неплохо, казалось бы, разработанную проблему персидского артикля. Семантический метод здесь еще не полностью себя исчерпал, так как в массе речевой продукции возможны дополнительные значения, им выражаемые. Семантический поиск можно продолжить, однако проблему артикля в целом нельзя решить без соединения содержательных и формальных методов, о чем красноречиво свидетельствует новаторская статья Ж. Лазара о персидском артикле³. Применяв дистрибутивный анализ более последовательно, чем все его предшественники, Ж. Лазар точно установил две сферы употребления артиклей i_1 и i_2 , а также случаи, когда эти артикли неразличимы. Попутно автор статьи соглашается с предложенной Ю. А. Рубинчиком категорией выделительности, которая как бы обобщает все случаи употребления артикля, а также с мнением Ю. А. Рубинчика⁴ и Георга Хинхи⁵ о том, что в теоретическом плане лучше говорить об одном артикле в современном персидском языке. Но важно не это. Важно то, что исследование персидского артикля тремя авторами (Рубинчик, Лазар, Хинха) наглядно показало, что одним лишь семантическим разбором «плана содержания» артикля и перечислением некоторых случаев его употребления можно довольствоваться, пожалуй, лишь на первоначальных этапах обучения персидскому языку, но не более.

Можно далее упомянуть о разработке проблемы частей речи в персидском языке как менее контрастный и более сложный пример, свидетельствующий о недостаточности традиционного метода. Здесь уместно указать на интересную статью иранского ученого М. Эхтияра «Методы исследования диалектов»⁶, содержащую остроумную критику «шаткой и неустойчивой», по его словам, основы классификации частей речи в персидских лексикографических и грамматических

³ G. Lazard. L'enclitique nominal -i en persan: un ou deux morphèmes? Bulletin de la société de linguistique de Paris, t. 31. Paris, 1966.

⁴ См. Ю. А. Рубинчик. Сложные предложения с придаточными определительными в современном персидском языке. М., ИВЛ, 1959, стр. 176—205.

⁵ G. Hinch. Beiträge zu einer Morphemlehre des Neupersischen. Der Islam, b. 37, 1961.

⁶ M. Ehtiyār. Šive-ye barresi-ye guyešhā. Majalle-ye dāneškade-ye adabiyāt, šomāre-ye 46. Tehrān, 1343.

трудах. Автор статьи ратует за применение каких-то новых, в том числе формальных, методов, которые могли бы продвинуть вперед разработку этой трудной проблемы.

* *
*

Среди многих методов лингвистической диагностики выделяются простейшие формально-содержательные экспериментальные приемы, широко используемые структурной лингвистикой в качестве дополнения к «дешифровочным» моделям. Эти экспериментальные приемы применяются и в традиционной лингвистике (в том числе и в иранском языкознании), однако менее последовательно.

В настоящей статье мы поставили перед собой следующую цель: на конкретных примерах подчеркнуть возможность и необходимость более систематического и последовательного использования экспериментальных приемов, дополняющих и углубляющих сложившиеся семантические, классификационные, сопоставительные и прочие методы лингводиagnостики.

1. Прием подстановок (*субституции*) основан на весьма простом принципе однородности лингвистических единиц и их контрастирующей дистрибуции.

Допустим, что необходимо ответить на вопрос, является ли элемент *tā* в отрезке *sartāsar* «из конца в конец», «все пространство» предлогом или не-предлогом? Допустим также, что характер этого отрезка (синтаксичность, несинтаксичность) еще не ясен. Для ответа на поставленный вопрос сопоставим два отрезка: *sartāsar* и *az bāzār tā meydān* «от базара до площади». В первом отрезке вместо *tā* можно подставить элемент *ā*, от чего смысл целого не изменится (ср. *saḡāsar*), следовательно *tā* и *ā* функционально однородны. Во втором отрезке на место *tā* можно с некоторой стилистической натяжкой поставить арабское *elā*: *az bāzār elā meydān* с тем же значением. Элементы *tā* и *elā* однородны в данном окружении. Однако употребление рассматриваемых элементов в условиях контрастирующей дистрибуции покажет, что *elā* нельзя использовать вместо *tā* в первом отрезке (*sarelāsar?*), а *ā* не заменяет *tā* во втором отрезке. Отсюда однозначный ответ на поставленный выше вопрос: элемент *tā* в отрезке *sartāsar* не является предлогом и, следовательно, *sartāsar* должен быть исключен из числа синтаксических конструкций.

На вопрос о том, является ли сочетание *nešaste ast* «сидит» предикативом со связкой или глагольной аналитической конструкцией, достаточно показать, что «связка» *ast* в этом окружении не может быть заменена синонимом. Например, невозможно сочетание **nešaste miḃāšad*, между тем как в

любой конструкции предикатива со связкой такая замена вполне возможна. Отсюда вывод: *nešaste ast* — это глагольная аналитическая форма.

Возьмем далее изафетные словосочетания. Иранистам известно, что представляет определенные трудности с помощью семантических оценок отличить свободное, синтаксическое изафетное словосочетание от устойчивого, фразеологического, особенно, если речь идет о моделях «существительное — изафет — прилагательное». Такие сочетания, как *taṅg-e soṅh*

«смерть от убийства», *bid-e taṅnūn* «плакучая ива» без труда определяются как фразеологизмы по ряду семантических признаков. Еще проще те случаи, когда свободное словосочетание можно противопоставить устойчивому того же состава, например, *barg-e sabz* «зеленый лист» и *barg-e sabz* «скромный подарок». Однако имеют место так называемые трудные случаи, в отношении которых семантический анализ может привести к двузначным ответам. Так, словосочетания *mosalsal-e sangin* «тяжелый пулемет» и *xers-e sefid* «белый медведь» могут трактоваться как свободные, если речь идет о модели «определение—определяемое» и одновременно как устойчивые, если перед нами сложные термины. Для достижения однозначности необходимо поставить испытываемые словосочетания на место предикатива именного сказуемого, чтобы для второго члена словосочетания «испытать реакцию» на артикль: *in mosalsal-e sangin ast* «это — тяжелый пулемет», *in xers-e sefid ast* «это — белый медведь». Прилагательные — «определения» здесь не примут артикля, следовательно перед нами словосочетания фразеологического типа.

Если вернуться к элементу *sār* в словах *saboksār* «легкомысленный», *gāvsār* «быкоголовый» и др., то свободная замена его на элемент *sar* (без долготы) будет свидетельствовать о том, что *sār* представляет собой вариант основы *sar* со значением «голова» и что слова с *sār* и *sar* являются сложными, а не производными. С другой стороны, в словах *šarṅsār* «пристыженный», *xāksār* «презренный», *doṅuqsār* «лживый», *širsār* «смелый» элемент *sār*, отрываясь от конкретного значения, приобретает абстрактную и свойственную суффиксам категориальную семантику «сходства», «подобия», «качества», «признака». Благодаря этому сдвигу значения субституция элемента *sār* становится невозможной. Прием подстановки помогает отделить суффикс *sār* от тех случаев, когда *sār* выступает вариантом основы со значением «голова».

В некоторых случаях с помощью приема подстановки можно уточнить принадлежность слова к лексикограмматической группировке, даже не выходя за рамки понятий традиционной грамматики о частях речи. Например, известно, что слово *ta'min* «обеспечение» употребляется в функции прила-

гательного в значении «обеспеченный» в составе именного сказуемого и может принимать степени сравнения: *man ta'min-am* «Я обеспечен», *man az u ta'mintar-am* «Я более обеспечен, чем он». Однако *ta'min* остается в орбите существительного, что доказывается невозможностью подстановки *ta'min* в позицию второго члена изафетного атрибутивного словосочетания.

Слово *bozorg* «большой» обычно относят к прилагательным (ср. происхождение, значение признака, синтаксическая позиция распространяющего члена или определения), однако имеют место многочисленные случаи его субстантивации. По-видимому, «пробным камнем» для различения *bozorg₁* (прилагательное) и *bozorg₂* (существительное) будет служить изафетная конструкция «стержневой член — изафет — распространяющий член», в которой можно произвести проверочные перестановки: *deh-e bozorg* «большая деревня» → *bozorg-e deh* «деревенский староста», *tāyefe-ye bozorg* «большое племя» → *bozorg-e tāyefe* «старшина племени». Эти перестановки свидетельствуют о том, что *bozorg₁* и *bozorg₂* являются омонимами, отличающимися друг от друга не только семантически, но и позиционно.

2. Прием добавлений и опущений может быть применен (с той или иной долей эффективности) в синтаксисе, морфологии, словообразовании. Например, с помощью этого приема можно точно определить состав рамочных конструкций сказуемого и ответить на вопрос о том, какие глагольные фразеологизмы образуют рамку и какие не образуют. Локализация второстепенных членов предложения внутри рамки или вне рамки также может быть проверена путем добавлений и опущений.

Попробуем применить этот прием в одной трудной с точки зрения диагностики области. Известно, что в персидском языке, как и во многих языках мира, предложные группы с существительным широко выступают в адвербиальной и адъективной функции. Однако порой трудно ответить на вопрос, можно ли считать предложные группы перешедшими в разряд наречий или прилагательных (т. е. слов) или при всех случаях они остаются сочетаниями. Иными словами, перешел ли предлог в префикс в следующих конструкциях:

а) с предлогом *be*: *be-āsāni* «легко», *be-sor'at* «быстро», *be-došvāri* «трудно», *be-tadrij* «постепенно», *be-xerad* «мудрый», *be-tafsil* «подробно», *be-nām* «известный» и др.

б) с предлогом *bā*: *bā-este'dād* «способный», *bā-adab* «вежливый», *bā-tarbiyat* «воспитанный», *bā-vafā* «преданный», *bā-mahārat* «искусно», *bā tajrobe* «опытный», *bā-savād* «грамотный», *bā-saliqe* «с хорошим вкусом» и др.

в) с предлогом *bi*: *bi-este'dād* «неспособный», *bi-riš* «безбородый», *bi-tarbiyat* «невоспитанный», *bi-tajrobe* «неопытный», *bi-farhang* «некультурный» и т. д.

Очевидно, что однозначного решения для всех перечисленных случаев не найдем ввиду их сложности. Однако прием добавлений может несколько облегчить нашу задачу. Выясняется, что многие из указанных конструкций допускают те или иные вставки, ср. *be in āsāni* «с такой легкостью», *be hamān sog'at* «с той же скоростью», *bā čanin este'dād* «с такими способностями», *bā andak este'dād* «с малыми способностями», *bi kamtarin savād* «без малейшей грамотности», *be če došvāri* «с какими трудностями», «очень трудно» и т. д. Мы далеки от поспешных выводов, однако эти примеры со вставками, легко отделимые от тех, в которых вставки невозможны (например, *berām* «известный»), свидетельствуют о том, что перед нами предложно-именные конструкции, а не слова в традиционном понимании последних как цельных, неделимых и непроницаемых единиц языка.

3. Прием трансформаций эффективен в синтаксисе, в теории словосочетаний и предложений, однако не исключена возможность его применения и в других разделах лингвистики.

Среди многочисленных трансформаций, применяемых языковедами, особой популярностью пользуются такие трансформационные приемы, с помощью которых можно: а) установить определенные отношения между структурами разных предложений и словосочетаний, б) установить производность одной синтаксической структуры от другой, в) определить «деривационную историю» распространенного предложения, г) разграничить идентичные и внешне совпадающие структуры, д) вскрыть внутреннее сходство внешне различных синтаксических единиц, е) разграничить предложения и словосочетания и т. д. К сожалению, все эти приемы не использовались в синтаксисе иранских языков. Применялись лишь некоторые полезные трансформации в теории персидских словосочетаний, в структуре главных членов предложения⁷. Так, трансформационные приемы помогли отграничить некоторые типы изафетных словосочетаний от номинативных предложений того же состава, выявить стержневые члены изафетных и других типов словосочетаний в некоторых трудных случаях, определить соотношенность «рамочных» и «нерамочных» составов сказуемого и т. д.

В качестве иллюстрации приведем два примера. Изафетное словосочетание *kif-e to'allet* «портфель учителя» легко трансформируется в словосочетание с местоименной связью *to'allet kifaš* (дословно: учитель портфель его). Предложе-

⁷ См. Л. С. Пейсиков. Вопросы синтаксиса персидского языка. Докт. дисс. М., 1963.

ние Kif-e mo'allem не может быть подвергнуто такой трансформации, поскольку трансформа mo'allem kifaš не обладает никакими признаками предложения. С другой стороны, предложение Kif-e mo'allem входит в ассоциативный ряд противопоставлений по цели высказывания. Ср. «Kif-e mo'allem!», «Kif-e mo'allem?», «Kif-e mo'allem!?» Словосочетание аналогичной структуры в такой ряд противопоставлений не входит. Можно, следовательно, утверждать, что совпадающие здесь по составу словосочетание и предложение представляют собой разные синтаксические единицы.

Распространяющий член изафетного словосочетания атрибутивного типа трансформируется в придаточное определительное предложение и таким образом еще одним путем доказываемся грамматическая зависимость, подчиненность второго компонента изафетной конструкции: xāne-ye boland «высокий дом» → xānei ke boland ast «дом, который высок». Этим же приемом определяются главные и распространяющие члены «трудных» словосочетаний типа doktor farid «доктор Фарид», farid-e doktor «Фарид-доктор», āqā-ye šahidi «господин Шахиди», mollā mohsen «мулла Мохсен» и др. Ср. doktori ke farid ast (букв.: доктор, который Фарид есть), faridi ke doktor ast (букв.: тот Фарид, который является доктором) и т. д.⁸

В статье З. Телегди «Об одном случае структурной омонимии в персидском языке»⁹ рассматриваются сложные слова одинакового внешнего строения (существительное плюс причастие прошедшего времени). Традиционная грамматика устанавливает лишь общую семантику таких слов, как gangraide «бледный», gangbāxte «выцветший», gangkarde «крашеный», но оставляет открытым вопрос о том, различаются ли они в плане чисто смысловом или же в плане структурно-грамматическом. З. Телегди убедительно доказывает, что за однородностью внешней формы исследуемых слов скрываются их существенные структурные различия. Это позволяет глубже проникнуть в словообразовательную технику языка и особенно в невидимые, глубинные связи между словообразовательными и синтаксическими единицами. Автор показывает, что строение рассматриваемых слов является производным, зависимым (fundierte) от главных, основных (fundierende) конструкций, что устанавливается приемом трансфор-

⁸ И. В. Овчинникова в статье «К вопросу о грамматической сущности и принципах выявления словосочетаний в персидском языке» (см. стр. 21—22 настоящего сборника), утверждая, что в ряде случаев невозможно выявить господствующий член изафетного именного словосочетания, не замечает этого простого приема трансформаций, который с достаточной объективностью определяет грамматическую субординацию членов словосочетания.

⁹ Zs. Telegdi. Über einem Fall von struktureller Homonymie im Persischen. «Acta Linguistica»; t. XIV, f. 3—4. Budapest, 1964.

маций, например, rangparide «бледный» из ∞ surati ke-gangaš paride ast «лицо, которое побледнело», zangzade «ржавый», «покрытый ржавчиной» из ∞ fulad zang zade ast «сталь покрылась ржавчиной», vākszade «начищенный гуталином» из abbās kafšhāyaš gā vāks zade ast «Аббас начистил свои ботинки» и т. д. Таким путем, по связям с «основными» структурами намечены четыре типа сложных слов указанной модели, являющихся, по утверждению автора, трансформами разных предложений.

Приведем пример нелогично построенных, «натянутых» трансформаций. Большинство иранских ученых-лингвистов считает многочисленные типы детерминативных сложных слов производными от изафетных словосочетаний, называя сложные слова «обратной изафетной конструкцией», «перевернутым изафетом» (ezāfe-ye maqlub). Согласно такому взгляду, например, kārkhāne «завод» считается производным от нестандартного, но допустимого нормой сочетания khāne-ye kār «дом труда», garmkhāne «оранжерея» — производное от словосочетания khāne-ye garm «теплый дом», не имеющего терминологического значения, tirandāz «стрелок» — производное от условного сочетания andāzande-ye tir и т. д.¹⁰

Нетрудно убедиться в неправомерности такой постановки вопроса. Дело в том, что производность сложных слов доказывается при помощи односторонней трансформации сложного слова в словосочетание, тогда как доказующим фактором в данном случае должна была бы служить безупречная двусторонняя трансформация. К тому же авторов теории обратной изафетной конструкции не смущает тот факт, что большинство трансформаций выглядит натянутым и порой бессмысленным, ср. pavāpkhāne «богадельня» → khāne-ye pavāp (?), pišband «фартук» → band-e piš (?), gardankeš «своевольный», «непокорный» → kešānde-ye gardan (?). Впрочем, таких примеров обычно избегают и в качестве доказательств берутся лишь подходящие по смыслу трансформы типа khāne-ye ketāb, khāne-ye mehmān, andāzande-ye tir и др. Но даже и эти «подходящие» трансформации не доказывают производность слов модели kārkhāne (и многих других моделей) от изафетных словосочетаний, так как вся серия слов данной модели не поддается преобразованию в словосочетание. И если некоторые трансформации все же возможны, то их семантический аспект свидетельствует о вторичности словосочетаний: khāne-ye kār не употребляется в значении «завод» или «часовой механизм», khāne-ye garm не означает «оранжерею», khāne-ye ketāb — не «библиотека», khāne-ye kugeraz — не «кирпичный завод» и т. д.

¹⁰ Подробнее об этом см. работу М. Моина об изафете: М. Мо'ин. Tarh-e dastur-e zabān-e fārsī, Ezāfe, Baxš-e dovvom. Tehrān, 1339.

Вместе с тем многие сложные слова находятся в отношениях взаимной трансформируемости с изафетными словосочетаниями. Следующие двусторонние трансформации со всех точек зрения являются безупречными: $\text{barg-e gol} \rightleftharpoons \text{golbarg}$ «лепесток», $\text{dard-e kamar} \rightleftharpoons \text{kamardard}$ «боль в пояснице», $\text{pezešk-e dandān} \rightleftharpoons \text{dandānpezešk}$ «зубной врач», $\text{band-e gardan} \rightleftharpoons \text{gardanband}$ «ошейник» и др.

Эти трансформации позволяют утверждать, что сложные слова типа *golbarg* соотносятся с изафетными словосочетаниями и что последние служат первым в качестве словообразовательных коррелятов. Иными словами, при соединении основ *gol-* «цветок» и *barg-* «лист» наличие изафетного словосочетания *barg-e gol* как бы «учитывается». Вместе с тем двусторонняя трансформация еще не дает права утверждать, что сложное слово является непосредственно производным от словосочетания. Это можно утверждать только после того, как будет определено направление трансформаций и специальными приемами будут доказаны отношения первичности — вторичности¹¹.

4. *Анализ по непосредственно составляющим (НС)* служит необходимым средством проникновения в структуры речевых отрезков разной величины. Известно, что анализ отрезков связан с синтагматикой речевой цепи, поэтому он не может быть произвольным. Все зависит от последовательности применения анализа по НС в точном соответствии с заданиями эксперимента. Приведем примеры использования метода НС при правильной и неправильной постановке эксперимента.

Допустим, что задано из некоего предложения вычленить свободные синтаксические словосочетания, которые, как известно, строятся внутри предложения в соответствии с моделями и выделяются аналитическим путем. Можно извлечь словосочетание лишь в результате определенного задания по делению предложения. Известно, что не всякое сочетание слов подводится под понятие «словосочетание». Если определим словосочетание как группу из двух (и более) знаменательных слов, из которых одно принадлежит к определенной части речи и грамматически и по смыслу занимает господствующее положение, а форма связи между компонентами такого соединения закрепляет одно из трех характерных для строя

¹¹ См. об этом П. А. Соболева. О трансформационном анализе словообразовательных отношений. В сб.: «Трансформационный метод в структурной лингвистике». М., Изд-во АН СССР, 1964; Е. Курилович. Деривация лексическая и деривация синтаксическая В сб.: «Очерки по лингвистике». М., ИЛ, 1962; Ю. Д. Апресян. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., «Просвещение», 1966; А. И. Смирницкий. Лексикология английского языка. М., Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1956, и др.

словосочетаний синтаксических отношений — атрибутивных, объектных и обстоятельственных, то в этом случае анализ по НС должен отбросить все то, что в какой-то мере не согласуется с данным определением. В такой дедукции нет ничего плохого, от этого выигрывает ясность и последовательность изложения.

В последнее время многие исследователи славянских, германских и романских языков настойчиво подчеркивают необходимость строгого отграничения морфемного анализа по НС от аналогичного словообразовательного анализа. В иранском языкознании это правильное требование проводится далеко не последовательно.

Простая сегментация слова на морфемы не может дать ответ на вопрос о том, как данное слово образовано. Например, в слове *qoḡnevostāi* «средневековый» имеем четыре разные морфемы (*qoḡun-*, *e-*, *vostā*, *-i*), однако это не свидетельствует о том, что *qoḡnevostāi* создано соединением данных морфем. Для определения словообразовательной структуры этого слова необходимо подвергнуть его иному анализу по НС, проведя черту между производящей основой и суффиксом. Тогда станет ясным, что в основе этого слова лежит наращенное суффиксом *-i* (*yā-ye nesbat*) изафетное словосочетание *qoḡun-e vostā* «средние века», которое и выступает здесь в функции производящей основы. Аналогичные случаи (анализ серии слов) подтверждают это положение¹².

Установление словообразовательной структуры слова должно подчиняться каким-то общим правилам, иначе говоря, анализ по НС должен быть целенаправлен. Так, если продолжить, вслед за *qoḡnevostāi* анализ других типов аффиксальных слов, то увидим, что членению по НС должно предшествовать решение вопроса о производности, о деривационных связях слов. В аффиксальных словах *monšigarī* «секретарствование», *formulbandī* «формулировка», *saršomāri* «перепись населения» наличествует суффикс *-i*, образующий существительные отвлеченного значения. Но как образованы эти слова? Путем присоединения суффикса *-i* к производящим основам? Ведь если убрать суффикс, то остаются основы **monšigar*, **formulband*, **saršomār*, в языке не существующие, следовательно, деривация *monšigar* → *monšigarī*, *formulband* → *formulbandī*, *saršomār* → *saršomāri* невозможна. Остается единственное: провести черту анализа по НС там, где щие, следовательно, деривация *monšigar* → *monšigarī*, *formulbandī* и т. д.), определить таким образом словообразовательную двучленность этих слов, установить производность их от *monšī-*, *formul-*, *sar-* и признать *-gari*, *-bandī*, *-šomāri* в этих словах нечленимыми словообразовательными элементами.

¹² См. Л. С. Пейсиков. Сложнопроизводные слова-сращения в персидском языке. В сб.: «Иранская филология». Ташкент, 1966.

А. Хомаюн-Фаррох, анализируя слова ^vjang «война», gang «краска», bāng «крик» и др., утверждает, что в них выделяется суффикс -ng¹³. Но такое выделение лишено смысла (элементы ja-, ga-, bā- ничего не означают). Точно так же нельзя членить слова doštan «враг» на ничего не значащие в современном языке элементы doš и tan¹⁴, несмотря на то, что хорошо известна этимология этих элементов.

Здесь мы подошли к соотношению синхронии и диахронии при анализе по НС. Поскольку анализ применяется для выявления синтагматики отрезков разной величины в современном языке, естественно заключить, что такой анализ не может и не должен учитывать того, что в языке было раньше, каково происхождение отрезков и т. д. Синхронная система языка, как показал Ф. де-Соссюр, может быть построена на основе отношений всех ее звеньев без обращения к диахронии. Разумеется, это положение вовсе не исключает того, что любая часть системы может быть объяснена в аспекте истории, однако в задачи метода НС это не входит.

Приведем пример с составом персидского инфинитива. На основе анализа по НС мы вынуждены утверждать, что инфинитив как одна из глагольных словоформ состоит из основы прошедшего времени (она же — форма третьего лица прошедшего времени) плюс окончание -an: āmad-an, raft-an и т. д. Как известно, это противоречит не только составу инфинитива в историческом аспекте, но и утверждению многих грамматиков о том, что суффиксом инфинитива служат -tan, -dan, -idan. Но утверждения эти основаны, с одной стороны, на неверном применении анализа по НС (деления āmadan, raft-tan, gas-idan невозможны) и, с другой стороны, на известной анахронической ошибке, когда при определении современного состава не учитываются исторические процессы его внутреннего переразложения.

В словах типа bandegi — «рабство» разделительная черта должна быть проведена между bande и gi независимо от того, что в среднеперсидском это слово членилось иначе: bandak-ih. Элемент -gi объясняется фактом увеличения суффикса за счет основы (переразложение), однако к современной словообразовательной системе это не относится. Для современной системы важно то, что -i и -gi являются алломорфами одного и того же суффикса uā-ye masdari, реализующиеся в строго определенных условиях и находящиеся, следовательно, в отношении дополнительной дистрибуции.

Прием сегментации по НС эффективен для анализа струк-

¹³ Фаррох. Грамматика..., стр. 191.

¹⁴ Там же, стр. 196.

туры любых отрезков речи, однако он может превратиться в схоластику, если заранее не продумать детальную схему намеченного эксперимента.

Отмеченные выше экспериментальные приемы, не претендующие на полноту, призваны, как нам представляется, уточнить и объективировать господствующий в теории персидского языка семантико-классификационный метод и значительно расширить возможности традиционной лингвистической диагностики.

И. К. Овчинникова

К ВОПРОСУ О ГРАММАТИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ И ПРИНЦИПАХ ВЫЯВЛЕНИЯ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ

§ 1. В истории разработки грамматической теории персидского языка у словосочетания не вполне обычная судьба. До недавнего прошлого термин этот вовсе не встречался в работах персоедов, и словосочетание как языковая категория не упоминалось и не анализировалось ни в общих описаниях персидского языка, ни в специальных исследованиях.

Первая работа, рассматривающая словосочетание как отдельную синтаксическую единицу, принадлежащая перу Л. С. Пейсикова и вышедшая в 1959 г.¹, содержит столь богатый материал и выполнена на таком высоком уровне, что сразу же продвинула словосочетание в число наиболее изученных разделов персидской грамматики. Спустя четыре года появляется переработанный вариант опубликованной ранее книги Л. С. Пейсикова, защищенный им в качестве докторской диссертации². Эта работа представляет собой новый этап в разработке проблемы словосочетания.

Л. С. Пейсиков выделяет три общих типа словосочетаний — синтаксические, подлежащие рассмотрению в синтаксисе, фразеологические, являющиеся предметом лексикологии, и морфологизованные, изучаемые в морфологии³, и дает подробное описание системы синтаксических персидских сло-

¹ См. Л. С. Пейсиков. Вопросы синтаксиса персидского языка. М., Изд-во ИМО, 1959, стр. 4—206.

² См. Л. С. Пейсиков. Вопросы синтаксиса персидского языка. Докт. дисс. М., 1963, гл. гл. 1—8. В дальнейшем в тексте этот труд мы будем называть диссертацией, а предшествующий — книгой без указания автора.

³ Книга, стр. 13.

восочетаний⁴. Описательной части в его трудах предпосланы теоретические разделы, в которых автор останавливается на основных вопросах теории словосочетания.

В данной статье мы попытаемся высказать ряд соображений по поводу концепции Л. С. Пейсикова в той части, которая касается грамматической сущности и принципов выявления словосочетаний в персидском языке, и изложить нашу точку зрения по этому вопросу.

§ 2. Первоначальная концепция Л. С. Пейсикова, нашедшая отражение в его книге, исходит из основных положений общей теории словосочетания, разработанной акад. В. В. Виноградовым⁵. Однако уже здесь делаются некоторые практические отступления от нее. Л. С. Пейсиков выделяет в числе других структурных типов словосочетания с местоименной связью (типа *âmu zân-âsh* «жена дяди»), которые «не включаются в предложение, а возникают в нем и вычленяются аналитическим путем из предложения»⁶, что не укладывается в представление о словосочетании в соответствии с концепцией акад. В. В. Виноградова.

В дальнейшем, в диссертации, Л. С. Пейсиков еще дальше отходит от теории акад. В. В. Виноградова. Он излагает уже свое, оригинальное понимание грамматической природы и основных признаков словосочетания, предлагает новый критерий для выявления словосочетаний.

Рассмотрев словосочетание и предложение с точки зрения соотношения языка и речи, Л. С. Пейсиков отказывается от принятого до него критерия выделения словосочетания по принципу его соотнесенности с предложением. «Нам представляется, — пишет он, — что спор о том, вычленяется ли словосочетание из предложения или включается в него, является для теории словосочетания бесполезным. Проблема выделенности и отдельности словосочетания состоит не в указанном выше споре, а в установлении структурных признаков словосочетания в отличие от других единиц языка... Только наличие структурных признаков (разрядка моя. — И. О.) позволяет нам выделить словосочетание в качестве *отдельной* (здесь и далее в цитате подчеркнуто Л. С. Пейсиковым, — И. О.) синтаксической единицы»⁷.

А несколько далее читаем: «Определенность словосочетания характеризуется следующей главной чертой: *наличие по*

⁴ В дальнейшем изложении для обозначения синтаксических словосочетаний он употребляет просто термин «словосочетание». Мы также будем пользоваться этим термином только в этом значении.

⁵ См. В. В. Виноградов. Вопросы изучения словосочетаний (на материале русского языка). ВЯ, 1954, № 3; его же. Введение к «Грамматике русского языка», т. 2. Синтаксис, ч. I. М., Изд-во АН СССР, 1954.

⁶ Книга, стр. 196.

⁷ Л. С. Пейсиков. Диссертация, стр. 36—37.

крайней мере двух знаменательных слов, из которых одно принадлежит к определенной части речи и грамматически и по смыслу занимает господствующее положение. Такая субординация слов определяется объективными дистрибутивными свойствами господствующего слова — представителя той или иной части речи — и специальной формой связи между этим словом и зависимым. Форма связи закрепляет одно из трех характерных для словосочетания отношений — атрибутивных, объектных и обстоятельственных»⁸.

§ 3. Новая теория словосочетания, предлагаемая Л. С. Пейсиковым, представляет несомненный интерес.

Вместе с тем в концепции Л. С. Пейсикова и в последней ее редакции не все представляется одинаково бесспорным.

Прежде всего о стержневом члене словосочетания и возможностях его выявления в персидском языке.

Понятие «главный, стержневой член словосочетания» сложилось в языкознании при разработке теории русского словосочетания и учитывает специфические особенности русского языка. Для русского языка главный член словосочетания — это не столько смысловой, сколько грамматический его центр. Поэтому выявление главного члена русского словосочетания опирается на такой надежный объективный критерий, как морфологическое выражение зависимости между компонентами словосочетания. Для персидского языка, в отличие от русского, выявление стержневого члена словосочетания сопряжено с определенными трудностями, так как в нем слабо выражен наиболее объективный показатель субординации членов словосочетания — грамматическое главенство одного из них.

Персидский язык, как известно, в системе имен — это язык аналитического типа, бедный формами словоизменения. В связи с этим форма словосочетания в ряде случаев недостаточно отчетливо отражает зависимость его членов.

Поскольку все персидские имена не изменяются по падежам и не имеют категории рода, а имена прилагательные и причастия — и категории числа, зависимость именного члена словосочетания не находит выражения в его морфологической форме. Сравним, например, следующие конструкции: *пэддър-о данэшийар-а́м* «мой отец и преподаватель» и *пэддър-э данэшийар-а́м* «отец моего преподавателя». В первом примере мы имеем сочинительную связь, во втором — подчинительную. Однако члены этих единств имеют одну и ту же морфологическую форму, в частности подчинительные отношения в изафетном словосочетании не выражены морфологической формой зависимого существительного.

⁸ Л. С. Пейсиков. Диссертация, стр. 38.

То же самое в словосочетании с зависимым прилагательным. Сравним, например, *дохтър-э зибә* «красивая девушка» и *дохтӑран-э зибә* «красивые девушки». Зависимое прилагательное здесь не меняется в числе в соответствии с числом имени существительного, т. е. зависимость прилагательного от существительного и здесь не находит выражения в морфологической форме распространяющегося члена словосочетания⁹.

Форма именного сочетания обычно позволяет лишь ошибочно отграничить сочинительные конструкции от подчинительных. Однако она нередко бессильна ответить на вопрос, какой из членов синтаксической конструкции является главным.

Например, в изафетных словосочетаниях главным может быть не только первый член (*данэшдӑжу-йэ данэшгаһ*, «студент университета», *мадӑр-э мӑн* «моя мать», *ханэ-йэ бозорг* «большой дом» и т. п.), но в отдельных случаях и второй (*сайэр-э данэшдӑжуян* «прочие студенты», *һәмэ-йэ нэмайӑндэган* «все депутаты» и т. п.)¹⁰.

То же самое в предложных словосочетаниях. Здесь в большинстве случаев зависимым является член, предваряемый предлогом (*ӑз сӑг тӑрсидӑн* «бояться собаки», *ба кэшти амӑдӑн* «приехать пароходом», *дӑжэлоуғири ӑз дӑжӑнг* «предотвращение войны», *мобарзэз ба бисӑвади* «борьба с неграмотностью» и т. п.). Однако возможно и обратное: член словосочетания, предваряемый предлогом, является не зависимым, а главным (*эддэ-и ӑз мосафӑрин* «некоторые пассажиры», *ба’зи ӑз котоб* «некоторые из книг», *куһ-и ӑз ӑснад* «гора документов» и т. п.)¹¹.

Аналогичную картину можно наблюдать и в словосочетаниях, построенных на примыкании: в одних разновидностях зависимый член всегда употребляется только препозитивно, в других — постпозитивно, наконец, в некоторых случаях компоненты вообще могут меняться местами.

Таким образом, если иметь в виду только форму словосочетания, то из четырех названных Л. С. Пейсиковым структурных типов только словосочетания с местоименной связью исключают возможность смешения главного и зависимого члена.

§ 4. Посмотрим, нет ли в персидском языке каких-либо других объективных признаков грамматической субординации

⁹ Сравни с аналогичными наблюдениями и замечаниями в книге Л. С. Пейсикова, стр. 120—121.

¹⁰ Подробнее о препозитивном изафетном распространении см. в книге Л. С. Пейсикова, стр. 93 и след.

¹¹ См. также в книге Л. С. Пейсикова, стр. 126 и 225—227.

членов словосочетания, позволяющих выявить его главный, стержневой член.

В ряде случаев такие признаки имеются, и мы можем узнать, какой из членов словосочетания является главным, наблюдая за использованием данного словосочетания в речи, за его функционированием в составе предложения.

Возьмем, например, изафетное словосочетание *бӕччэ-ӕйэ кучэк* «маленький ребенок» и проследим, как оно может использоваться в контексте.

Как известно, данное словосочетание имеет соотносительные формы единственного и множественного числа (*бӕччэ-ӕйэ кучэк* «маленький ребенок» и *бӕччэһа-ӕйэ кучэк* «маленькие дети»), может присоединять к себе постпозитивный артикль (*бӕччэ-ӕйэ кучэк-и*), оформляться послелогом *ра* (*бӕччэ-ӕйэ кучэк ра дуст дарӕм* «я люблю маленького ребенка»), предваряться предлогом (*ӕз бӕччэ-э кучэк хош-ӕм миайӕд* «мне нравится маленький ребенок») и т. д., причем все это полностью соответствует парадигме морфологических и синтаксических форм одного из членов данного словосочетания — имени существительного. Сравнивая предложения *бӕччэ-ӕйэ кучэк хабидэ ӕст* «маленький ребенок спит» и *бӕччэһа-ӕйэ кучэк хабидэ ӕнд* «маленькие дети спят», мы видим, что именно от первого члена изафетных конструкций (*бӕччэ* и *бӕччэһа*) зависит число глагола-сказуемого и т. п.

Таким образом, даже если отвлечься от смысловых отношений между компонентами словосочетания *бӕччэ-ӕйэ кучэк* и иметь в виду только грамматические формы и связи, мы без колебания должны признать здесь главным первый член словосочетания, так как использование данного словосочетания в контексте полностью соответствует морфологическим и синтаксическим особенностям именно этого члена, специфике его употребления в речи.

§ 5. Из сказанного выше, однако, ясно, что и этот предлагаемый нами способ установления субординации компонентов грамматического единства сопряжен со многими ограничениями и трудностями.

Совершенно очевидно, что проще всего он может быть использован в тех случаях, когда члены словосочетания принадлежат к разным частям речи, грамматические характеристики которых резко отличны. Здесь выявление главного члена словосочетания практически не вызывает затруднений.

И наоборот — там, где оба члена словосочетания принадлежат к одной и той же части речи (например, в сочетаниях двух существительных), попытка выявить главный член, анализируя функционирование словосочетания в речи, зачастую не дает никаких результатов.

Для иллюстрации этой мысли проанализируем парадигму словосочетания *рӕфиӕг нэмайӕндэ* «товарищ депутат». Мы лег-

ко убедимся, что она бессильна помочь нам в установлении субординации членов данного словосочетания: категория числа находит выражение в обоих членах (сравни: *рәфиғ нэмайәндэ* «товарищ депутат» и *рофәғә нэмайәндәган* «товарищи депутаты»), а присоединение артикля, предварение предлогом или оформление послелогом *ра*, использование в изафетных конструкциях и т. д. и т. п. — все это в равной мере относится к числу грамматических свойств как первого, так и второго члена рассматриваемого словосочетания.

§ 7. Возникает вопрос: можно ли говорить о главенстве одного из членов словосочетания, если это главенство не находит никакого формального (грамматического) выражения, и если да, то какими средствами устанавливается зависимость одного члена словосочетания от другого?

Возьмем, например, двусловные субстантивные словосочетания, построенные на примыкании, выступающие в роли наименования людей (типа *моһәндәс рэзави* «инженер Резави», *молла моһсән* «мулла Мохсен», *доктор фәрид* «доктор Фарид», *мәшһәди һосәйн* «мешхеди Гусейн», *һаджи моһәммәд* «хаджи Мухаммед» и т. п.). Л. С. Пейсиков считает первый член этих и других аналогичных им конструкций главным, а второй — зависимым, «распространяющим»¹². Между тем, по нашему мнению, такое толкование не является единственно возможным. Синтаксические отношения между компонентами таких единств (если вообще считать их синтаксически членимыми, что в некоторых случаях уже само по себе спорно) можно понимать двояко: «инженер, которого зовут Резави», «мулла, имя которому Мохсен», «доктор, носящий имя Фарид» и т. п. (первое слово — определяемое; второе — определение) и «Резави, имеющий звание инженера», «Мохсен, занимающий должность (носящий титул) муллы», «Фарид, имеющий звание доктора» и т. п. (первое слово — определение, второе — определяемое).

Устанавливая грамматическую субординацию членов словосочетания только средствами анализа смысловых отношений, мы в ряде случаев оказываемся во власти субъективных оценок, которые одинаково невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть убедительными аргументами.

Для иллюстрации этой мысли приведем еще один пример, также заимствованный у Л. С. Пейсикова. Возьмем изафетные конструкции *кәмал-э тәйбәждәжоб* «крайнее удивление» и *нәһайәт-э тәйәссоф* «глубокое сожаление». Л. С. Пейсиков относит их к числу случаев препозитивного изафетного распространения, утверждая, что первое существительное в этих конструкциях «из слов определяемых превратилось в слова

¹² Книга, стр. 110 или 129.

определяющие»¹³, и это толкование нам представляется резонным.

Однако такое синтаксическое членение можно признать единственно возможным лишь в том случае, если считать бесспорным факт переосмысления абстрактных существительных *кәмал* «совершенство», «полнота» и *нәһайят* «крайняя степень», в результате чего, как утверждает Л. С. Пейсииков, они «утрачивают значение предметности и, приобретая значение атрибута, становятся семантически зависимыми от последующего имени существительного»¹⁴.

Между тем, если исходить из буквального значения этих конструкций («полнота удивления» и «крайняя степень сожаления»), то синтаксическая субординация их членов предстает уже в ином виде: первый член — главный, а второй — зависимый.

Суммируя наши наблюдения, мы должны признать, что для именных единств установление субординации членов, выявление ведущего, стержневого слова в ряде случаев представляется не просто сложным, но и едва ли возможным.

§ 7. Другой классификационный критерий, касающийся синтаксического значения словосочетания (обязательное наличие атрибутивных, объектных или обстоятельственных отношений), как нам представляется, также не всегда помогает отграничить словосочетания от прочих языковых единиц, а иногда даже еще больше осложняет эту задачу.

Возьмем, например, именные уточнительные конструкции (типа *әмпәрийалисм, мәхсусән әипәрийалисм-ә әмрика* «империализм, особенно американский», *пәдйәран-о мадйәран, вижә фәрһәнгийан* «родители, особенно работающие в области просвещения», *данэшджуйан, вә әз ан джомлә данэшджуйан-ә данэшгаһ-ә тәһран* «студенты, и в том числе студенты Тегеранского университета» и т. п.). Можно ли, исходя из определения термина, предлагаемого Л. С. Пейсииковым, считать эти единства словосочетаниями?

Ответ на этот вопрос, очевидно, будет зависеть от того, признаем ли мы отношения, передаваемые этими конструкциями, атрибутивными, объектными или обстоятельственными, так как такой признак, как наличие смыслового и грамматического стержня в данных единствах бесспорно имеется.

Между тем определение характера синтаксических отношений, передаваемых тем или иным единством персидского языка, — задача отнюдь не всегда простая, а в некоторых случаях она вообще едва ли может быть решена с достаточной бесспорностью и объективностью. Дело в том, что, во-первых, понятия атрибутивные, объектные или обстоятельст-

¹³ Книга, стр. 96.

¹⁴ Там же.

венные отношения, несмотря на их широкое использование в различных грамматических описаниях, не получили в языковедческой теории и практике достаточного раскрытия и уточнения, и во-вторых, что особенно важно, для персидского языка их, по-видимому, вообще невозможно наполнить вполне конкретным содержанием.

Причина такого положения снова кроется в специфических особенностях аналитического строя имен. Отсутствие ряда грамматических категорий (род, падеж), ограниченное использование других (число) приводит к тому, что мы не можем связать понятия «атрибутивные», «объектные» или «обстоятельственные» отношения с определенными формами морфологической зависимости. Что же касается семантических связей, то смысловая гамма, объективно существующая в языке, настолько сложна, различные оттенки значений зачастую столь разнообразны и неуловимы, что уложить их в определенную схему, подведя с достаточной точностью и объективностью под рубрики атрибутивных, объектных или обстоятельственных отношений, а также наметить ту грань, за пределами которой отношения, передаваемые синтаксическим единством, уже не будут ни атрибутивными, ни объектными, ни обстоятельственными, едва ли во всех случаях представляется возможным.

§ 8. Попробуем подойти к вопросу с иной стороны. Забудем временно о трудностях, связанных с реализацией разбираемой концепции, и попытаемся взглянуть на нее, если можно так выразиться, изнутри, оценив исходные положения теории Л. С. Пейсикова с точки зрения их внутренней логики и соответствия объективным данным персидского языка.

Как мы видели выше, по мнению Л. С. Пейсикова, единственным критерием для выявления словосочетаний является наличие определенных структурных признаков. При этом «в каждом языке структурные признаки словосочетания и их конкретные типы различны, иначе говоря в каждом языке различен строй словосочетания»¹⁵.

Эта последняя (к сожалению, не получившая раскрытия) мысль нам представляется особенно ценной. Совершенно очевидно, что структурные признаки словосочетания не могут быть выбраны произвольно или механически перенесены из теории другого языка. Они должны соответствовать объективным данным каждого конкретного языка, с тем, чтобы единства, обладающие этими признаками (словосочетания) и лишенные их (не являющиеся словосочетаниями), непременно различались в чем-то существенно важном с точки зрения строя этого языка.

Все ли признаки, названные Л. С. Пейсиковым, отвечают

¹⁵ Книга, стр. 37.

этим требованиям? Достаточно ли для выявления словосочетаний одних только структурных признаков? Для ответа на эти вопросы обратимся к тем единицам языка, которые Л. С. Пейсиков не относит к словосочетаниям, и попытаемся выяснить, чем и в какой степени они отличаются от словосочетаний.

Вот перечень конструкций, которые, по мнению Л. С. Пейсикова, не являются словосочетаниями:

«1) Сочетания знаменательных слов со служебными.

2) Типы сложных слов, внешне напоминающих словосочетание.

3) Сочинительные (копулятивные, социативные) сочетания...

4) Пары слов, образуемые подлежащим и сказуемым.

5) Лексикализованные сочетания или фразеологические единицы со «снятыми» синтаксическими отношениями между компонентами.

6) Сочетания слов, образующие конструкцию сложного сказуемого.

7) Сочетания модального слова с другим словом или словами.

8) Сочетания междометий с другими словами.

9) Сочетания местоимений с местоимениями, числительных с числительными.

10) Редубликации»¹⁶.

Анализируя этот список, мы видим, что в него вошли очень разные по своей внутренней сущности единства. Одни из них отличаются от словосочетаний (в понимании Л. С. Пейсикова) только своей структурой.

Таковы, например, сочинительные сочетания, «не образующие соединения господствующего слова с зависимым и не выражающие ни одного из трех (атрибутивных, объектных или обстоятельственных. — И. О.) отношений»¹⁷.

Другие (и таких большинство), помимо структурных особенностей отличаются от словосочетаний своей грамматической сущностью.

Возьмем, например, конструкцию: подлежащее — сказуемое. Ее отличие от словосочетания отнюдь не ограничивается тем, что в ней нет главного слова и что она не передает атрибутивных, объектных или обстоятельственных отношений. Гораздо важнее другое: эта конструкция имеет иную в сравнении со словосочетанием грамматическую природу, отличается от словосочетания той ролью, которую она играет в процессе речевого общения. Как отмечалось исследователями, такое соединение слов характеризуется предикативно-

¹⁶ Л. С. Пейсиков. Диссертация, стр. 15.

¹⁷ Там же, стр. 39.

стью в широком понимании этого термина, т. е. совокупностью «таких грамматических категорий, которые определяют и устанавливают природу предложения как грамматически организованной единицы речевого общения, выражающей отношение говорящего к действительности и воплощающей в себе относительно законченную мысль»¹⁸. Словосочетание же в отличие от предложения является номинативной единицей, а потому лишено этих признаков.

Нам представляется, что именно это обстоятельство, принципиально отличная грамматическая природа (а не несовпадение структурных признаков) дает основание для исключения конструкции: подлежащее — сказуемое из системы словосочетаний.

Что касается структурных признаков, то сами по себе, в отрыве от других особенностей грамматической природы они не являются достаточным критерием, позволяющим разделить языковые единства на такие две группы, которые по грамматическим свойствам противостояли бы друг другу.

Для того чтобы убедиться в этом, сравним соотносительные по составу союзные и изафетные сочетания, имеющие общую грамматическую природу (союзные сочетания выступают в роли суммарного, а изафетные — в функции расчлененного наименования), но различающиеся по структурным признакам. Мы увидим, что их функционирование в речи — использование в составе словосочетания и предложения, парадигма синтаксических форм и некоторые другие существенные характеристики — принципиально ничем не отличаются. Например:

1. И те, и другие могут выступать в роли компонента словосочетаний, как главного, так и зависимого, соединяясь с другими членами с помощью одних и тех же релятивных показателей (ср.: [*кэ́таб-о да́фтэр*]-э¹⁹ *ма́н* «моя книга и тетрадь» и [*кэ́таб-э та́зэ*]-йэ *ма́н* «моя новая книга»; *мобарэ́зэ ба́райэ* [*солн-о де́мокраси*] «борьба за мир и демократию» и *мобарэ́зэ ба́райэ* [*солн-э пайда́р*] «борьба за прочный мир»; *ба́'зи* [*данэ́шджу́ян-о данэ́шйара́н*] «некоторые студенты и преподаватели» и *ба́'зи* [*данэ́шджу́ян-э данэ́шга́н*] «некоторые студенты университета» и т. п.);

2. Сопоставляемые именные единства выполняют в предложении сходные функции, получая при этом идентичное синтаксическое оформление (ср.: *а́са́р-э та́зэ-йэ у моу́рэд-э* [*моталэ́э ва́ та́нчид*]-э *рофа́га га́рар гэрэ́фтэ а́ст* «Его новое произведение было изучено товарищами и подверглось их критике» и *а́са́р-э та́зэ-йэ у моу́рэд-э* [*моталэ́э-йэ да́ги́г*]-э *рофа́га*

¹⁸ «Грамматика русского языка», т. 2, ч. I, стр. 76.

¹⁹ В скобки заключены сопоставляемые синтаксические конструкции.

Э́рар гэрэфтэ а́ст «Его новое произведение было внимательно изучено товарищами»; миха́һәм а́з ин [сиб-о голаби] бэха́рәм «Я хочу купить этих яблок и груш» и миха́һәм а́з ин [сиб-э хошма́зэ] бэха́рәм «Я хочу купить этих вкусных яблок» и т. п.);

3. Как союзные, так и изафетные конструкции одинаковым образом соединяются с энклитиками (ср.: [дустан-о ашэ-найан]-а́м «мои друзья и знакомые» и [дустан-э са́мими]-а́м «мои искренние друзья»; [бад-о баран]-и «ветер и дождь» и [бад-э ша́дид]-и «сильный ветер»; на́ фа́га́т роуша́нфэкра́н ба́лкэ [каргя́ран-о дэ́һганан]-а́һәм «не только интеллигенция, но и рабочие и крестьяне» и на́ фа́га́т роуша́нфэкра́н ба́лкэ [каргя́ран-э баса́вад]-а́һәм «не только интеллигенция, но и грамотные рабочие» и т. п.);

4. В двучленных копулятивных и изафетных конструкциях наблюдаются сходные процессы фразеологизации и лексикализации, в результате чего они превращаются из свободных синтаксических единств в устойчивые фразеологизмы или даже сложные слова (ср., например, пэ́да́р-о ма́да́р «родители», та́дэ́жзийэ-во та́һлил «анализ», да́д-о сэтáд «торговля», ма́рз-о бум «страна» и т. п. и ра́һ-э а́һа́н «железная дорога», су'-э э́стэфа́дэ «злоупотребление», э́дд-э фа́ишти «антифашистский» и т. п.).

Все это говорит о том, что именные единства, выполняющие функцию расчлененного или суммарного наименования, независимо от того, есть ли в их составе стержневое слово или нет, выражают ли они атрибутивные, объектные или обстоятельственные отношения или не выражают, принадлежат к одному и тому же разряду синтаксических единиц, и нет никаких оснований одни из них относить к числу словосочетаний, а другие — исключать из их числа.

* * *

*

§ 9. В связи с вышеизложенным мы считали бы возможным предложить несколько иное понимание словосочетания как отдельной синтаксической единицы персидского языка, предусмотреть иные признаки, позволяющие отграничить словосочетание от других языковых единиц.

Словосочетанием в персидском языке мы предлагаем называть такие синтаксические единства, включающие не менее двух знаменательных слов, которые выполняют в речи номинативную функцию, т. е. выступают в роли расчлененного или суммарного наименования предметов, явлений, качеств

или других признаков, процессов и состояний и т. п.²⁰. Например: *ханэ-йэ бозорг* «большой дом», *данэшджу-йэ данэшигаһ* «студент университета», *айму зын-айш* «жена дяди», *пандж кэtab* «пять книг», *хэйли хуб* «очень хороший», «очень хорошо», *камэлан дорост* «совершенно правильный», «совершенно правильно», *зуд амәдән* «приходить рано», *кэtab хандән* «читать книгу» и т. п.

К словосочетаниям принадлежат не только синтаксические единства, которые выражают одно сложное понятие и являются расчлененным наименованием (см. примеры выше), но также и те синтаксические конструкции, представляющие в речи как единое смысловое целое, которые обозначают совокупность предметов, явлений или признаков, т. е. соответствуют сумме понятий, являются суммарным наименованием. Например: *данэшджуян вә данэшамузан* «студенты и школьники», *каргәран-о дэһғанан* «рабочие и крестьяне», *бәччәна ба пэдәран-эшан* «дети со своими отцами», *хуб вә әрзан* «хороший и дешевый», *хуб вәли гәран* «хороший, но дорогой» и т. п.

В отличие от Л. С. Пейсикова, мы не считаем возможным ограничивать круг словосочетаний такими структурными признаками, как обязательное наличие стержневого слова и определенный характер синтаксических отношений между компонентами²¹. Мы относим к словосочетаниям любое синтаксическое образование, используемое в роли расчлененного или суммарного наименования, независимо от того, есть ли в его составе грамматический и смысловый стержень или нет, связаны ли его компоненты атрибутивными, объектными или обстоятельственными либо какими другими видами синтаксических отношений. Таким образом, в нашем понимании система словосочетаний включает большее число структурно-семантических разновидностей, чем их находит Л. С. Пейсиков.

Особенно расширяется круг именных словосочетаний. Помимо четырех выделяемых Л. С. Пейсиковым структурных типов (изафетные, предложные, построенные на примыкании и с местоименной связью), по нашему представлению, словосочетаниями могут быть, в частности, названы:

²⁰ Ср. с центральной идеей теории акад. В. В. Виноградова, относящего словосочетание к числу номинативных единиц языка. Однако в отличие от В. В. Виноградова, который признает словосочетаниями только те синтаксические единства, которые существуют уже до предложения и включаются в него в качестве готового строительного материала, мы, вслед за Л. С. Пейсиковым, считаем возможным распространить этот термин и на те синтаксические образования, которые возникают в составе предложения, на базе предикативного соединения слов.

²¹ О причинах этого говорилось выше в связи с разбором концепции Л. С. Пейсикова.

1. Разнообразные по форме сочинительные конструкции, в том числе:

а) союзные (*агайан-о банован* «господа и дамы», *кучэк-о бозорг* «маленький и большой», *дир йа зуд* «поздно или рано» и т. п.);

б) с социативным предлогом *ба* (*данэшджуян ба данэшйаран-эшан* «студенты со своими преподавателями», *то ба пэдәр-о мадәр-әт* «ты со своими родителями» и т. п.);

в) построенные интонационно, либо использующие одновременно и интонацию перечисления, и соединительные союзы (*пишвәнд, пәсвәнд, мийанвәнд* «префикс, суффикс, инфикс», *каргәран, дәнғанан вә кармәндан-э джоз'* «рабочие, крестьяне и мелкие служащие» и т. п.).

2. Пояснительные сочетания, в том числе:

а) с пояснительными союзами *йа* «или» и *йә'ни* «то есть» (*фарси-йә ноу йа фарси-йә дәри* «новоперсидский язык или фарси-дари»; *гуйәш йа ләһдәжә* букв. «диалект или диалект», *зәбан-э мадәри-йәш йә'ни зәбан-э фарси* «его родной язык, т. е. персидский язык» и т. п.);

б) бессоюзные, например: *вәндһа* (*пишвәнд, пәсвәнд, мийанвәнд*) «аффиксы (префиксы, суффиксы, инфиксы)», *дҷандаран* (*әнсан, һәйван, пәрәндә*) «живые существа (человек, животное, птица)» и т. п.

3. Уточнительные конструкции (*банкһа-йә иран, мәхсусән банк-э мәлли* «иранские банки, особенно Национальный банк», *нэмайәшдәһәндәган, вә әз ан дҷомлә данэшджуян* «участники демонстрации, и в том числе студенты» и т. п.).

4. Сопоставительные сочетания с союзом *чун, чон* и союзными словами *мәсл-э, манәнд-э* (*шәхс-э шәхис-и чун ага-йә остад* «такой влиятельный человек, как господин профессор», *адәм-э фәғир-и мәсл-э мән* «такой бедняк, как я», *шәһр-э бозорг-и манәнд-э тәһран* «такой большой город, как Тегеран» и т. п.) и некоторые другие.

Грамматическая сущность словосочетания (функция расчлененного или суммарного наименования) определяет его место среди других языковых единиц, в том числе отношение словосочетания, с одной стороны, к предложению, а с другой стороны, — к слову и фразеологическому сочетанию, а это, в свою очередь, подсказывает практические пути выявления персидских словосочетаний.

§ 10. Словосочетание по своей грамматической сущности и структуре резко отличается от предложения. Предложение выступает в роли коммуникативной, а словосочетание — в роли номинативной единицы языка. В связи с этим основным признаком предложения является предикативность в широком понимании этого термина (включая сюда и интонацию

сообщения), а словосочетанию чужды все грамматические категории, объединяемые этим понятием.

Эта мысль, положенная в основу теории словосочетания, разработанной акад. В. В. Виноградовым, и разделяемая создателем теории персидского словосочетания проф. Л. С. Пейсиковым, позволяет назвать один из наиболее существенных критериев для выявления словосочетаний. Словосочетаниями могут быть только такие единицы, которым чужда предикативность. Предикативных словосочетаний не существует, в частности, пары слов, образуемые подлежащим и сказуемым, не являются словосочетанием, так как такая конструкция «всегда служит реализацией простейшей модели предложения, характеризующейся в речи предикативностью, модальностью и интонацией в ее разновидностях»²².

Практически словосочетания могут быть извлечены из предложений и чаще всего являются частью распространенного предложения. Однако далеко не всякая часть предложения, даже лишенная предикативности, может быть названа словосочетанием. К словосочетаниям можно отнести только такие отрезки предложения, которые объединены по смыслу и грамматически и выступают в роли расчлененного или суммарного наименования. Поэтому очевидно, что мы, так же как и Л. С. Пейсиков, но по другим принципиальным соображениям, не относим к числу словосочетаний ни отрезки предложения, включающие модальные слова, ни сочетания междометия с соседними словами, ни конструкции именного связочного сказуемого и т. п., так как все они лишены основного признака словосочетания — номинативной функции.

§ 11. По своему назначению в процессе речевого общения и грамматическим признакам словосочетание имеет много общего с отдельным словом и тем более с фразеологическим сочетанием. Эти три языковые категории объединяет не только принадлежность к числу номинативных единиц языка, но и сходное грамматическое использование. В частности:

1. Словосочетание, так же как отдельное слово и фразеологическое сочетание, обладает способностью синтаксического распространения (ср., например: [кэтаб]-э²³ мән «моя книга», [катаб-э лоғәйт]-э мән «мой словарь» и [кэтаб-э тазэ]-йә мән «моя новая книга» или [кэтаб-о дәфтәр]-э мән «мои книга и тетрадь»; ин [рах] «эта дорога», ин [рах-э аһән] «эта железная дорога» и ин [рах-э раст] «эта прямая дорога» и т. п.).

2. Словосочетание, аналогично отдельному слову и фразеологическому сочетанию, само может служить средством синтаксического распространения другой номинативной еди-

²² Л. С. Пейсиков. Диссертация, стр. 39.

²³ В квадратные скобки помещены сравниваемые единицы языка — слово, фразеологическое сочетание и словосочетание.

ницы (ср., например: *истгаһ-э [отобус]* «остановка автобуса», *истгаһ-э [рах-э аһән]* «железнодорожная станция» и *истгаһ-э [отобус-э номрэ-йэ до]* «остановка автобуса № 2»; *эшэ-э [маддәр]* «любовь матери» или «любовь к матери», *эшэ-э [надәр-о маддәр]* «любовь родителей» или «любовь к родителям» и *эшэ-э [маддәр-э бичарэ]* «любовь несчастной матери» или «любовь к несчастной матери» и т. п.).

3. Словосочетание, аналогично отдельному слову и фразеологическому сочетанию, может вступать в сочинительные отношения с другими номинативными единицами языка (ср., например: *һәсән ба [бәрадәр]-әш* «Хасан со своим братом», *һәсән ба [нэдәр-о маддәр]-әш* «Хасан со своими родителями» и *һәсән ба [һәмэ-йэ ашэнайан]-әш* «Хасан со всеми своими знакомыми» и т. п.).

4. Словосочетание, так же как отдельное слово и фразеологическое сочетание, обладает парадигмой, отражающей многообразие его синтаксического использования. При этом: отдельное слово и соотносительные с ним по составу фразеологическое сочетание и словосочетание, выполняя в предложении аналогичные синтаксические функции, имеют идентичную парадигму синтаксических форм (ср., например: *әз [кэ-таб]* *хош-әм миайәд* «мне нравится книга», *әз [кэ-таб-э дәрси]* *хош-әм миайәд* «мне нравится учебник» и *әз [кэ-таб-э ин нэ-висәндэ]* *хош-әм миайәд* «мне нравится книга этого писателя»; *[кэ-таб]* *ра әз коджа хәридэ ид* «где вы купили книгу?» — *[кэ-таб-э логәт]* *ра әз коджа хәридэ ид* «где вы купили словарь?» и *[кэ-таб-э ин нэ-висәндэ]* *ра әз коджа хәридэ ид* «где вы купили книгу этого писателя?»; *[рах]-и кэ мибинид...* «дорога, которую вы видите...», *[рах-э аһән]-и кэ мибинид...* «железная дорога, которую вы видите...» и *[рах-э барик]-и кэ мибинид...* «узкая дорога, которую вы видите...» и т. п.).

5. Отдельное слово, фразеологическое сочетание и словосочетание (две последних единицы несколько реже в сравнении с первой) используются в словообразовании в роли производящей основы, к которой присоединяются суффикс или полусуффикс²⁴ (ср., например: *турбин + саз = турбинсаз* «турбиностроитель», *чәтр-э нэджат + саз = чәтрэнэджатсаз* «изготовитель парашютов» и *чәрх-э әрабэ + саз = чәрхәәрабэсаз* «изготовитель колес для телег»²⁵ и т. п.).

§ 12. Фразеологическое сочетание, занимая по своей сущности и грамматическим характеристикам промежуточное положение между отдельным словом и словосочетанием, обнаруживает в дополнение к перечисленным выше еще ряд дру-

²⁴ См. Л. С. Пейсиков. Словопроизводные слова-сращения в персидском языке. В сб.: «Иранская филология». Ташкент, 1966, стр. 23—31.

²⁵ Два последних примера взяты из указанной выше работы Л. С. Пейсикова.

гих общих со словосочетанием признаков (чуждых или необязательных для отдельного слова). Фразеологическое сочетание, подобно словосочетанию, распадается на части, в грамматическом отношении более или менее автономные. В частности:

1. Между компонентами фразеологического сочетания всегда устанавливаются отношения, выраженные определенными грамматическими средствами. При этом форма фразеологического сочетания идентична форме словосочетания (ср., например, *рах-э аһан* «железная дорога» и *рах-э тэһран* «дорога в Тегеран»; *пэдәр-о мадәр* «родители» и *каргяр-о дэһган* «рабочий и крестьянин»; *ғәсәм хордән* «клясться» и *нан хордән* «есть хлеб» и т. п.).

2. Компоненты фразеологического сочетания (или один из них), так же как компоненты словосочетания, сохраняют присущую соответствующей части речи систему морфологических форм (ср., например: *пэдәр-о мадәр* «родители» (отец и мать) и *пэдәран-о мадәран* «родители» (отцы и матери); *кэтаб-э лоғат* «словарь» и *кэтабһа-йэ лоғат* «словари»; *һәрф мизәнәм* (*мизәни, мизәнәд* и т. д.) «я разговариваю», «ты разговариваешь», «он (она) разговаривает» и т. д.).

3. Именная часть некоторых фразеологических глагольных сочетаний («сложных глаголов») в предложении может вести себя как самостоятельная синтаксическая единица (что сближает ее с зависимым именным членом глагольного словосочетания): она обнаруживает способность к самостоятельному синтаксическому распространению с помощью зависимых слов и даже предложений, получает самостоятельное синтаксическое оформление и т. п. (например: *һәрфһа-йэ һэсаби мизәни* «ты говоришь стоящие вещи», *һәрф-и кэ мизәни...* «то, что ты говоришь...», *ин һәрф ра биход мизәни* «ты говоришь это напрасно» и т. п.).

§ 13. Хотя в персидском языке словосочетание (прежде всего именная), отдельное слово и фразеологическое сочетание, как мы старались показать выше, обнаруживают много принципиально общего, вместе с тем эти языковые категории имеют и существенные различия²⁶.

²⁶ Проблема соотношения слова с другими единицами языка, в частности, вопрос о границе между сложным словом, аналитической формой слова и словосочетанием, с одной стороны, и фразеологическими единицами, с другой,— привлекали внимание многих исследователей (см. библиографию к ст. Ю. Авалиани. К вопросу о сложных глаголах в иранских языках. «Труды Узб. гос. ун-та им. Алишера Навои», вып. 79. Самарканд, 1957). Однако в иранистике, в том числе в теории персидского языка, весь круг вопросов, относящихся к проблеме отдельности слова, мало изучен. Несколько опубликованных работ и докладов, в большей или меньшей степени связанных с интересующей нас темой (см. Ю. Ю. Авалиани. Ук. ст.; Н. А. Мухамедова. К вопросу о границах слова.

Основное отличие словосочетания от слова заключается в следующем:

Слово представляет собой единицу, лексически монолитную, нечленимую, тогда как словосочетание распадается на несколько самостоятельных лексем. Лексическая расчлененность словосочетания и противопоставляемая ей монолитность слова имеют многообразное проявление. В частности:

1. Компоненты словосочетания семантически самостоятельны, каждый из них является автономной номинативной единицей. При этом общее значение словосочетания складывается из совокупности значений его членов (словосочетание неидеоматично).

Слово, в отличие от словосочетания, семантически целостно. Даже сложное слово, которое, по единодушному признанию исследователей, «характеризуется наличием в нем двух смысловых центров»²⁷, выступает как единая семантическая единица, так как в нем имеет место «известная, различная по степени, утрата значения отдельных морфем, их постепенное стирание и наконец ассимиляция этих значений в одном новом понятии»²⁸.

2. Компоненты словосочетания, выраженные изменяемыми частями речи, имеют присущую данной части речи систему морфологических форм. Ср., например: *кэтаб-э данэшджу* «книга студента», *кэтабһа-йэ данэшджу* «книги студента», *кэтаб-э данэшджуйан* «книга студентов» и *кэтабһа-йэ данэшджуйан* «книги студентов».

Слово, в отличие от словосочетания, всегда «цельнооформленно»²⁹.

в персидском языке. «IV Всесоюзн. научн. конф. по иранской филологии» (тезисы докладов). Ташкент, 1964; Л. С. Пейсиков. О границах применения синтагматического анализа (на материале сложных слов персидского языка). Доклад, прочитанный на Ломоносовских чтениях МГУ, 1965; его же. К типологии служебных глаголов в персидском языке. «Вопросы языка и литературы стран Востока», вып. 1. М., 1958; И. К. Овчинникова. К вопросу о разграничении слова и словосочетания применительно к практике словарной работы. Доклад, прочитанный на Ломоносовских чтениях МГУ, 1958, а также отдельные замечания и наблюдения, имеющиеся в некоторых опубликованных работах и диссертациях, посвященных смежным темам, представляют собой лишь первую попытку постановки и поисков путей решения этой проблемы. Мы в данной статье также ограничимся лишь наиболее общими, не претендующими на полноту замечаниями.

²⁷ Ю. Ю. Авалиани. Ук. ст., стр. 18.

²⁸ Там же.

²⁹ См. А. Н. Смирницкий. К вопросу о слове. В сб.: «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию». М., Изд-во АН СССР, 1955; его же. Лексическое и грамматическое в слове. В сб.: «Вопросы грамматического строя». М., Изд-во АН СССР, 1955 и др.

3. Компоненты словосочетания, каждый в отдельности или по крайней мере один из них, способны к самостоятельному синтаксическому распространению. Например: *данэшджу-йэ данэшгаһ* «студент университета» → *данэшджу-йэ сал-э ай-вэйл-э данэшгаһ-э ма* «студент первого курса нашего университета»; *шайр-и мананд-э тэһран* «такой город, как Тегеран» → *шайр-э бозорг-и мананд-э тэһран, пайтэхт-э иран* «такой большой город, как столица Ирана Тегеран»; *дохтэр-э зибә* «красивая девушка» → *дохтэр-э хэйли зибә* «очень красивая девушка» и т. п.

Части слова, даже если они представлены корневыми морфемами, не могут вступать в самостоятельные синтаксические связи, не способны к синтаксическому распространению.

§ 14. Фразеологическое сочетание по многим признакам, особенно структурным, ближе к словосочетанию, чем отдельное слово. Однако и между этими языковыми единицами существуют существенные различия, которые в основном сводятся к следующему.

Словосочетание, как уже говорилось выше, состоит из компонентов, самостоятельных как по значению, так и по грамматическим признакам. Компоненты же фразеологического сочетания автономны только с точки зрения грамматической, но не семантической. Как отмечают исследователи, фразеологическое сочетание по значению смыкается с отдельным словом, и в семантическом плане представляет собой единицу, в большей или меньшей степени монолитную.

Иными словами, в словосочетании мы наблюдаем полное соответствие между грамматической и семантической расчлененностью. В фразеологическом сочетании, напротив, грамматическая расчлененность находится в противоречии со смысловой целостностью. По удачному выражению Л. С. Пейсикова, фразеологическое сочетание «характеризуется «снятыми» синтаксическими отношениями между компонентами и «мертвой» формой связи»³⁰.

Не только по значению, но и по некоторым грамматическим признакам фразеологическое сочетание представляет собой более целостную единицу, чем словосочетание аналогичной структуры. Это особенно заметно при сопоставлении идентичных по форме фразеологических сочетаний и словосочетаний. В частности, мы видим, что:

1. Фразеологические изафетные сочетания распространяются за счет зависимых слов и сочетаний только как единое целое, а их составные части неспособны вступать в самостоятельные синтаксические связи. Компоненты изафетных словосочетаний, напротив, способны к самостоятельному син-

³⁰ Л. С. Пейсиков. Диссертация, стр. 40.

таксическому распространению. Ср., например, *rah-э ahän* «железная дорога» → *rah-э ahän-э тазэ* «новая железная дорога» и *rah-э тэһран* «дорога в Тегеран» → *rah-э тазэ-йэ тэһран* «новая дорога в Тегеран» (в первом случае определение *тазэ* «новый» относится ко всему фразеологическому сочетанию; во втором — только к первому члену словосочетания).

2. В предложении именные фразеологические сочетания синтаксически неразложимы — они выступают в роли одного именного члена. Компоненты именных словосочетаний, напротив, большей частью синтаксически членимы и функционируют как два разных члена предложений, хотя в некоторых случаях именное словосочетание выступает в роли того или иного члена предложения всем своим составом³¹.

§ 15. Как видно из предшествующего изложения, можно выделить несколько семантических и грамматических признаков, позволяющих в сомнительных случаях, т. е. там, где мы имеем дело с внешне сходными конструкциями, разграничить отдельное слово, фразеологическое сочетание и словосочетание³²:

1) семантическая целостность или расчлененность;

2) морфологическая цельнооформленность или раздельнооформленность;

3) синтаксическая монолитность или немонолитность (в частности, способность или неспособность компонентов к самостоятельному синтаксическому распространению, функционирование в роли отдельных членов предложения или же одного члена) и связанная с этим пронцаемость или непронцаемость.

Следующая таблица покажет отношение к этим признакам каждой из трех номинативных единиц:

	Слово	Фразеологическое сочетание	Словосочетание
Семантическая целостность	+	+	—
Морфологическая цельнооформленность	+	—	—
Синтаксическая монолитность	+	±	±

§ 16. Словосочетание следует отличать также от аналитических (описательных) форм слов. Хотя некоторые типы последних по внешним признакам напоминают словосочета-

³¹ Книга, стр. 106—110 и др.

³² По-видимому, эти языковые единицы различаются также по фонетическим характеристикам (месту ударения и т. п.), однако ввиду незначительности этого вопроса мы этих различий не касаемся.

ние (например, описательные формы с глаголом *даштән*: *дарам миханәм* «я читаю», *даштәм михандәм* «я читал» и т. п. или описательная форма превосходной степени: *аз һәмэ бозоргтәр* «самый большой» и т. п.) все же между словосочетанием и аналитической формой существуют принципиальные различия.

Главное отличие между ними заключается в том, что аналитические формы «обычно входят в систему форм простого слова»³³, т. е. являются формой изменения одного слова, тогда как словосочетание представляет собой соединение не менее двух знаменательных слов. Например, конструкции *аз һәмэ бозоргтәр* «самый большой», *аз һәмэ кучэктәр* «самый маленький» и т. п. стоят в одном ряду с другими формами соответствующих прилагательных: *бозорг* «большой» — *бозоргтәр* «больше» — *бозоргтәрин* — *аз һәмэ бозоргтәр* «самый большой»; *кучэк* «маленький» — *кучэктәр* «меньше» — *кучэктәрин* — *аз һәмэ кучэктәр* «самый маленький». Точно так же приведенные выше аналитические формы с глаголом *даштән* представляют собой одно из звеньев в системе форм глагола *хандән* «читать».

Кроме того, аналитические формы, как отмечают исследователи, обычно представляют собой соединение знаменательного слова со служебным, и тем самым по структурным признакам отличны от словосочетания.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

1. Словосочетание — это отдельная синтаксическая единица, выступающая в речи в роли расчлененного или суммарного наименования предметов, явлений, качеств или других признаков, процессов, состояний и т. п.

2. Словосочетание всегда состоит не менее чем из двух знаменательных слов, между которыми устанавливаются те или иные грамматические (синтаксические) отношения.

3. Между членами словосочетания могут существовать самые разнообразные синтаксические отношения, и не только подчинительные, но и сочинительные, сравнительно-уподобительные, пояснительные и т. д. и т. п.

4. Словосочетание резко отличается от другой синтаксической единицы — предложения. В отличие от предложения словосочетание не является единицей общения и сообщения, не выражает относительно законченной мысли и ему чужд основной грамматический признак предложения — предикативность в широком понимании этого термина.

5. В процессе речевого общения словосочетание обычно используется в составе распространенного предложения и

³³ Грамматика русского языка, т. II. ч. I. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 21.

практически может быть извлечено из него аналитическим путем. Однако далеко не всякая часть предложения является словосочетанием. Главным критерием, позволяющим отграничить словосочетание от других синтаксических образований в составе предложения, является номинативная функция словосочетания и отсутствие предикативности.

6. По своей внутренней сущности и ряду грамматических признаков словосочетание сближается с другими номинативными единицами — отдельным словом и фразеологическим сочетанием (с последним особенно):

7. Вместе с тем, словосочетание, как синтаксическая номинативная единица, отличается от двух других, лексических номинативных единиц. Главное отличие словосочетания от отдельного слова и фразеологического сочетания состоит в его семантической и грамматической расчлененности (которой противостоят семантическая и грамматическая монолитность слова и относительная семантическая целостность и неполная грамматическая автономия компонентов фразеологического сочетания).

8. Известные трудности в отграничении словосочетания от отдельного слова возникают практически в тех случаях, когда мы имеем дело с лексикализовавшимися синтаксическими конструкциями, еще не утратившими формы словосочетаний. Критерием, позволяющим отличить отдельное слово, сохраняющее внешний облик словосочетания, от живых словосочетаний, является утрата компонентами слова семантической самостоятельности, цельноформленность, неспособность компонентов слова вступать в самостоятельные синтаксические связи, непроницаемость и т. п.

9. В ряде случаев представляется затруднительным отличить словосочетание от фразеологического сочетания, так как эти две языковые категории имеют много общего в своей структуре, а некоторые типы фразеологических сочетаний граничат со словосочетаниями. Основными признаками фразеологического сочетания, позволяющими отграничить его от словосочетания, являются: более или менее отчетливо выраженная семантическая целостность, ограниченная грамматическая автономия компонентов и т. п.

10. По внешним структурным признакам словосочетание иногда сближается с аналитическими формами слова. Основное различие между ними заключается в том, что словосочетание, являясь синтаксической единицей, представляет собой объединение нескольких лексем, тогда как аналитическая форма, как единица морфологическая, входит в систему форм одной лексемы.

И. К. Овчинникова

ИМЕННЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ В ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ И ВОЗМОЖНЫЕ ПРИНЦИПЫ ИХ КЛАССИФИКАЦИИ

§ 1. В соответствии с нашим пониманием природы словосочетания и предлагаемым нами определением этого термина¹, именное словосочетание — это такая синтаксическая единица, выступающая в речи с функцией развернутого или суммарного наименования предметов и явлений действительности, которая включает, помимо служебных слов и частиц, не менее двух имен, объединенных по смыслу и грамматически (*дивар-э ханэ* «стена дома», *мадър-э ман* «моя мать», *до кэтаб* «две книги», *ин мърд* «этот мужчина», *д̄жэлоугири аз д̄жян̄г* «предотвращение войны», *м̄ан-о шома* «я и Вы», *данэшм̄андан*, *нэвис̄андэган в̄а хан̄арм̄андан* «ученые, писатели и деятели искусства» и т. п.). К именным словосочетаниям относятся также единства, компоненты которых (один или несколько) представлены не отдельным именем, а целым именным словосочетанием (*нэвис̄андэ-йэ м̄ашхур-э ф̄арансэви мопасан* «известный французский писатель Мопасан», *фарси-йэ ноу йа фарси-йэ д̄ари* «новоперсидский язык или фарсидари», *миһан-э азиз-ам этгэһад-э д̄жәмаһир-э шоурәви-йэ сусийалисти* «моя любимая Родина Союз Советских Социалистических республик» и т. п.).

Можно предложить несколько типов классификации именных словосочетаний, в частности: 1) логико-семантическая

¹ См. нашу статью «К вопросу о грамматической сущности и принципах выявления словосочетаний в персидском языке» в данном сборнике.

классификация; 2) формальная классификация; 3) смешанная формально-семантическая классификация².

Логико-семантическая классификация именных словосочетаний

§ 2. В основе этой классификации лежат понятия логики и смысловые отношения между компонентами.

Соотносительно с понятиями логики именные словосочетания делятся на следующие основные типы:

1. Раздельно-понятийные словосочетания. Они образуются в результате объединения однородных и синтаксически равноправных членов, обозначающих независимые друг от друга и сосуществующие понятия (соответственно — предметы и явления действительности): *каргяран-о дэһғанан* «рабочие и крестьяне», *гәм-о шади* «горе и радость», *митингһа йа тәзаһорат* «митинги или демонстрации» и т. п. Эти словосочетания строятся по формуле: $A+B=B+A$.

2. Цельно-понятийные словосочетания, обозначающие единое, хотя и расчлененное понятие, и выступающие в роли развернутого наименования предметов и явлений действительности: *дохтәр-э зибә* «красивая девушка», *пәндж кэтаб* «пять книг», *фарси-йэ ноу йа фарси-йэ дәри* «новоперсидский язык или фарси-дари», *никола гогол*, *нэвисәндэ-йэ мәһһур-э рус* «Николай Гоголь, известный русский писатель», *руз бэ руз* «день ото дня», *кэтаб дәр дәст* «с книгой в руках», «держа книгу в руках» и т. п.

§ 3. По характеру смысловых взаимоотношений компонентов как раздельно-понятийные, так и цельно-понятийные словосочетания, в свою очередь, можно разбить на более мелкие типы и подтипы. Так, внутри раздельно-понятийных словосочетаний можно выделить:

1) соединительные или социативные (*данэшджуян-о данэшамузан* «студенты и школьники», *данэшджуян ба да-*

² Именные словосочетания, как и всякая языковая единица, характеризуются единством формы и содержания. Поэтому анализ именных словосочетаний независимо от принятого типа их классификации непременно должен включать описание как формы словосочетаний, так и их грамматического значения. Говоря о разных типах классификации (в частности, логико-семантической и формальной), мы отнюдь не имеем в виду, что в одном случае предполагается освещение только системы смысловых отношений, передаваемых словосочетанием, а в другом — только описание их структурных особенностей. Речь идет лишь о том, с чего начинать, что взять за основу — общность значения или общность формы: говорить ли о том, какие существуют смысловые разряды именных словосочетаний и какие формы каждому из них соответствуют, либо наоборот — какие имеются структурные типы словосочетаний и каков круг значений, каждым структурным типом передаваемых.

нэшияран-эшан «студенты со своими преподавателями» и т. п.);

2) разделительные (*шаэр йа нэггаш* «поэт или живописец», *йа нэйван йа энсан* «либо животное, либо человек» и т. п.) и некоторые другие.

Особенно разнообразны по характеру соотношения компонентов цельно-понятийные сочетания. Среди них можно выделить три основных типа:

1) подчинительные, передающие несовпадающие (необратимые) отношения, по формуле $A : B \neq B : A$. Например: *нэсёр-э йэксалэ* «годовалый мальчик», *данэшджу-йэ данэшгаһ* «студент университета», *до руз* «два дня» и т. п.;

2) пояснительные, передающие совпадающие, обратимые отношения, по формуле $A : B = B : A$. Например: *фарси-йэ ноу йа фарси-йэ дәри* «новоперсидский язык или фарси-дари», *нэвисәндэ-йэ фәрансэви мопасан* «французский писатель Мопасан», *шивэ-йэ джәдид-э әдәби манәнд-э дастан вә нэмайәш* «новые литературные формы, такие, как рассказ и пьеса», *шаһәншаһ (арйамәһр) моһәммәд рэза пәһләви* «Его Величество шах Ирана Мухаммед Реза Пехлеви» и т. п.;

3) сочетания, лишённые внутренних смысловых отношений между компонентами и выступающие всем своим составом с единым, обычно обстоятельством значением. Например: *сал бэ сал* «из года в год», «год от года», *до руз дәр мийан* «через два дня», «каждый третий день», *чэрағ дәр дәст* «с фонарем в руке», «держа фонарь в руке» (например, в предложении: *набина-и дәр шәб-э тарик чэрағ дәр дәст вә сәбу бәр душ дәр базар раһ мирәфт* «Некий слепец шел по базару, держа фонарь в руке и кувшин на плече») и т. п.

§ 4. Внутри первых двух типов (подчинительных и пояснительных), в свою очередь, легко прослеживаются более мелкие подтипы. Так, в состав подчинительных словосочетаний входят:

1) собственно подчинительные с отчетливо выраженным смысловым и грамматическим стержнем. Они передают разнообразные определительные отношения: собственно определительные, определительно-субъектные, определительно-объектные, определительно-обстоятельственные и др. Например: *ханэ-йэ бозорг* «большой дом», *до кэтаб* «две книги», *киф-э данэшиар* «портфель преподавателя», *джәваб-э данэшджу* «ответ студента» или «ответ студенту», *дэфа' аз солһ* «защита мира» и т. п.;

2) подчинительно-уточнительные. Один член таких словосочетаний является главным, он вводит соответствующее понятие в речевую коммуникацию. Другой, зависимый член, содержит всевозможные уточнения к первому члену, обусловленные потребностями контекста (*һәмэ-йэ вәрзешкаран, хаһ*

мәрд, хан зян «все спортсмены как мужчины, так и женщины», *сайэр-э банкһа джоз банк-э мэлли* «прочие банки, кроме «Национального банка», *пэдәран-о мадәран, вижэ фәрһан-гийн* «отцы и матери, особенно работающие в области просвещения», *һәргунэ асар-э һонәри, вә әз ан мийан әдәбийат* «любое произведение искусства, в том числе литературное произведение» и т. п.) и некоторые другие.

Внутри пояснительных словосочетаний также можно выделить более мелкие разновидности:

1) собственно пояснительные, компоненты которых имеют равный объем значения. К их числу принадлежат, например, сочетания терминов-синонимов (*джомлэ-йэ гәйр-э мостәгим йа джомлэ-йэ мәглуб* «предложение с обратным порядком слов, или с инверсией членов», *гуйши йа ләһджэ* букв.: «диалект или диалект» и т. п.). Сюда же относятся такие словосочетания, первый член которых содержит суммарное наименование предметов или явлений, а второй — индивидуальное наименование каждого из них (*вәндһа (пишвәнд, мийанвәнд, пәсвәнд)* «аффиксы (префиксы, инфиксы, суффиксы)» и т. п.);

2) пояснительно-распространительные словосочетания. В отличие от собственно пояснительных, компоненты этих словосочетаний имеют неравный объем значения: один из них называет предмет или явление действительности, а другой, выступая в роли наименования того же самого предмета или явления, одновременно содержит добавочную информацию о нем (*нәһру, нәхоствәзир-э һәндустан* «Неру, премьер-министр Индии», *валаһәзрәт рәза пәһләви, вәлийәһд-э иран* «Его Высочество Реза Пехлеви, наследный принц Ирана» и т. п.) и некоторые другие.

§ 5. Дальнейшая, еще более дробная и детальная смысловая классификация внутри перечисленных выше рубрик отразит уже не только (и не столько) логические отношения, но и их семантические оттенки. Например, среди подчинительных словосочетаний, передающих определительные (атрибутивные) отношения, можно выделить словосочетания с качественным атрибутом (*зән-э джәван* «молодая женщина», *ханэ-йэ боләнд* «высокий дом» и т. п.), с количественным атрибутом (*до маһ* «два месяца», *йәк кило ард* «один килограмм муки» и т. п.), словосочетания, выражающие принадлежность (*отаг-э мән* «моя комната», *сәг-э пэдәр-әм* «собака моего отца» и т. п.), словосочетания, обозначающие действие вместе с его субъектом или объектом (*порсәш-э данәшамуз* «вопрос ученика», *тәшкил-э һәзб* «создание партии» и т. п.), словосочетания, обозначающие действие и обстоятельственные признаки, ему сопутствующие, — направленность действия, время и место совершения, причину, цель и т. п. (*мосафәрәт-э бә*

д̄жāнуб «поездка на юг», *мозакэрат-э д̄āн сал ниш* «переговоры, имевшие место десять лет тому назад») и т. д. и т. п.

Аналогичным образом можно по тонким оттенкам значения произвести дальнейшее членение внутри подчинительно-уточнительных, собственно пояснительных, пояснительно-распространительных и других разрядов словосочетаний.

Семантическая классификация при желании может быть очень дробной. Однако сколь бы детально она ни была, эта классификация не в силах отразить всего богатства и многообразия смысловых отношений, возникающих между членами именного словосочетания.

Формальная классификация именных словосочетаний

§ 6. Наряду с логико-семантической можно представить формальную классификацию именных словосочетаний. Поскольку в основе этой классификации лежат такие понятия, как внутренняя форма словосочетания и его структурный тип, остановимся коротко на их характеристике.

Внутренняя форма именного словосочетания

Персидский язык обладает очень большим арсеналом средств, с помощью которых отдельные имена объединяются в единое синтаксическое целое — именное словосочетание. К числу этих средств, которые можно назвать релятивными показателями словосочетания, относятся:

1) служебные релятивные слова:

а) союзы и союзные слова (*агайан-о банован* «господа и дамы», *зāн йа мārд* «женщина или мужчина», *шивэ-йэ д̄жā-дид-э āдāби манāнд-э дастан вā нэмайэш* «новые литературные формы, такие, как рассказ и пьеса», *адām-э фāгир-и мэсл-э мāн* «такой бедняк, как я» и т. п.);

б) предлоги и предложные конструкции (*нāмкири ба доу-лāt* «сотрудничество с правительством», *тārāфдари āз сий-асāt-э солхд̄жуйанэ* «поддержка мирной политики», *нāмэ-йэ āфрад-э ханэвадэ, āз бāччēна гэрэфтэ та пэдārбозорг вā ма-дārбозорг* «все члены семьи, начиная от детей и кончая де-душкой и бабушкой» и т. п.);

в) слитные местоимения (*āму зāн-āш* «жена дяди», *āли кāри чэшм-āш* «глаза Али Кери» и т. п.);

г) слова-уточнители и примыкающие к ним по смыслу стабильные конструкции (*āмпэрийалисм, мāхсусāн āмпэрий-алисм-э эмрика* «империализм, особенно американский», *данэшд̄жуйан, вā гāбл āз нāме данэшд̄жуйан-э данэшгах* «студенты, и прежде всего студенты университета» и т. п.);

2) частицы:

а) изафетная частица (*ханэ-йэ бозорг* «большой дом», *шәһр-э тәһран* «город Тегеран», *пэдйр-э то* «твой отец» и т. п.);

б) артикль (*мошт-и аб* «пригоршня воды», *шәһр-э бозорг-и манянд-э тәһран* «такой большой город, как Тегеран» и т. п.);

3) распространительные повторы (*бу-йэ мордэ, бу-йэ мордэ-йэ тәджзийэшодэ* «запах трупа, запах разложившегося трупа» и т. п.);

4) соположение компонентов (стабильный порядок слов) (*бэһтәрин данэшджу* «самый лучший студент», *до сал* «два года», *ан руз* «тот день» и т. п.);

5) интонация (движение тона и ритмическое членение с помощью пауз): *джомлэ-йэ гэйр-э мостәгим* (*джомлэ-йэ мә-глуб*) «предложение с обратным порядком слов (с инверсией членов)», *чэрчил, нәхоствәзир-э вәгт* «Черчилль, премьер-министр того времени» и т. п.

Релятивные показатели, с помощью которых происходит объединение отдельных компонентов в единое синтаксическое целое — именное словосочетание, — составляют внутреннюю форму именного словосочетания.

Для построения именного словосочетания могут быть использованы как один, так и несколько из перечисленных выше релятивных показателей (до четырех включительно). В первом случае мы имеем дело с простой; во втором — со сложной внутренней формой именного словосочетания.

Примеры словосочетаний с простой внутренней формой: *пәндж руз* «пять дней», *әввәлин дәрс* «первый урок», *каргяр вә дәнган* «рабочий и крестьянин» и т. п. (в первых двух примерах компоненты объединены только с помощью определенного порядка слов; в последнем примере — только с помощью соединительного союза).

Примеры словосочетаний со сложной внутренней формой: *шәһр-э бозорг* «большой город», *дохтәр-э зибә* «красивая девушка», *мәғдар-и джәнс* «некоторое количество товара», *мә-бләг-и нәгд* «некая сумма денег наличными» и т. п. (два релятивных показателя: изафет и порядок слов или артикль и порядок слов); *джандаран йә' ни энсан, һәйван, пәрәндэ* «живые существа, т. е. человек, животное, птица», *әмпәрийалисм, мәхсусән әмпәрийалисм-э әмрика* «империализм, особенно американский», *куһ-и әз әснад* «гора документов» и т. п. (три релятивных показателя: служебное слово, порядок слов и интонация или артикль, порядок слов и предлог); *данэшджуян, вә әз ан мийан данэшджуян-э данэшган-э тәһран* «студенты, и в том числе студенты тегеранского университета» (четыре релятивных показателя: интонация, союз *вә*, уточнительная конструкция *әз ан мийан* «в том числе» и порядок слов).

Обязательные и факультативные релятивные показатели

§ 7. Среди релятивных показателей, участвующих в формировании именованного словосочетания, следует различать обязательные и факультативные.

Возьмем, например, словосочетание: *данэшджуян, вā āз ан мийан данэшджуян-э данэшгаһ-э тэһран* (значение см. выше). Мы можем свободно опустить союз *вā*, смысл конструкции при этом не изменится. Таким образом, союз *вā* «и» принадлежит здесь к числу факультативных (избыточных) релятивных средств. Все остальные релятивные показатели не могут быть изъяты из внутренней формы словосочетания, так как пропуск хотя бы одного из них повлек бы за собой разрушение именованного словосочетания. Таким образом, эти релятивные средства (уточняющая конструкция *āз ан мийан* «в том числе», интонация и порядок слов) являются обязательными.

К вопросу о господствующих и сопутствующих релятивных показателях

§ 8. Л. С. Пейсиков, анализируя форму персидского словосочетания, предлагает разграничивать языковые средства, с помощью которых организуется словосочетание (мы их называем релятивными показателями), на главные (господствующие) и второстепенные (сопутствующие). «Форма словосочетания, — пишет он, — ... оказывается понятием сложным, так как в формировании каждого словосочетания участвуют два или более способов связи слов в их совокупности и в различных комбинациях»³. «По-видимому, — продолжает Л. С. Пейсиков, — не существует таких словосочетаний, которые были бы построены на каком-нибудь одном способе связи, однако важно и нужно выделить господствующую форму связи, определяющую грамматическую специфику данного словосочетания»⁴.

В изафетных словосочетаниях Л. С. Пейсиков считает господствующей формой связи сам изафетный показатель, а порядок слов — второстепенным (сопутствующим) формальным признаком. В именных предложных конструкциях главным выразителем синтаксических отношений (господствующей формой), по мнению Л. С. Пейсикова, является предлог, а факультативный изафет и порядок слов представляют собой сопутствующую форму синтаксической связи.

³ Л. С. Пейсиков. Вопросы синтаксиса персидского языка. М., Изд-во ИМО, 1959, стр. 40.

⁴ Там же.

Сама мысль о неравноценности различных компонентов внутренней формы словосочетания является ценной и интересной. Однако ее обоснование и конкретные оценки, даваемые Л. С. Пейсиковым, не всегда представляются нам правильными и справедливыми.

Например, анализируя словосочетание *nārcām-э сорх* «красное знамя» и выясняя, какими грамматическими средствами передается здесь смысловая зависимость между компонентами, Л. С. Пейсиков отдает явное предпочтение изафетному показателю перед порядком слов. «Расположение членов (порядок слов), — пишет он, — не является здесь решающим, так как без частицы невозможно выразить содержание данного словосочетания и, кроме того, существуют аналогичные изафетные соединения с обратным расположением членов (например, *сайэр-е-рофāга* «остальные товарищи»)»⁵.

С аргументацией Л. С. Пейсикова невозможно согласиться. Разумеется, бесспорно, что без изафетного показателя данное словосочетание превратится просто в два не связанных друг с другом слова: *nārcām сорх* «знамя, красный». Но так же бесспорно и то, что перестановка компонентов тоже приведет к разрушению данного изафетного словосочетания. Конструкция *сорх-э nārcām* является бессмыслицей и противоречит нормам персидской грамматики.

Таким образом, для разбираемого словосочетания и изафетный показатель, и порядок слов в одинаковой степени необходимы. Они выступают в роли равноправных компонентов внутренней формы данного изафетного словосочетания.

Ссылка на возможное иное расположение компонентов в изафетном словосочетании также не убеждает нас в том, что для изафетных словосочетаний «порядок слов имеет второстепенное значение»⁶. Оставляя в стороне вопрос о причинах такого расположения членов и о том, насколько типично для современного персидского языка препозитивное изафетное распространение, достаточно вспомнить, что в словосочетании *сайэр-э рофāга* «остальные товарищи», на которое ссылается Л. С. Пейсиков, также невозможно произвести перестановку компонентов. Так что мы можем говорить только о структурных вариантах изафетной конструкции — с постпозитивным и препозитивным зависимым членом, причем для каждого из этих структурных вариантов стабильный порядок слов является обязательным в той же самой степени, как и употребление изафетного показателя.

Не только в изафетных, но и многих других структурных типах именных словосочетаний мы наблюдаем аналогичную картину, когда ни один из релятивных показателей не яв-

⁵ Л. С. Пейсиков. Ук. соч., стр. 39.

⁶ Там же, стр. 40.

ляется факультативным, и все элементы внутренней формы представляются одинаково необходимыми для организации словосочетания. Для краткости приведем еще всего лишь один пример: *кәлэмат-и мәсл-э рәфтән, хордән, амәдән* «слова типа «рәфтән», «хордән», «амәдән». Здесь все три релятивных показателя (артиклъ, союзное слово *мәсл-э* и порядок слов) являются необходимыми для передачи соответствующего значения; пропуск хотя бы одного из них приведет к распадению единства, нарушению его целостности, т. е. к уничтожению словосочетания.

Можно ли при таком положении вещей ставить вопрос о сравнительной значимости релятивных показателей и выделять среди них господствующие? Нам представляется, что можно, но не в том смысле, как это делает (на примере изафетных словосочетаний) Л. С. Пейсиков.

В тех случаях, где нет факультативных элементов внутренней формы, и все релятивные показатели являются необходимыми для передачи значения словосочетания, отпадает сам вопрос, какой из них для данного типа сочетания является «решающим и определяющим приемом соединения слов», а какой «имеет второстепенное значение»⁷.

Тем не менее предложенное Л. С. Пейсиковым понятие «сопутствующий элемент формы», противопоставляемый «господствующему», может быть сохранено, но с иным обоснованием.

Нетрудно заметить, что изафетный показатель, предлог, союз и союзное слово и другие материализованные релятивные средства, а также различные типы интонации (уточнительная, пояснительная и т. п.) являются индивидуальным признаком того или иного структурного типа именных словосочетаний. В противоположность им¹ стабильный порядок слов — явление обычное почти для всех структурных типов именных словосочетаний. Лишь немногие разряды именных словосочетаний полностью равнодушны к соположению своих компонентов. Гораздо чаще мы сталкиваемся с таким положением, когда перестановка компонентов словосочетания либо вовсе невозможна (ср., например, *пәндж кәтаб* «пять книг» и *кәтаб пәндж?*, *ханэ-йэ ма* «наш дом» и *ма-йэ ханэ?* и т. п.), либо сопряжена с изменением значения словосочетания (ср., например: *дуст-э данзыйар-әм* «друг моего преподавателя» и *данзыйар-э дуст-әм* «преподаватель моего друга») или же сопровождается заменой других релятивных показателей, т. е. изменением структурного типа словосочетания. Например, сочетания *нәхостин эшг* «первая любовь» и равнозначное ему *эшг-э нәхостин* отличаются не только порядком слов, но и вообще представляют различные структурные типы: первое по-

⁷ См. Л. С. Пейсиков. Ук. соч., стр. 39—40.

строено на примыкании, второе является изафетной конструкцией.

В свете сказанного становится очевидным, что большинство словосочетаний со сложной внутренней формой (например, изафетные, предложные, с союзными словами и словами-уточнителями и др.) отличаются от других структурных типов не стабильным порядком слов, а другими релятивными показателями. В одних случаях это изафет (в изафетной конструкции), в других — предлог (в предложной конструкции), в третьих — союзное слово, одно или вместе с соответствующей интонацией и т. д. Именно они и выступают в роли господствующего элемента соответствующей внутренней формы, между тем как порядку слов отводится роль сопутствующего релятивного показателя.

§ 9. Господствующая форма именного словосочетания, в свою очередь, может быть простой (включающей один релятивный показатель) и сложной (состоящей из нескольких релятивных показателей). Ср., например: *дэфа' аз солһ* «защита мира» и *һәмэ-йэ афрадэ ханэвадэ, аз баччэһа гэрэфтэ та пэдәрбозорг вә мадәрбозорг* «все члены семьи, начиная от детей и кончая дедушкой и бабушкой». В первом примере простая господствующая форма, она представлена одним только предлогом; во втором — мы имеем сложную господствующую форму: интонация + предложная конструкция *аз ... гэрэфтэ, та...*

§ 10. Возвращаясь к вопросу о формальной классификации именных словосочетаний, мы должны отметить, что названные нами выше типы релятивных показателей (обязательные и факультативные, господствующие и сопутствующие) представляют для такой классификации различный интерес.

Во-первых, факультативные релятивные показатели не образуют самостоятельных структурных типов именного словосочетания. Словосочетания с факультативными элементами внутренней формы составляют всего лишь один из вариантов внутри соответствующего структурного типа, характеризуемого обязательными релятивными показателями.

Во-вторых, структурные типы именных словосочетаний определяются господствующей (а не сопутствующей) формой связи. В связи с этим правильное выявление господствующей формы словосочетания — первое и неперемное условие для создания формальной классификации именных словосочетаний.

§ 11. Как мы пытались показать выше, структурный тип именного словосочетания определяется прежде всего по его господствующей форме. Однако при этом следует учитывать также и другие внешние признаки, отражающие различную степень спаянности компонентов словосочетания: способ-

ность компонентов меняться местами, проницаемость словосочетания по отношению к служебным релятивным словам и частицам и проницаемость по отношению к посторонним для словосочетания элементам контекста.

Возьмем, например, такие словосочетания:

а) *до данэшджу* «двое студентов», *ним кило нан* «полкило хлеба», *ин мйрд* «этот мужчина» и т. п.;

б) *нāхоствāзир-э энглэстан чэрчил* «премьер-министр Англии Черчилль», *нэвисāндэ-йэ рус никола гогол* «русский писатель Николай Гоголь», *пайэтāхт-э иран тэһран* «столица Ирана Тегеран» и т. п.

Оставляя в стороне довольно сложный вопрос, идентична ли форма словосочетаний группы а) и группы б) можно ли считать связь приложения с «прилагаемым» одной из разновидностей примыкания, мы не можем отнести словосочетания группы а) и группы б) к одному структурному типу, так как они различаются по ряду очень существенных формальных признаков. Первые словосочетания являются более монолитными, в частности, их компоненты не могут быть переставлены, между ними не могут быть помещены ни служебные релятивные слова, ни посторонние словосочетанию элементы контекста.

Компоненты вторых словосочетаний спаяны гораздо менее тесно. В частности, их компоненты могут меняться местами (ср., например: *нāхоствāзир-э энглэстан чэрчил* и *чэрчил нāхоствāзир-э энглэстан* или *пайэтāхт-э иран тэһран* и *тэһран пайэтāхт-э иран* и т. п.), между ними могут быть помещены предлоги или даже сказуемое (или его связочная часть). Например, *дār тэһран*, *дār пайэтāхт-э иран зэндэги миконād* «он живет в Тегеране, в столице Ирана» или *дār тэһран зэндэги миконād*, *дār пайэтāхт-э иран* (с тем же значением).

§ 12. Возникает вопрос: какая из изложенных классификаций — логико-семантическая или формальная — более удобна? На этот вопрос трудно ответить, так как наряду с определенными достоинствами каждая из них имеет и существенные недостатки.

Основной недостаток логико-семантической классификации, особенно, если стремиться довести ее до большой детализации, заключается в том, что она не всегда имеет в своей основе надежный объективный критерий и в какой-то степени представляется субъективной, а потому спорной. Эта ее черта особенно сказывается на том этапе смысловой градации, когда мы переходим от крупных типов, соотносительных с понятиями логики, к более мелким, отражающим тонкие оттенки значения, связанные главным образом с семантикой имен, входящих в словосочетание. Смысловая гамма, объективно су-

ществующая в языке, намного сложнее и разнообразнее, чем ее может представить даже самый тонкий и виртуозный в подборе формулировок исследователь. Вместе с тем чрезмерное углубление в детали, стремление выявить как можно больше оттенков значения неизбежно приводит к все большей субъективности оценок.

Формальная классификация имеет в сравнении с логико-семантической то несомненное преимущество, что в основе ее лежит вполне объективный критерий. Но вместе с тем ей тоже присущи существенные недостатки.

Главные неудобства и даже пороки формальной классификации сводятся к следующему:

Во-первых, формальная классификация, учитывающая все разнообразие структурных типов именных словосочетаний, представляется излишне громоздкой и дробной. При этом различные структурные типы иногда передают очень близкие значения, т. е. их раздельное рассмотрение никак не оправдано с точки зрения смысловых отношений.

Возьмем, например, следующие словосочетания:
валэстрит (мәркәз-э энһэсартәләбан-э эмрикаи)... «Уолл-стрит (центр американских монополий)»...

алат вә абзарһа-йэ джәдид манәнд-э дәстгаһ-э зәбт-э соут вә әккаси вә филм... «Новая аппаратура: фонограф, фотоаппарат, пленка»...

джомлэ-йэ мәғлуб йа джомлэ-йэ гәйр-э мостәгим «Предложение с инверсией членов (с обратным порядком слов)».

Приведенные словосочетания, имеющие различную структуру (различную внутреннюю форму) передают однотипные отношения: их второй член является пояснением к первому. Поэтому по смысловым отношениям они «просятся» в одну общую группу, принадлежат к одному логико-семантическому типу пояснительных сочетаний, тогда как согласно принципам формальной классификации они оказываются разобщенными.

Во-вторых, общность структурного типа в некоторых случаях может оказаться случайной, один и тот же по формальным признакам тип словосочетания может соответствовать совершенно различным, не имеющим между собой ничего общего логико-семантическим типам и подтипам.

Сравним, например, следующие словосочетания: *джәлоу-гири әз джәнг* «предотвращение войны» и *чәһар нәфәр әз даншиджуйан* «четверо из студентов». Первое словосочетание обозначает действие и его объект, второе — передает выделительные отношения, т. е. по смысловым признакам они не имеют ничего общего, хотя и принадлежат к одному и тому же структурному типу предложных словосочетаний.

Формально-семантическая классификация именных словосочетаний

§ 13. В связи с несовершенством логико-семантической и формальной классификаций, взятых в чистом виде, представляется заманчивым объединить их в одну общую систему с тем, чтобы по возможности устранить недостатки, свойственные той и другой. Результатом такого объединения является смешанная формально-семантическая классификация.

Формально-семантическая классификация предусматривает, во-первых, объединение формального и семантического критерия, выделение структурно-семантических разрядов словосочетаний, т. е. таких разрядов, которые характеризуются не только формальной, но и смысловой общностью и, во-вторых, выборочное использование логического (логико-семантического) и формально-семантического критерия.

Рассмотрим отдельно каждый из этих процессов.

Структурно-семантические типы и подтипы именных словосочетаний. Профилирующая и модифицирующая форма словосочетания как критерий для их выделения

§ 14. Анализируя именные словосочетания персидского языка, мы легко можем убедиться в том, что многие структурные типы словосочетаний могут быть объединены в такие группы, которые характеризуются общими формальными признаками и сходным значением. Для выявления таких структурно-семантических разрядов словосочетаний обратимся еще раз к анализу внутренней формы именного словосочетания.

В некоторых структурных разновидностях именных словосочетаний можно выделить профилирующие формальные показатели (профилирующую форму) и модифицирующие (модифицирующую форму).

Возьмем в качестве примера такие словосочетания: *мэ́д-дар-и джэнс* «некоторое количество товара», *мошт-и аб* «пригоршня воды» *ма́бләэ́-и на́гд* «некая сумма денег наличными», *эддэ́-йэ́ зийа́д-и һа́вапэйма* «большое число самолетов» и т. п., имеющие сложную внутреннюю форму, включающую порядок слов и артикль.

Эти словосочетания, выражающие неопределенно-количественные отношения, относятся к тому же общему структурно-семантическому типу словосочетаний, построенных на примыкании, что и другие количественные словосочетания (ср., например: *до кэ́таб* «две книги», *пáндж на́фáр данэ́шд́жу* «пятеро студентов», *сэ́ та ба́ччэ́* «трое детей», *да́һ руз та́тил* «десять дней каникул», *до э́стэкан шир* «два стакана молока» и т. д. и т. п.). Следовательно, соположение компонентов

(порядок слов) является здесь формальной приметой целого семантического класса — количественных субстантивных словосочетаний.

Между тем анализируемые нами словосочетания выражают не просто количественные, а неопределенно-количественные отношения, и этот оттенок их значения передается с помощью артикля. Ср., например: *мошт-и аб* «пригоршня воды» (примерное количество) и *до литр аб* «два литра воды» (точно указанное количество). То же самое в таких парах: *мэгдар-и джэнс* «некоторое количество товара» и *сэкило джэнс* «три килограмма товара», *эддэ-йэ зийад-и һаванэйма* «большое число самолетов» (точное количество не указано) и *сад һаванэйма* «сто самолетов» и т. п.

Таким образом, порядок слов выступает в этих словосочетаниях в роли показателя всего класса количественных словосочетаний и его можно назвать профилирующей формой, а артикль является формальной приметой только одной разновидности словосочетаний данного общего класса (неопределенно-количественных словосочетаний), поэтому он представляет собой модифицирующую форму сочетания.

Как мы видели, выявление профилирующей и модифицирующей форм словосочетания предусматривает смешанный формально-семантический анализ именных словосочетаний, необходимый для выделения основных структурно-семантических типов и подтипов словосочетаний. Словосочетания, имеющие общую профилирующую форму, составляют более крупный структурно-семантический тип; словосочетания, объединяемые общей модифицирующей формой, выступают как один из подтипов в его составе.

Приведем еще один аналогичный пример. Сравним следующие словосочетания: *һәмэ-йэ афрад-э ханэвадэ, мӕхсусӕн бӕччэһа* «все члены семьи, особенно дети» и *һәмэ-йэ афрад-э ханэвадэ, бэ джоз бӕччэһа* «все члены семьи, кроме детей».

Внутренняя форма этих словосочетаний слагается из трех релятивных показателей, два из которых (интонация уточнения и порядок слов) — общие, а третий (наречие *мӕхсусӕн* «особенно» и предложная конструкция *бэ джоз* «кроме») не совпадают. Порядок слов выступает здесь в роли сопутствующей формы словосочетания, а потому представляет для формально-семантической классификации второстепенный интерес и на данном этапе мы можем исключить его из поля зрения. Что касается господствующих релятивных показателей, то общность одного из них — интонации — соответствует их общему значению: второй член этих словосочетаний выступает в роли уточнения к первому. Индивидуальный же для каждого словосочетания релятивный показатель выражает

различные семантические оттенки внутри общего значения уточнения.

Поэтому интонация выступает здесь как профилирующая форма, позволяющая выделить крупный структурно-семантический тип уточнительных сочетаний. Другие релятивные показатели (наречие *māxusān* и предложная конструкция *bē džoz*) представляют собой модифицирующую форму, выступающую в роли показателя структурно-семантических подтипов, входящих в состав уточнительных словосочетаний.

§ 15. В роли профилирующей формы словосочетания всегда выступают такие релятивные показатели, которые относятся к господствующим релятивным средствам (см. примеры выше). Что касается модифицирующей формы, то она может создаваться не только господствующими (см. примеры выше), но иногда и сопутствующими релятивными показателями.

Например, мы выделяем общий тип изафетных словосочетаний на основании общности профилирующей формы (наличие изафетного показателя). Вместе с тем внутри изафетных словосочетаний можно выделить два несовпадающих по значению основных подтипа, характеризуемых различным соположением компонентов: с постпозитивным и препозитивным зависимым членом⁸. Таким образом, различный порядок слов (который для данного типа словосочетаний является сопутствующей формой связи) выступает как различная модифицирующая форма изафетных словосочетаний.

§ 16. Итак, наличие у словосочетания профилирующей и модифицирующей форм позволяет выделить структурно-семантические разряды словосочетаний и представить их в такой системе, которая отражает их последовательную градацию. По общей профилирующей форме можно выделить например: построенные на примыкании количественные словосочетания, изафетные словосочетания, пояснительные, уточнительные и некоторые другие, внутри которых, в свою очередь, по модифицирующей форме выделяются: неопределенно-количественные (внутри количественных), с постпозитивным и препозитивным зависимым членом (внутри изафетных), союзные, бессоюзные и др. (внутри пояснительных) и т. д.

§ 17. Нетрудно заметить, что не все структурные разновидности именных словосочетаний укладываются в систему последовательной зависимости, определяемой наличием профилирующей и модифицирующей формы. Некоторые струк-

⁸ См. в книге: Л. С. Пейсиков. Вопросы синтаксиса персидского языка о постпозитивном и препозитивном изафетном распространении (стр. 72—96). По-видимому, можно выделить и третий подтип изафетных словосочетаний, отнеся к нему изафетные конструкции с неясно выраженной субординацией членов.

турно-семантические разновидности словосочетаний имеют лишь профилирующую форму и не имеют модифицирующих. Таковы, например, сочетания с местоименной связью, специфика структуры и значения которых не позволяет объединить их с какими-нибудь другими разрядами словосочетания и не дает оснований для дальнейшего дробления. Очевидно, следуя принципам структурно-семантической классификации, такие разряды словосочетаний следует поместить в один ряд с другими структурно-семантическими типами, выделяемыми на основании общности профилирующей формы (изафетными, пояснительными, уточнительными и т. п.), однако в отличие от них сочетания с местоименной связью не распадаются в дальнейшем на структурно-семантические подтипы.

§ 18. Формально-семантическая классификация, как было сказано выше, основана не только на совмещении формального и логико-семантического принципов, но и на их рациональном чередовании.

Давая оценку логико-семантической классификации, мы уже отмечали, что при большой детализации, она становится в значительной степени субъективной. Поэтому представляется целесообразным, взяв логико-семантический критерий за исходный, не доводить классификацию по этому принципу до конца, а с определенного момента ориентироваться уже на формально-семантические показатели как более объективные. Вот кусочек схемы, построенной таким образом:



Как мы видим, первоначально (на первых двух этапах) в основу классификации положен логический (логико-семантический) принцип: мы делим именные словосочетания на такие разряды, которые отражают соотношение с единицами логики и смысловые отношения компонентов. Дальнейшее же членение происходит по структурно-семантическому принципу, т. е. мы выделяем на третьем этапе типы словосочетаний, объединяемые общей профилирующей формой, а в дальнейшем (на четвертом этапе) — их подтипы, имеющие общую модифицирующую форму.

§ 19. Сравнивая формально-семантическую классификацию с логико-семантической и формальной, мы убеждаемся в том, что она имеет в сравнении с ними ряд преимуществ, поскольку при этой классификации удастся избежать наиболее существенные недостатки, свойственные той и другой. Ограниченное использование логико-семантического критерия сводит практически на нет основной порок логико-семантической классификации — ее субъективность. Выделение же крупных структурно-семантических разрядов (типов) словосочетаний, характеризуемых общей профилирующей формой, устраняет наиболее ощутимый недостаток формальной классификации — ее излишнюю громоздкость и дробность. Поэтому для описания системы персидских именных словосочетаний формально-семантическая классификация нам представляется наиболее удобной.

Б. Я. Островский

ДИСТРИБУЦИЯ ВАРИАНТОВ МОРФЕМ В КАБУЛЬСКОМ ДИАЛЕКТЕ

0. В некоторых иранских языках и диалектах, в том числе в языках и диалектах так называемого «таджикско-персидского языкового массива», наблюдается явление, когда одна и та же морфема выступает в разных фонетических вариантах, или алломорфах. Известно, например, что в современных литературных языках — таджикском, персидском и дари («фарси-кабули») личное местоимение 1-го лица единственного числа имеет два варианта: ср. перс. *mān* (*mān* «я») и *mā* (*mā-ra* «меня»). Подобно этому в литературных языках — таджикском и дари основа настоящего времени глагола «давать», также имеет два варианта: ср. тадж. *диҳ-* (*медихам* «я даю») и *деҳ* (*деҳ* «дай»).

Если в литературных языках таджикско-персидского массива это явление наблюдается относительно редко, то в диалектах оно распространено весьма широко. Так, в тегеранском диалекте, по данным Л. С. Пейсикова, числительное «один», выступая в роли количественного определителя имени, имеет варианты *je* (*je nāfār* «один человек») и *jeg* (*jeg olad* «один ребенок») ¹. В чустском говоре таджикского языка (Узбекская ССР), по данным В. С. Расторгуевой, глагольный формообразующий префикс, указывающий на длительность действия, имеет варианты *ми-* (*мигирам* «я беру») и *му-* (*мухурам* «я ем») ². В якаулангском диалекте хазара (Центральный Афганистан), по данным В. А. Ефимова, суффикс гла-

¹ См. Л. С. Пейсиков. Тегеранский диалект. М., Изд-во ИМО, 1960, стр. 57.

² См. В. С. Расторгуева. Очерки по таджикской диалектологии. Вып. 2. М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 95.

толького инфинитива имеет варианты $\overset{\circ}{-i}$ (*amadū* «приходить», «приход») и $\overset{\circ}{-in-}$ (*amadūn-i az u* «его приход») ³.

Весьма часто наблюдается подобное явление и в кабульском диалекте. Так, именная корневая морфема в значении «тыква» имеет в диалекте два варианта: *kadū* (*kadū* «тыква») и *kadw-* (*kadw-ā* «тыквы»). Основа настоящего времени глагола «брать» имеет три варианта: *-ger-* (*me-ger-om* «я беру»), *-gī* (*be-gī* «возьми») и *gīr* (*māy-gīr* «рыболов»). Энклитическое местоимение 3-го лица имеет четыре варианта: *-eš* (*ketab-eš* «его книга»), *-š* (*dē-š* «его деревня»), *-yeš* (*hošū-yeš* «его теща») и *-yš* (*kālā-yš* «его одежда»). Глагольный формообразующий префикс модальности имеет пять вариантов: *be-* (*be-tē* «эай»), *bo-* (*bo-bar* «отнеси»), *bī-* (*bī-bī* «посмотри»), *by-* (*by-ā* «подойди») и *b-* (*b-yāf* «найди»).

Наличие у ряда морфем кабульского диалекта нескольких фонетических вариантов отмечают многие исследователи; в некоторых случаях они выводят и правила дистрибуции этих вариантов. Так, Л. Н. Дорофеева пишет об объектном послелоге: «В разговорной речи встречаются его фонетические варианты *ra* (после гласных) и *a* (после согласных): *xāna-ra did* «он увидел дом», *sang-a bitī* «подай-ка камень» ⁴. Т. Н. Пахалина указывает, что модальный префикс *bi-* имеет «фонетический вариант *bu-*, употребляющийся обычно при корневой гласной заднего ряда» ⁵. Большое количество сведений о вариантах морфем кабульского диалекта и об их дистрибуции содержится в известной монографии афганского лингвиста Абд-ул-Гафура Раван Фархади ⁶. Так, А. Г. Фархади отмечает, что именные основы *mādar* «мать», *padar* «отец» и некоторые другие перед морфемами, начинающимися с гласной фонемы *e*, изменяются в *māder-* (*māder-e-tu* «твоя мать»), *pader-* (*pader-et* «твой отец») и т. д. ⁷. В другом месте А. Г. Фархади указывает, что основы настоящего времени глаголов «идти», «садиться» и некоторых других имеют различные варианты в зависимости от того, выступают ли они в настоящем будущем времени и аористе (соответственно — *r-*, *šen-*) или в императиве (соответственно — *rō-*, *-ši*) ⁸. Вопросы дистрибу-

³ См. В. А. Ефимов. Язык афганских хазара. Якаулангский диалект. М., ИВЛ, 1965, стр. 19—20, 63.

⁴ Л. Н. Дорофеева. Язык фарси-кабули. М., ИВЛ, 1960, стр. 34.

⁵ Т. Н. Пахалина. К характеристике кабульского просторечия. В сб.: «Индийская и иранская филология». М., ИВЛ, 1964, стр. 55.

⁶ Abd-ul-Ghafūr F a r h ā d i. Le persan parlé en Afghanistan. Grammaire du Kāboli. Paris, 1955.

⁷ Ibid., pp. 15—16.

⁸ Ibid., pp. 81—82.

ции вариантов некоторых морфем кабульского диалекта освещаются и в наших работах⁹.

В настоящей статье предпринимается попытка показать возможные типы дистрибуции вариантов морфем кабульского диалекта и факторы, влияющие на выбор этих вариантов, а также предлагается способ описания дистрибуции вариантов морфем.

1. Дистрибутивные отношения, в которых находятся варианты морфем кабульского диалекта, весьма разнообразны. Хотя, согласно одному из положений дескриптивной лингвистики, две алломорфы никогда не встречаются в одном и том же контексте¹⁰, данные диалекта свидетельствуют об обратном, так что иногда два варианта морфемы бывают полностью или частично взаимозаменяемы.

В кабульском диалекте можно выделить четыре типа дистрибуции пар вариантов морфем, которые и перечисляются ниже.

1.1. Два варианта морфемы не способны ни в какой позиции замещать друг друга. Таковы, например, варианты *mē-/me-* глагольного формообразующего префикса:

<i>mē-</i>	<i>mē-g-om</i> <i>mē-tān-ēn</i> <i>mē-raft-ēm</i>	«я говорю» «вы можете» «мы шли»
<i>me-</i>	<i>me-ban-a</i> <i>me-frōš-i</i> <i>me-grejt-an</i>	«он видит» «ты продаешь» «они брали»

Таковы же и варианты *do/dū* числительного «два»:

<i>do</i>	<i>do rūpa</i> <i>do-sad</i> <i>do-nafar-i</i>	«два афгани» «двести» «двухместный»
<i>dū</i>	<i>otaq-e dū</i> <i>dū nim</i> <i>dū-ye ūt</i>	«комната № 2» «два с половиной» «второе число месяца Рыбы»

⁹ См. Б. Я. Островский. Вопросы морфонологической системы разговорного языка кабули (чередования и дистрибуция алломорф). Автореф. канд. дисс. М., 1969; его же. Моделирование дистрибуции алломорф в разговорном языке кабули. «Вестн. Моск. ун-та». Востоковедение, 1970, № 1; его же. Некоторые фонологические особенности разговорного кабули. «Народы Азии и Африки», 1969, № 5.

¹⁰ См., например, Г. Глисон. Введение в дескриптивную лингвистику. М., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 125.

1.2. Два варианта морфемы способны в любой позиции замещать друг друга. Таковы, например, варианты *šaš/šes* числительного «шесть»:

<i>šaš</i>	<i>šaš nařar</i> // <i>šeř nařar</i>	«шесть человек»
	<i>šaš-sad</i> // <i>šeř-sad</i>	«шестьсот»
<i>šeř</i>	<i>šaš-om</i> // <i>šeř-om</i>	«шестой»

Таковы же варианты *-grōz/grēz-* основы настоящего времени глагола «убегать»:

<i>-grōz-</i>	<i>me-grōz-om</i> // <i>me-grēz-om</i>	«я убегаю»
	<i>na-grōz-a</i> // <i>na-grēz-a</i>	«пусть он не убегает»
<i>-grēz-</i>	<i>bo-grōz</i> // <i>bo-grēz</i>	«беги!»

1.3. Один вариант морфемы способен замещать другой ее вариант в любой позиции, но другой вариант способен замещать первый лишь в некоторых позициях. Таковы, например, варианты *be-/bī-* глагольного формообразующего префикса:

<i>be-</i>	<i>be-tē</i> <i>be-xar</i> <i>be-řan</i>	«дай» «купи» «посади»
<i>bī-</i>	<i>be-gī</i> // <i>bī-gī</i> <i>be-bī</i> // <i>bī-bī</i> <i>be-ři</i> // <i>bī-ři</i>	«возьми» «посмотри» «сядь»

Таковы же варианты *ast/as* основы глагола-связки:

<i>ast</i>	<i>ma awyān-ast-om</i> <i>xūb-ast-i?</i> <i>kam-ast-ak</i>	«я афганец» «как дела?» «маловато»
<i>as</i>	<i>ī mōtar-ast</i> // <i>ī mōtar-as</i> <i>xonok-ast</i> // <i>xonok-as</i> <i>yalat-ast</i> // <i>yalat-as</i>	«это автомобиль» «холодно» «неправильно»

1.4. Каждый из двух вариантов морфемы способен замещать другой ее вариант в одних позициях и не способен — в других позициях. Таковы, например, варианты *či/če* вопросительного местоимения «что?»:

<i>či</i>	<i>či</i> <i>bare či?</i>	«что?» «для чего?»
	<i>či gořti?</i> // <i>če gořti?</i> <i>či řod?</i> // <i>če řod?</i>	«что ты сказал?» «что произошло?»
<i>če</i>	<i>če-qad?</i> <i>če-rařani?</i>	«сколько?» «как?», «какой?»

Таковы же варианты *be-/bo-* глагольного формообразующего префикса:

<i>be-</i>	<i>be-xē</i>	«встань»
	<i>be-sāz</i> <i>be-šnās</i>	«построй» «узнай»
<i>bo-</i>	<i>bo-xān//be-xān</i>	«прочитай»
	<i>bo-xāy//be-xāy</i> <i>bo-kār//be-kār</i>	«позови» «посей»
	<i>bo-rō</i> <i>bo-bar</i> <i>bo-frōs</i>	«уйди» «отнеси» «продай»

2. Как показывают приведенные материалы, выбор вариантов морфем в разных позициях различен. Можно выделить три основные группы факторов, влияющих на выбор вариантов: фонематический состав соседних морфем, положение морфемы относительно границ фонетических единиц и характер окружающих морфем. Ниже рассматривается в отдельности каждый из перечисленных факторов.

2.1. Влияние фонематического состава соседних морфем на выбор вариантов проявляется в том, что морфема выступает в разных вариантах в зависимости от наличия или отсутствия в составе соседней морфемы определенной фонемы или фонемы определенного класса.

Например, как указывалось ранее, именная корневая морфема «мать» перед энклитическими показателями, начинающимися с гласной фонемы *e*, выступает в варианте *māder-*, а в прочих случаях — в варианте *mādar*. Аналогично этому, глагольный формообразующий префикс длительности перед морфемами, начинающимися с фонемы *y*, имеет вариант *m-* (*m-yāf-om* «я нахожу», *m-yāft* «он находил»), а перед морфемами, начинающимися с иных согласных фонем, имеет варианты *mē-* или *me-* (*mē-t-ēm* «мы даем», *mē-war-dār-a* «он поднимает», *me-šnāxt-an* «они узнавали»). Подобно этому предлог со значением исходности перед морфемами, начинающимися с сибилантных согласных фонем, выступает обычно в варианте *a-* (*a-sōb* «с утра», *a-zēr* «снизу», *a-šār* «из города»), а перед морфемами, начинающимися с иных фонем, — в вариантах *az* или *as* (*az otāq* «из комнаты», *az dūr* «издали», *as kojā?* «откуда?»).

Весьма часто выбор варианта морфемы зависит от того, оканчивается ли предшествующая ей морфема на гласную или согласную фонему. Например, как указывалось ранее, объектный послелог, следуя за согласноконечной морфемой, выступает в варианте *-a*, а следуя за гласноконечной морфе-

мой — в варианте *-ra*. Аналогичным образом распределяются и варианты уменьшительного суффикса, из которых вариант *-ak* присоединяется к согласноконечным морфемам (*doxtar-ak* «девочка», *kam-ak* «немножко», *xar-ak* «козлы»), а вариант *-gak* — к гласноконечным морфемам (*xāna-gak* «домик», *byā injā-gak* «подойди-ка сюда», *ar dū-gak-e mā borēm* «пойдем-ка вдвоем»¹¹).

Иногда выбор варианта зависит от наличия в составе соседней морфемы не какой-либо одной фонемы, а определенной совокупности фонем. Так, выбор вариантов *be-* и *bo-* глагольного формообразующего префикса, если последний выступает перед основами, начинающимися с последовательности «согласная+гласная», зависит от обоих начальных компонентов следующей за ним основы, так что перед основами, начинающимися с сочетаний «согласная+*ū*, *ō* или *o*» и «лабиальная согласная+*a* или *ā*» (так называемые «слоги безусловно низкого тембра»), указанный префикс выступает в варианте *bo-* (*bo-gō* «скажи», *bo-koš* «убей», *bo-bar* «отнеси», *bo-pāl* «поищи»), перед основами, начинающимися с сочетаний «гutturальная согласная+*ā*» (так называемые «слоги условного низкого тембра»), — в обоих вариантах (*bo-xān//be-xān* «прочитай», *bo-kār//be-kār* «посей»), а перед основами, начинающимися с иных сочетаний, — в варианте *be-* (*be-tē* «дай», *be-kaš* «вытащи», *be-sāz* «построй») ¹².

2.2. Влияние положения морфемы относительно границ фонетических единиц на выбор ее вариантов проявляется в том, что морфема выступает в разных вариантах в зависимости от совпадения или несовпадения ее границы с границей слога, ритмической группы или синтагмы.

Чаще всего выбор варианта морфемы зависит от совпадения ее исхода с исходом фонетической единицы. Так, если исход именной корневой морфемы «глаз» совпадает с исходом слога, то эта морфема выступает в варианте *češem* (*če. šem.* «глаз», *če. šem. sa. fēd.* «нахал»), в противном случае эта морфема выступает в варианте *češm-* (*češ. m-ā.* «глаза», *češ. m-ak.* «подмигивание»). Точно так же, если исход основы настоящего времени глагола «давать» совпадает с исходом ритмической группы, указанная морфема выступает в варианте *-tē* (*be-tē* «дай», *na-tē* «не дай»), в противном случае она выступает в варианте *-t-* (*mē-t-om* «я даю», *be-t-eš* «дай ему»). Подобно этому вопросительное местоимение «что?» в исходе синтагмы выступает только в варианте *čī* (*čī?* «что?», *bare*

¹¹ Последние два примера заимствованы у А. Г. Farhâdi. Op. cit., p. 105.

¹² Этот вопрос подробно рассматривается в нашей статье «Чередование звуковых форм *be/bo* глагольного формообразующего префикса в кабульском диалекте», которая находится в печати.

čī? «для чего?»), а в других случаях может выступать и в варианте *če* (*če-qad?* «сколько?», *če goft-i?* // *čī goft-i?* «что ты сказал?»).

Несколько реже выбор варианта морфемы зависит от совпадения ее начала с началом фонетической единицы. Так, один из глагольных словообразующих префиксов в начале ритмической группы выступает в варианте *bar-* (*bar-āmad* «он вышел», *bar-āy* «выходи»), а в середине ритмической группы — в варианте *-br-* (*me-br-āmad* «он выходил», *na-br-āy* «не выходи»). Подобно этому, когда начало основы прошедшего времени глагола «бросать» совпадает с началом ритмической группы, эта морфема выступает в варианте *andāxt* (*andāxt* «он бросил»), в противном случае она выступает в варианте *-ndāxt* (*me-ndāxt* «он бросал», *na-ndāxt* «он не бросил»).

2.3. Влияние характера окружающих морфем на выбор варианта проявляется в том, что морфема выступает в разных вариантах в зависимости от характеристики (чаще всего — морфологической) окружающих ее морфем. При этом фонетические условия, в которых находится эта морфема, не играют никакой роли.

Например, глагольная частица отрицания перед основами прошедшего времени, начинающимися с гласной фонемы *ā*, выступает в варианте *n-* (*n-āmad-om* «я не пришел», *n-āwōrdan* «они не принесли»), а перед основами настоящего времени, начинающимися с той же фонемы *ā*, — в варианте *nay-* (*nay-ā* «не подходи», *nay-ār-a* «пусть он не приносит»). Аналогично этому, числительное «один» перед именными основами, начинающимися с гласной фонемы, имеет вариант *yag* (*yag ādam* «один человек», *yag-olāq-a* «однокомнатный»), а перед другими гласноначальными морфемами — вариант *yak* (*yak-ē* «один», *yak-o-nīm* «полтора»). Подобно этому, основа настоящего времени глагола «класть» после префикса *bo-* выступает в варианте *bān-* (*bo-bān* «положи»), а после префикса *mē-* или частицы *na-* — в варианте *mān-* (*mē-mān-om* «я кладу», *na-mān* «не клади»).

Если характер окружающих морфем понимать несколько шире — как морфологический контекст, то сюда же следует отнести и случаи, когда выбор варианта морфемы зависит от того, в составе какой части речи эта морфема выступает. Так, основа настоящего времени глагола «мочь» в составе личных глагольных форм имеет вариант *tān-* (*mē-tān-i* «ты можешь», *be-tān-a* «пусть он сможет»), а в составе именных частей речи — вариант *tawān* (*nā-tawān* «немошный», *tawān-gar* «богатый»).

3. Как видно из приведенных данных, дистрибуция вариантов многих морфем кабульского диалекта подчиняется сложным правилам, в связи с чем способ ее описания при-

обретает немаловажное значение. Ниже предлагается способ описания дистрибуции вариантов морфем диалекта¹³.

3.1. Исчерпывающее и адекватное описание дистрибуции вариантов морфемы сводится к выделению позиций, в которых выбор вариантов один и тот же¹⁴, и противопоставлению этих позиций другим позициям, где выбор вариантов иной. Например, когда именная основа «рана» выступает в конце ритмической группы или в качестве первого компонента сложного слова, выбор ее вариантов один и тот же: в обеих позициях эта основа имеет вариант *zahet* (*zahet* «рана», *zahet-band-ī* «перевязка ран»). Указанные позиции противопоставляются третьей позиции — перед гласноначальными грамматическими морфемами, где данная основа выступает в варианте *zahm-* (*zahm-ī* «раненый», *zahm-eš* «его рана», *zahmā* «раны»).

Описание дистрибуции вариантов морфем тем экономнее, чем меньше в нем выделено морфонологически значимых позиций. Поэтому более частные позиции объединяются в более общие. Так, в приведенном выше примере две позиции, в которых основа «рана» выступает в варианте *zahet*, можно свести в одну позицию — «при совпадении конца морфемы с концом слога», ибо, с одной стороны, этот признак характерен для обеих указанных позиций, а с другой стороны, нет ни одной позиции, которой присущ этот признак, где выбор вариантов данной морфемы был бы иным.

Однако объединение всех позиций с одинаковым выбором вариантов возможно не всегда. Например, глагольная корневая морфема «приходить», входящая в основы настоящего времени, выступает в варианте *-āy* в следующих позициях: (1) в качестве простой основы в середине ритмической группы (*tu-āy-ot* «я прихожу», *bu-āy-a* «пусть он придет», *pa-āy-ēn* или *na-by-āy-ēn* «не приходите»); (2) в составных основах в середине ритмической группы (*me-br-āy-ēm* «мы выходим», *dar-āy-ēn* «войдите», *far-āy-a* «пусть он спустится»); (3) в составных основах в конце ритмической группы *bar-āy* «выйди», *dar-āy* «войди», *far-āy* «спустись»); причем три перечисленные позиции противопоставлены одной позиции — в качестве простой основы в конце ритмической группы, где указанная морфема выступает в варианте *-ā* (*by-ā* «подой-

¹³ Этот способ в известной степени подсказан работами Р. Якобсона и его соавторов по дихотомической фонологии (см. Р. Якобсон, Г. М. Фант и М. Халле. Введение в анализ речи. В сб.: «Новое в лингвистике», вып. 2. М., Изд-во 1962; Е. Черри, М. Халле, Р. Якобсон. К вопросу о логическом описании языков в их фонологическом аспекте. В сб.: «Новое в лингвистике», вып. 2), хотя и применен к иному объекту.

¹⁴ О нескольких позициях можно сказать, что выбор вариантов данной морфемы в них одинаков, если во всех этих позициях допустимо одно и то же количество одних и тех же вариантов этой морфемы.

ди», *pa-u-ā* или *pa-by-ā* «не подходи»). Позиции (1) и (2) могут быть сведены в одну: (1—2) в середине ритмической группы. Позиции (2) и (3) также могут быть сведены в одну: (2—3) в составной основе. Однако позиции (1) и (3), а следовательно, и все три перечисленные позиции свести в одну невозможно, хотя выбор вариантов один и тот же.

3.2. При анализе морфонологически значимых позиций выясняется, что каждая позиция противопоставлена другой по одному или нескольким различительным признакам. Так, при описании дистрибуции вариантов *gōy-/g-/gō* основы настоящего времени глагола «говорить» выделяются четыре морфонологически значимые позиции: (1) в составе именных частей речи — *-gōy-* (*rāst-gōy* «правдивый», *por-gōy-i* «болтливость»); (2) в личных глагольных формах после префикса *mē-* — *-g-* (*mē-g-om* «я говорю», *na-mē-g-ēn* «вы не говорите»); (3) в личных глагольных формах после префикса *bo-* или частицы *na-* в исходе ритмической группы — *-gō* (*bo-gō* «скажи», *na-gō* «не говори»); (4) в личных глагольных формах после префикса *bo-* или частицы *na-* в середине ритмической группы — *gōy-* (*bo-gōy-a* «пусть он скажет», *na-gōy-eš* «не говори ему»). При этом позиция (1) противопоставляется позициям (2), (3) и (4) по признаку «в составе именных частей речи в личных глагольных формах»; позиция (2) противопоставляется позициям (3) и (4) по признаку «после префикса *mē-* — после префикса *bo-* или частицы *na-*», позиция (3) противопоставляется позиции (4) по признаку «в исходе ритмической группы — в середине ритмической группы».

Как представляется, различительные признаки позиций удобно формулировать в виде вопросов, требующих положительного или отрицательного ответа¹⁵. Используя этот прием, можно переформулировать указанные различительные признаки следующим образом: 1) в личных глагольных формах? — нет (1), да (2), (3), (4); 2) после префикса *mē-*? — да (2), нет (3), (4); 3) в исходе ритмической группы? — да (3), нет (4).

1) в личных глагольных формах?	нет	да	да	да
2) после префикса <i>mē-</i> ?	—	да	нет	нет
3) в исходе ритмической группы?	—	—	да	нет
	1	2	3	4
	<i>gōy-</i>	<i>-g-</i>	<i>-gō</i>	<i>gōy-</i>

¹⁵ В ряде случаев такая переформулировка является единственно возможной. Так, дистрибуцию вариантов *to-/tū* личного местоимения «ты» можно описать, лишь используя признак «перед объектным послелогом?», где при положительном ответе выявляется позиция (1) — *to-*, а при отрицательном — позиция (2) — *tū*, ибо все позиции, где рассматриваемая морфема выступает в варианте *tū*, нельзя объединить иначе как по чисто отрицательному признаку — не перед объектным послелогом.

В целях большей наглядности, позиции с одинаковым выбором вариантов можно расположить рядом (изменив соответственно и нумерацию позиций), и тогда полное описание дистрибуции вариантов основы глагола «говорить» примет такой вид:

1) в личных глагольных формах?	нет	да	да	да
2) после префикса <i>tē-</i> ?	—	нет	да	нет
3) в исходе ритмической группы?	—	нет	—	да
	1	2	3	4
	<i>gōy-</i>		<i>-g-</i>	<i>-gō</i>

3.3. Рассмотренный способ позволяет при помощи меньшего количества простых и кратких вопросов охарактеризовать большее количество сложных морфонологически значимых позиций. Теоретически постановка n вопросов обеспечивает выявление от $n+1$ до 2^n позиций. Практически же при описании дистрибуции вариантов морфем кабульского диалекта количество позиций, выявляемых при помощи n вопросов, редко превышает $n+1$. Так, в описанной ранее системе дистрибуции вариантов *gōy-/g-/gō* основы глагола «говорить» в результате постановки 3 вопросов выявляются 4 морфонологически значимые позиции. Подобно этому при описании дистрибуции вариантов *be-/bī-/bo-/by-/b-* глагольного префикса модальности посредством 8 вопросов выявляется 9 позиций (см. стр. 64).

Примеры: (1) *be-ši//bī-ši* «сядь», *be-bī// bī-bī* «посмотри»; (2) *be-xē* «встань», *be-sāz* «построй»; (3) *be-ft* «ляг», *be-ndāz* «брось»; (4) *be-t-a* «пусть он даст» (параллельная алломорфа — *-tē*), *be-šnās* «узнай» (параллельная алломорфа — *šenās-*); (5) *bo-xān//be-xān* «прочитай», *bo-kār//be-kār* «посей»; (6) *bo-xō* «ешь», *bo-pāl* «ищи»; (7) *bo-r-a* «пусть он уйдет» (параллельная алломорфа — *-rō*), *bo-frōš* «продай» (параллельная алломорфа — *forōš-*); (8) *by-ā* «подойди», *by-ār* «принеси»; (9) *b-yāf* «найди».

Лишь в отдельных случаях количество морфонологически значимых позиций превышает количество вопросов более чем на одну единицу. Такова, например, система дистрибуции вариантов *-e/-Ø/-ye/-y* изафетного показателя, где при помощи 3 вопросов выявляется 5 позиций (см. стр. 65).

После морфем, оканчивающихся:

1) на гласную фонему?	нет	нет	нет	да	да
2) на полугласную фонему?	нет	да	да	—	—
3) на фонему высокого тембра?	—	нет	да	да	нет
	1	2	3	4	5
	-e		—∅	-ye	-y

Примеры: (1) *ketāb-e delčasp* «интересная книга», *byāder-e šomā* «ваш брат»; (2) *sēw-e sorx* «красное яблоко», *šaw-e joma* «канун пятницы»; (3) *jūy-e kalān//jūy kalān* «большой арык», *jāy-e nomāz//jāy nomāz* «молитвенный коврик»; (4) *kortī syā* «черный пиджак», *xānē mā* «наш дом»; (5) *ālū-ye torš//ālū-y torš* «кислая слива», *kākā-ye tū//kākā-y tū* «твой дядя».

Такова же система дистрибуции вариантов *ast/as/-st/-s* основы глагола-связки, где при помощи трех вопросов выявляется 6 позиций:

1) в начале ритмической группы?	да	нет	да	нет	нет	нет
2) в конце ритмической группы?	нет	нет	да	да	нет	да
3) после морфем, оканчивающихся на гласную фонему?	—	нет	—	нет	да	да
	1	2	3	4	5	6
	ast		as	—	-st	-s

Примеры: (1) *ma āst-om* «я нахожусь (остаюсь) здесь», *jōr xū āst-i?* «надеюсь, ты здоров?»; (2) *čo-tōr-ast-i?* «как поживаешь?», *kam-ast-ak* «маловато»; (3) *āst!//ās!* «есть!», *i ki(y)āst?//ki(y)ās?* «кто же это такой»; (4) *xonok-ast!//xonok-as* «холодно», *i mōtar-ast!//mōtar-as* «это автомобиль»;

(5) *koja-st-ēn?* «где вы?», *ondū-st-ak* «он индус»; (6) *sayi-st//sayi-s* «правильно», *ū xāna-s//ū xāna-s* «он дома».

Если количество вопросов (n) превышает число 2, то количество выявляемых с их помощью позиций практически никогда не достигает 2^n , ибо не каждая позиция содержит ответы на все поставленные вопросы. В некоторых случаях это объясняется тем, что один из ответов на предыдущий вопрос делает постановку последующего вопроса бессмысленной. Так, при описании дистрибуции вариантов *mē-/me-* глагольного формообразующего префикса положительный ответ на первый вопрос делает бессмысленной постановку второго вопроса:

Перед морфемами, начинающимися:

1) с двух согласных фонем?	да	нет	нет
2) с сочетания «согласная+е»?	—	да	нет
	1	2	3
	<i>me-</i>		<i>mē-</i>

Примеры: (1) *me-grōz-om* «я убегаю», *me-šnāxt* «он знал»; (2) *me-ger-i* «ты берешь», *me-ben-an* «они видят»; (3) *mē-xor-a* «он ест», *mē-raft-ēm* «мы ехали».

В других же случаях это объясняется тем, что характер дистрибуции вариантов при одном из ответов на предыдущий вопрос делает постановку последующего вопроса излишней. Так, при описании дистрибуции вариантов *šaw-/š-/šō* глаголов «делаться», «становиться» положительный ответ на первый вопрос позволяет избежать ответа на второй вопрос,

1) в конце ритмической группы?	нет	нет	да
2) в начале словоформы?	да	нет	—
	1	2	3
	<i>šaw-</i>	<i>-š-</i>	<i>šō</i>

ибо содержащийся в нем признак не различает в этом случае морфонологически значимых позиций¹⁶:

Примеры: (1) *šaw-a* — утвердительная форма аориста 3-го лица единственного числа, *šaw-ēn* — утвердительная форма императива множественного числа; (2) *mē-š-om* — утвердительная форма настояще-будущего времени 1-го лица единственного числа, *na-š-i* — отрицательная форма аориста 2-го лица единственного числа; (3) *šō* — утвердительная форма императива единственного числа, *na-šō* — отрицательная форма императива единственного числа.

¹⁶ В ситуациях подобного рода порядок постановки вопросов имеет большое значение, ибо, как нетрудно убедиться, при изменении порядка вопросов позиции, логически сводимые в одну, оказываются разъединенными, и описание становится менее экономным.

Г. А. Ф у р у г и я н

НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ ПО ПОВОДУ ПЕРСИДСКИХ ГЛАГОЛОВ СОСТОЯНИЯ

В научной литературе по персидскому языку обычно выделяется небольшая группа так называемых глаголов состояния, наделенных рядом свойств, отсутствующих у прочих глаголов. Важнейшими глаголами этой группы считаются *istādan* «стоять», *pešastan* «сидеть», *xābidan* «лежать». Иногда к ним добавляются еще несколько глаголов.

Однако, как нам кажется, между существующим пониманием глаголов состояния и их свойств и действительным положением вещей существует некоторое несоответствие.

Одной из особенностей глаголов состояния считается их использование со словами, обозначающими одушевленные предметы. Л. С. Пейсиков в своей статье¹ ломает эту искусственную грань. Он пишет о более широком использовании глаголов состояния и о возможности употребления их со словами, обозначающими и неодушевленные предметы. В подтверждение своей мысли он приводит два примера: 1) *sadhā teke sang ru be xāne-ye hodā dar in meidan-e pahnāvar va anduhbār istāde ast.* — «Сотни каменных плит стоят в этом обширном и печальном месте, обращенные лицом к божьей обители».

2) *jazire-i dar miyān-e meh va abr čun pahlevān-e xaste-i dar bastar-e daryā xoftē ast.* — «В тумане и облаках, на поверхности моря, словно усталый богатырь, покоится остров»².

В обоих случаях писатель, из произведений которого взяты примеры, поэтически олицетворяя неодушевленные предметы, изображает их как живые существа.

¹ См. Л. С. Пейсиков. Заметки о глаголах состояния. «Уч. зап. Ин-та междунар. отн.», 1961, вып. 7.

² См. Л. С. Пейсиков. Ук. соч., стр. 105—106.

Как мы выяснили, глаголы состояния употребляются в отношении неодушевленных предметов не только в литературном языке и при поэтическом олицетворении, но и в обыденной речи. Рассмотрим три наиболее известных глагола «состояния»:

[∇]javān-e zibā-i dam-e dar istāde ast. — «Красивый юноша стоит у двери».

otomobil-e zibā-i dam-e dar istāde ast. — «Красивый автомобиль стоит у двери».

ahmad ru-ye sandali nešaste ast. — «Ахмед сидит на стуле».

[∇]yek vajab xāk ru-ye miz nešaste ast. — «Много пыли лежит (букв.: «сидит») на столе».

[∇]panj sā'at ast ke ahmad dar in otāq-e garm xābide ast. — «Вот уже пять часов, как Ахмед лежит в этой темной комнате».

[∇]panj māh ast ke qomāšhā dar ambār-e gomrok xābide ast. — «Вот уже пять месяцев, как ткани лежат на таможенном складе».

Следующий пример взят из произведения одного из современных писателей Ирана:

xiše-ye kešmeš-e kōuli kami pāintar dar hāšīye-ye nahr be nehāl-e kuček-i gir karde istāde bud. — «Кисть волчьих ягод застряла чуть пониже по берегу ручья в маленькой поросли».

Как видно из примеров, глаголы состояния употребляются как в отношении одушевленных предметов, так и неодушевленных.

Для того чтобы определить рамки глаголов состояния, следует выяснить те характерные черты, по которым эти глаголы выделяются в особую группу и рассматриваются отдельно от других.

Одной из таких причин является специфика их использования в формах перфекта и преждепрошедшего времени.

Л. С. Пейсиков справедливо пишет: «Наиболее характерные для глаголов состояния функции перфектных и имперфектных форм. Именно здесь выявляется их грамматическая и лексическая специфика, позволяющая выделить глаголы состояния в отдельную лексико-грамматическую группу»³.

Следовательно, все глаголы, которые имеют те же особенности использования в формах перфекта и преждепрошедшего времени, что и глаголы состояния, должны быть выделены в одну с ними группу, поэтому Л. С. Пейсиков расширяет круг глаголов состояния, добавляя к трем известным глаголам (istādan, nešastan, xābidan) глаголы *hoftan* «лежать»,

³ Л. С. Пейсиков. Ук. соч., стр. 108.

«спать», āgamidan «покоиться», derāz kešidan «развалиться», «растянуться», lam dādan «лежать», «растянуться», «сидеть в небрежной позе» и другие такого же типа. Однако нам кажется, что круг глаголов состояния на самом деле гораздо шире. Например, такие глаголы, как oftādan «падать», sāye andāxtan «отбрасывать тень», gir kardan «застрывать» и многие другие не отличаются от глагола nešastan с точки зрения использования их в формах перфекта и преждепрошедшего времени.

В предложении: pir-e žandepuš-i dar kanār-e xiyābān nešaste ast va kolāh va tubre-y-aš ru-ye zamin oftāde ast va xire-xire be āberin negāh mikonad. — «Старик в лохмотьях сидит на улице, шапка и мешок его лежат на земле, он пристально смотрит на прохожих» временное значение глаголов nešastan «сидеть» и oftādan «падать», «лежать», передаваемое формой перфекта, идентично временному значению глагола negāh kardan, выраженному формой настоящего времени. Или в приведенном примере: xuše-ye kešmeš-e kuli kami pāintar dar hāšiye-ye nahr be nehāl-e kuček-i gir karde istāde bud. — «Кисть волчьих ягод застряла чуть ниже по берегу ручья в мелкой поросли» временное значение формы преждепрошедшего времени двух глаголов istādan «стоять» и gir kardan «застрывать» одно и то же, с точки зрения грамматических особенностей здесь, видимо, нет никакого различия. Поэтому oftādan, gir kardan и др. также следует признать глаголами состояния.

На наш взгляд, в эту группу глаголов следует включить не только непереходные глаголы, но и многие переходные, иначе, как нам кажется, останутся неразрешимой загадкой предложения типа: adham-e javān kanār-e u nešaste dastaš gā gerefte bud va bā češmān-i por az šouq va šādmāni be u minegerist (Mehdi Hamidi, Daryā-ye gouhar, j. I, s. 229). — «Молодой Адхам сидел рядом с ней, держал ее руку и глядел на нее полными любви глазами».

Глаголы nešastan «сидеть» и gereftan «держатъ», стоящие в форме преждепрошедшего времени, соотносятся по временному признаку с глаголом negeristan «смотреть», стоящим в форме прошедшего длительного времени.

Если бы глагол gereftan «держатъ» не принадлежал к глаголам состояния, невозможно было бы объяснить, почему из трех глаголов, указывающих на состояние и действие одного и того же субъекта в определенный момент в прошлом, два — nešastan и gereftan — употреблены в форме преждепрошедшего, а один — negeristan — в форме прошедшего длительного времени.

Приведем еще несколько примеров. Например: zan-e

V
 javān-i ru-ye veīrānehā-ye deh nešaste kudak-e širxāraš rā dar āquš gerefte ast va bā vahšat-i tou'am bā nefrat va qazab be havāpeimāhā-ye āmrikāi negāh mikonad. — «Молодая женщина сидит среди развалин разбомбленной деревни, прижимает к себе (букв. «обнимает») своего грудного ребенка и с ужасом и ненавистью смотрит на американские самолеты». В этом примере временное значение формы перфекта глагола dar āquš gereftan «обнимать», «прижать к себе», так же как перфект глагола nešastan, точно соответствует временному значению формы настоящего времени глагола negāh kardan «смотреть».

vasat-e kuče istāde bud, dasthāyaš rā be kamar zade bud, rāh rā bar āberin sadd karde bud va rajazxāni mikard. — «Он стоял посреди улицы, упершись руками в бок, и, мешая прохожим, бахвалился».

В этом предложении с прошедшим длительным временем глагола rajazxāni mikard «бахвалился» соотносится по выражаемому времени преждепрошедшее время трех глаголов istāde bud, be kamar zade bud «уперся руками в бок», sadd karde bud «загородил», «мешал пройти». Все четыре глагола указывают на состояние и действие одного субъекта в определенное время в прошлом. Если бы в предложении zan-e

<
 javān-i ru-ye veīrānehā... вместо глагола nešastan «поставить» другой глагол, не обладающий свойствами глаголов состояния, например: rāh raftan «идти» или davidan «бежать», то вместо формы перфекта нужно было бы употребить форму настоящего времени, и предложение выглядело бы следующим образом: zan-e javān-i ru-ye veīrānehā-ye deh rāh miravad kudak-e širxāraš rā dar aquš gerefte ast va... be havāpeimāhā-ye āmrikāi negāh mikonad. — «Молодая женщина идет среди развалин деревни, прижимает к себе своего грудного ребенка и... смотрит на американские самолеты». Точно так же, если бы вместо глагола dar āquš gereftan употребить глагол, не обладающий свойствами глаголов состояния, например busidan «целовать», или navāzeš kardan «ласкать», то

глагольная форма была бы другая: zan-e javān-i ru-ye veīrānehā-ye deh nešaste ast, kudak-e širxāraš ra navāzeš mikonad va... be havāpeimāhā-ye āmrikāi negāh mikonad. — «Молодая женщина сидит среди развалин деревни, ласкает своего грудного ребенка и смотрит на американские самолеты».

Если в этом же предложении заменить форму настоящего времени глагола negāh kardan «смотреть» формой прошедшего длительного времени, в этом случае глаголы nešastan

и *dar āquš gereftan* должны быть употреблены в форме преждепрошедшего времени, и все предложение приобретет сле-

в
дующий вид: *zan-e javān-i ru-ye veīrānehā-ye deh nešaste bud kudak-e širxāraš rā dar āquš gerefte bud va... be havāpeimāhā-ye āmrikāi negāh mikard.* — «Молодая женщина сидела среди развалин деревни, прижимала к себе своего грудного ребенка и ... глядела на американские самолеты». Как видно из примера, в этом случае временное значение формы преждепрошедшего времени глаголов *nešastan* «сидеть» и *dar āquš gereftan* «прижимать к себе» соответствует временному значению прошедшего длительного глагола *negāh kardan* «смотреть». Из сказанного явствует, что каждый раз, когда перфект глагола *nešastan* соответствует во временном аспекте настоящему времени других глаголов, перфект переходного глагола *dar āquš gereftan* — «обнимать», «прижимать к себе» также соответствует настоящему времени этих глаголов. И если соответственно прошедшему длительному времени других глаголов глагол *nešastan* ставится в форме преждепрошедшего времени, то и глагол *dar āquš gereftan* также ставится в форме преждепрошедшего времени. Следовательно, перфект и преждепрошедшее время этих глаголов обладает теми же свойствами, что и глагол состояния *nešastan*. И так как важнейшим и, на наш взгляд, единственным основанием для выделения глаголов состояния из общей массы глаголов является специфика использования их в формах перфекта и преждепрошедшего времени, то эти глаголы нужно отнести к глаголам состояния.

Другим заслуживающим упоминания вопросом является использование глаголов состояния с глаголом *dāštan* «иметь». Считается, что глаголы состояния не используются с глаголом *dāštan*. Л. С. Пейсиков присоединяется к этому мнению⁴. На наш взгляд, глаголы состояния могут сочетаться с глаголом *dāštan*.

Как известно, глагол *dāštan* используется с другими персидскими глаголами для уточнения времени действия в двух случаях:

1) настоящее время глагола *dāštan* в сочетании с формой настоящего времени других глаголов используется для уточнения, подчеркивания данного момента осуществления действия в настоящем времени: *dāgam miḫānam* «я сейчас читаю»;

2) прошедшее время глагола *dāštan* вместе с прошедшим длительным временем других глаголов употребляется для уточнения и подчеркивания какого-то определенного момента осуществления действия в прошлом: *dāštam miḫādam* «я читал» (в какой-то определенный момент в прошлом).

⁴ См. Л. С. Пейсиков. Ук. соч., стр. 110.

Глагол *dāštan* в форме настоящего и простого прошедшего времени может быть использован в сочетании с настоящим и длительным прошедшим временем глаголов состояния. В этом случае он выполняет ту же роль, что и в сочетании с другими глаголами. Например: *sagosadā nakonid*, *bašče dārad miḫābad* — «Не шумите, ребенок спит». Предложения *bašče dārad miḫābad* — «Ребенок спит» и *bašče dārad miāyad* — «Ребенок идет» обладают одинаковыми грамматическими особенностями, и в обеих фразах глагол *dāštan* имеет одно и то же назначение.

Как уже было сказано выше, основным критерием для выделения глаголов состояния в особую группу является специфика их использования в формах перфекта и преждепрошедшего времени, а потому нам представляется необходимым обратиться к принятому в литературе взгляду на значение этих двух форм.

1. Перфект глаголов состояния объясняется как форма, обозначающая состояние субъекта в настоящем времени, соответствующая настоящему времени других глаголов. Например, в учебнике персидского языка И. К. Овчинниковой и А. К. Мамед-заде⁵ в отношении глаголов *nešastan*, *istādan*, *xābidan* сообщается: «Перфект и преждепрошедшее время обозначают только состояние: перфект — в настоящем, преждепрошедшее время — в прошлом *nešaste am* «я сижу», *nešaste budam* «я сидел»⁶. Л. С. Пейсиков в своей статье отмечает то же самое⁷.

На наш взгляд, перфектная форма глаголов состояния используется в значении состояния, в котором субъект находится в настоящее время, и соответствует в этом случае перфекту других глаголов. Сравним две пары примеров:

1) *to migui ahmad dar xāb harf nemizānad*. — «Ты говоришь, что Ахмед во сне не разговаривает».

2) *biyā bebin xābide ast va harf mizānad*. — «Посмотри-ка, он спит и разговаривает».

1) *miguwand agar šab dar havā-ye āzād bexābi sarmā mihogi*. — «Говорят, что ночью спать на открытом воздухе, — простудишься».

2) *man šab dar havā-ye āzād xābide am va sarmā naxorde am*. — «Я спал ночью на открытом воздухе и не простудился».

Если в первом предложении перфектная форма *xābide ast* «спит» совпадает по временному признаку с формой настоящего времени глагола *harf mizānad* «разговаривает», т. е. передает идею настоящего времени, то во втором предложении

⁵ См. И. К. Овчинникова и А. К. Мамед-заде. Учебник персидского языка, ч. I. Изд-во МГУ, 1966.

⁶ И. К. Овчинникова и А. К. Мамед-заде. Ук. соч., стр. 282.

⁷ См. Л. С. Пейсиков. Ук. соч., стр. 105, 108.

та же перфектная форма *xābide am* «я спал» соответствует во временном отношении форме перфекта *sarṡa paḡorḡe am* — «я не простудился» и так же, как последняя, обозначает действие в прошлом.

Еще один пример: *āyā ejāze midehand ke dar pārk ru-ye čaman benešinand? dar ba'azi pārkhā ejāze midehand man dar pārk-e nazdik-e xāneemān bārha ru-ye čaman nešaste-am, bāqbān ham dide ast va čizi naḡofte ast.* — «Разве в парках разрешают сидеть на газонах? В некоторых парках разрешают. Я много раз сидел на газоне в парке неподалеку от нашего дома, а садовник видел и ничего мне не говорил».

В данном случае перфектная форма глагола *nešastan* «сидеть» совпадает по обозначаемому времени с перфектом глаголов *didan* «видеть» и *ḡoftan* «сказать»: *nešaste am, dide ast, naḡofte ast* — «я сидел», «он видел», «не говорил» (или «не сказал») выражают прошедшее, а не настоящее время.

Следовательно, перфект глаголов состояния не всегда используется в значении настоящего времени, но может передавать как состояние в настоящем, так и состояние и действие в прошлом.

Обычно преждепрошедшее время глаголов состояния рассматривают как форму, указывающую на состояние субъекта в какой-то определенный момент в прошлом, совпадающую по выражаемому времени с прошедшим длительным временем других глаголов⁸.

На наш взгляд, это положение правильно, однако преждепрошедшее время глаголов состояния также обозначает еще и состояние, и действие, совершившееся в прошлом прежде другого действия, и в этом смысле совпадает по временному значению с формой преждепрошедшего времени других глаголов. Вот примеры:

ruz-i dar ḡuše-i az pārk nešaste budam va āsude ketāb-i miḡāndam. — «Однажды я сидел в одном из уголков парка и спокойно читал книжку».

В этом предложении передается состояние в прошлом, имевшее место во время совершения действия, обозначенно-то формой прошедшего длительного времени (*nešaste budam* — *miḡāndam* «сидел — читал»).

qabl az ānke man bargardam u na faḡat maḡāle rā xānde va eslāh karde bud balke do sā'at ham nešaste bā pesaraš šat-ḡanj bāzi karde bud. — «До моего возвращения он не только прочитал и исправил статью, но и два часа просидел с сыном и играл с ним в шахматы».

В этом предложении преждепрошедшее время глагола пе-

⁸ См. И. К. Овчинникова и А. К. Мамед-заде. Ук. соч., стр. 282.

šastan не обозначает уже состояния в определенный момент в прошлом и соответствует не прошедшему длительному времени, а преждепрошедшему времени глаголов *eslāh kardan*, *bāzi kardan* и все четыре глагола в форме преждепрошедшего времени указывают на состояния или действия, которые осуществлялись в прошлом до другого прошедшего действия (моего прихода). В этом случае нет временного различия между формами преждепрошедшего времени глаголов *xāndan* «читать», *nešastan* «сидеть», *eslāh kardan* «исправить» *bāzi kardan* «играть», *kanār-e kuče yek daste miš xābide budand va baččegorghā az pestān-e ānhā šir mixordand*.—«На обочине лежали несколько овец и волчата сосали у них молоко».

qabl az ānke man az sar-e kār bargardam ānhā do sā'at xābide budand, rišešān rā tarāšide budand va nāhār xorde budand. — «До моего возвращения с работы они успели два часа поспать, побриться и пообедать».

В первом из двух последних примеров преждепрошедшее время глагола *xābīdan* «спать» (*xābide bud*) передает состояние в прошлом и соответствует прошедшему длительному времени глагола *šir خوردan* «сосать молоко».

Во втором предложении *xābide budand* «поспали» соответствует не прошедшему длительному времени, а преждепрошедшему времени, *tarāšide budand* и *nāhār xorde budand* — «побрились» и «пообедали» и передает предшествующее другим действиям состояние или действие.

Л. С. Пейсиков одну из важнейших особенностей глаголов состояния видит в их двойственном значении. В учебнике И. К. Овчинниковой и А. К. Мамед-заде также упоминается это свойство интересующей нас группы глаголов. Однако в обеих названных работах говорится, что перфект и преждепрошедшее время этих глаголов указывают на состояние субъекта, а инфинитив и другие личные глагольные формы обозначают как состояние, так и действие. На наш взгляд, и две сложные глагольные формы — перфект и преждепрошедшее время — помимо состояния могут также выражать действие.

Проанализируем следующие примеры.

Перфектная форма

1. Переход в прошлом из одного состояния в другое: *bārhā ru-ye yek pā nešaste am va barxāste am*. — «Много раз я приседал на одной ноге и вставал».

2. Пребывание в прошлом в течение какого-то времени в том или ином состоянии: *bārhā sā'athā-ye motavāli ru-ye sabze nešaste am va be āsmān-e sāf va porsetāre negāh karde am*. — «Много раз я сидел долгими часами на траве и смотрел на чистое звездное небо».

3. Пребывание в том или ином состоянии в настоящем:

nešaste am va be āsmān-e sāf va porsetare negah mikonam. — «Я сижу и смотрю на чистое звездное небо».

Глагол gereftan в значении «взять», «схватывать»: bārhā kabutar rā gerefte ast va rahā karde ast. — «Много раз он хватал и освобождал голубя».

Глагол gereftan в значении «держатъ» в прошедшем и настоящем времени:

bārhā moddat-i dastān-e zarif va bolurinaš rā ru-ye ātaš gerefte xire xire be ātaš va dasthāyaš negāh karde va xod az tamāša-ye ānhā lazzat borde ast. — «Много раз она подолгу держала свои изящные белые руки над огнем и наслаждалась, пристально глядя на них и на огонь».

dastān-e zarif va bolurinaš ra ru-ye ātaš gerefte ast va be ātaš va dasthāyaš xire xire negāh mikonad va xod az tamāša-ye ānhā lazzat mibarad. — «Она подолгу держит свои изящные белые руки над огнем и наслаждается, пристально глядя на них и на огонь».

Преждепрошедшее время

1. Переход из одного состояния в прошлом в другое до совершения какого-либо другого прошедшего действия:

qabl az inke mariz besavam, bārhā ru-ye yek pā nešaste budam va barxāste budam. — «До моей болезни я часто (букв. много раз) приседал на одной ноге и вставал».

2. Пребывание в прошлом до совершения другого прошедшего действия в каком-либо состоянии:

qabl az ānke u biyāyad do sâ'at nešaste budam va maqālehā rā xānde budam va zir-e jomalāt-e lāzem xatt kašide budam. — «До его прихода я два часа просидел, читая статьи, и подчеркивал нужные предложения».

3. Пребывание в прошлом в каком-либо состоянии в момент совершения какого-либо действия:

ruzi dar guše-i az pārk nešaste budam va āsude ketāb-i mi-xāndam. — «Однажды я сидел в одном из уголков парка и спокойно читал книжку».

Глагол gereftan, обозначающий действие, совершившееся в прошлом до другого действия:

qabl az ānke kabutar bemirad bārhā ānrā gerefte va rahā karde bud. — «До того как голубь умер, он много раз хватал и отпускал его».

Глагол gereftan (в значении «держатъ»), обозначающий состояние, которое имело место в прошлом до совершения другого прошедшего действия или в момент его совершения:

qabl az ānke baččedār šavad bārhā dastān-e zarif va bolurinaš rā ru-ye ātaš gerefte bud, moddati be ātaš va dasthāyaš xire xire negāh karde bud va xod az tamāša-ye ānhā lazzat

borde bud... — «До того как у нее родился ребенок, она много раз подолгу держала свои изящные белые руки над огнем и наслаждалась, глядя на них и на огонь...»

dasthā-ye zarif va bolurinaš rā ru-ye ātaš gerefte bud be ātaš va dasthāyaš xire xire negāh mikard va hod az tamāšā-ye ānhā lazzat mibord. — «Она держала свои изящные белые руки над огнем, глядела на них и на огонь и наслаждалась».

Следовательно, в употреблении глаголов состояния бро-сается в глаза некоторое отклонение от нормы, которое заключается в том, что перфект этих глаголов, а также многих других непереходных и переходных глаголов иногда выражает настоящее время и соотносится с формой настоящего времени остальных глаголов, иногда — прошедшее время и соотносится с перфектом остальных глаголов. Преждепрошедшее время интересующей нас группы глаголов выражает либо состояние в определенный момент в прошлом и соотносится с формой прошедшего длительного времени остальных глаголов, либо выражает действие, предшествующее другому прошедшему действию, и в этом случае соотносится с формой преждепрошедшего времени других глаголов.

Эти закономерности связаны со значением и случаями использования самих форм перфекта и преждепрошедшего времени. Проанализируем эти случаи.

Как известно, перфект обладает двумя основными значениями и используется в двух случаях:

а) Для указания на действие, которое в общем завершилось в прошлом. Для говорящего и слушающего в этом случае важно лишь совершение действия в прошлом, момент же его осуществления, условия, в которых оно произошло, и прочие моменты для говорящих не имеют значения⁹. Например:

āyā pedar-e to hič be Moskou āmade ast? — «Твой отец ездил когда-нибудь в Москву?»

na, pedar-e man be Moskou nauāmade ast. — «Нет, мой отец не ездил в Москву».

āyā to hič zemestān dar j̄angal xābidei? — «Ты зимой когда-нибудь спал в лесу?»

bale, man zemestān dar j̄angal xabideam. — «Да, я спал зимой в лесу».

В этих примерах четыре раза употреблена форма перфекта, указывающая на состояние или действие, в общем закончившееся в прошлом.

В этом значении перфект используется ничуть не реже, чем во втором, т. е. результативном, о котором говорится во всех учебниках. Больше того, перфект некоторых глаголов вообще

⁹ Ср. термин māzi-ye naqlī в персидских грамматиках.

не выражает прошедшее действие, сохранившее результат до настоящего времени. К ним относятся глаголы *didan* «видеть», *šenidan* «слышать», *negāh kardan* «смотреть» и многие другие. В следующем предложении никакого результата прошедшего действия не содержится:

tā konun čandin bar marā dide ast, vali bāz ham marā namišēnāsad. — «Он много раз видел меня до сих пор, но не узнает».

Глагол *dāštan* «иметь» и все сложные глаголы, компонент которых он является, хотя и обладает некоторыми специфическими свойствами в отличие от других глаголов, в перфекте не передает результата прошедшего действия. Например: *dāšte ast* «он имел» в прошлом, но сейчас не имеет, *garār dāšte ast* «был расположен», но сейчас там не находится.

б) Для указания на действие, которое совершилось в прошлом и результат которого сохранился до настоящего времени. Это значение подчеркивается всеми исследователями¹⁰.

Например:

az pedaretān če xabar? pedaram be Moskou āmade ast. — «Какие известия от Вашего отца? Мой отец приехал в Москву».

В этом случае в перфекте частично содержится значение настоящего времени. В предложении *pedaram be Moskou āmade ast* не только указан факт прибытия человека в Москву, но и пребывание его в Москве в настоящее время.

Если мы теперь обратимся к глаголам, которые одновременно обозначают и действие, и состояние, возникшее в результате этого действия, то первое значение перфекта (т. е. осуществление действия в прошлом) здесь не проявится. Напротив, второе значение перфекта (т. е. осуществление действия в прошлом и результат его в настоящем) проявится в полной мере.

В предложениях: *ivān ru-ye sandali nešaste ast va bā pesaraš sohbat mikonad.* — «Иван сидит на стуле и разговаривает с сыном», *maryam dast-e pesaraš rā gerefte ast va dar bāq gardeš mikonad.* — «Мария держит сына за руку и гуляет в саду», *barf ru-ye zamin rā rušānide ast va āb mišavad.* — «Снег покрывает землю и тает». Три глагола стоят в форме перфекта, и между ними нет разницы с точки зрения лексико-грамматических особенностей.

Нет различия между формой перфекта этих трех глаголов (*nešaste ast, gerefte ast и rušānide ast*) и с точки зрения соотношения их с формой настоящего времени глаголов *sohbat mikonad* «разговаривает», *gardeš mikonad* «гуляет», *āb mišavad* «тает».

¹⁰ Ср. термин *māzi-ye qarib* в персидских грамматиках.

Проанализируем оттенки употребления перфектной формы интересующих нас глаголов.

1. Перфект обозначает действие, послужившее причиной перехода из одного состояния в другое: *bārḥā nešaste va barxāsteam*. — «Я многократно садился и вставал»; *bārḥā kabutaī rā gerefte va rahā karde ast*. — «Он много раз хватал и отпускал голубя».

2. Перфект обозначает состояние, возникшее в результате совершившегося в прошлом действия:

sā'athā-ye motavāli dar guše-ye xalvati nešaste va ketāb xānde am. — «Долгие часы я сидел в уединенном уголке и читал книгу»;

bārḥā dasthā-ye zarif va bolurinaš vā ru-ye ātaš gerefte va moddati xire xire be ātaš va dasthāyaš negāh karde ast. — «Много раз она держала свои изящные белые руки над огнем и подолгу не мигая смотрела на них и на огонь».

В этом случае перфект не может обозначать действия в прошлом, послужившего причиной перехода из одного состояния в другое. Однако перфект используется для передачи результативного прошедшего действия, например *dar guše-ye xalvati nešasteam va ketāb mixānam*. — «Я сижу в уединенном уголке и читаю», *dasthā-ye zarif va bolurinaš rā ru-ye ātaš gerefte ast va be ātaš va dasthāyaš negāh mikonad*. — «Она держит свои изящные руки над огнем и смотрит не мигая на них и на огонь».

Как видно из примеров, если перфект используется для обозначения в общем закончившегося в прошлом действия, глаголы состояния не имеют отличия от других глаголов и выражают действие (или состояние), завершившееся в прошлом. В этом случае в форме перфекта стоят как глаголы состояния *nešastan, gereftan*, так и другие глаголы: *barxāstan, rahā kardan, bargāstan, xāndan, xaste pašodan*. И если вместо этих глаголов употребить любой другой, он также будет стоять в форме перфекта.

Однако во втором случае перфект одновременно передает два значения (действие в прошлом и результат его в настоящем) и по временному признаку соотносится с формой настоящего времени других глаголов. Глаголы *didan* «видеть» или *hogdan* «есть», употребленные вместо глаголов состояния, должны быть поставлены в форме настоящего времени.

После выяснения специфики использования глаголов состояния в форме перфекта нетрудно будет уловить специфику употребления их в форме преждепрошедшего времени, так как эта форма обладает теми же свойствами, что и перфект, отличаясь от него лишь аспектом времени. Это отличие хорошо заметно в следующих противопоставлениях.

1) Перфект указывает на *bārḥā nešaste am va barxāste*

действие, в общем завершившееся в прошлом:

2) Преждепрошедшее время указывает на действие, которое в общем завершилось в прошлом до какого-то другого действия:

3) Перфект указывает на закончившееся состояние в прошлом:

4) Преждепрошедшее время указывает на состояние, которое имело место в прошлом до какого-то определенного момента:

5) Перфект указывает на состояние в настоящем:

6) Преждепрошедшее время указывает на состояние, имевшее место в прошлом в какой-то определенный момент:

am. bārḥā kabutar ra gerefte va rahā karde ast.

qabl az anke pāyam bešekānad bārḥā nešaste budam va barxāste budam.

qabl az ānke kabutar bemirad bārḥā ānrā gerefte va rahā karde bud.

sā'atha-ye motavāli dar guše-ye xalvati nešaste va ketāb xānde am.

bārḥa dasthā-ye zarif va bolurinašrā ru-ye ātaš gerefte va moddati be ātaš xire-xire negāh karde ast.

qabl az ānke u biyāyad do sā'at nešaste budam va ruz-nāmeḥā rā xānde budam va

zir-e jomalāt-e lāzem xatt kašide budam.

qabl az ānke baččedār šavad bārḥa dasthā-ye zarif va bolurinaš ra ru-ye ātaš gerefte va moddati be ātaš va dasthāyaš xire xire negāh karde bud.

dar guše-ye xalvati nešaste am va ketāb mixānam.

dasthā-ye zarif va bolurinaš rā ru-ye ātaš gerefte ast va be ātaš va dasthāyaš negāh mikonad.

ruzi dar guše-ye xalvati nešaste budam va ketabi mixāndam.

ruzi dar kanār-e otāq nešaste dasthā-ye zarif va bolurinaš ra ru-ye ātaš gerefte bud va be ātaš va dasthāyaš xire xire negāh mikard.

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы:

1. Глаголы состояния одинаково используются как в отношении одушевленных, так и в отношении неодушевленных предметов.

2. Глаголы состояния, равно как и все прочие глаголы, употребляются в сочетании с глаголом dāštan «иметь».

3. Глаголы состояния не отличаются от всех других глаголов в инфинитиве и во всех личных глагольных формах, кроме перфекта и преждепрошедшего времени. Лишь особенности этих двух форм — перфекта и преждепрошедшего времени побудили специалистов персидского языка в Советском Союзе выделять их в отдельную группу.

4. Если перфект используется для обозначения действия, в общем завершившегося в прошлом, то и перфектная форма глаголов состояния ничем не отличается от перфекта других глаголов. Но если перфект обозначает прошедшее действие с сохранившимся до настоящего времени результатом, то перфект глаголов состояния используется со значением настоящего времени и соответствует форме настоящего времени других глаголов.

5. Если преждепрошедшее время обозначает действие, в общем закончившееся в прошлом до какого-то определенного момента, то глаголы состояния в этой форме не имеют отличия от других глаголов, использованных в той же форме. Если же преждепрошедшее время обозначает действие, совершившееся в прошлом до какого-то определенного момента и сохранившего результат вплоть до этого момента, то глаголы состояния в этой форме соотносятся с прошедшим длительным временем других глаголов.

6. В персидском языке глаголы, имеющие разобранные выше особенности использования форм перфекта и преждепрошедшего времени, не ограничиваются тремя известными глаголами *nešastan*, *istādan*, *xābidan* и несколькими другими (*deraz kašidan*, *lamidan*, *āramidan* и т. д.). Они аналогичны большому количеству как непереходных, так и переходных глаголов.

Таким образом, существующий в литературе взгляд на глаголы состояния на самом деле не точен и не может удовлетворительно разрешить вопрос об особенностях перфекта и преждепрошедшего времени большой группы глаголов. На наш взгляд, следует исключить из персидского языкознания вопрос о глаголах состояния и найти другой путь для разрешения вопросов, связанных с особенностями использования группы глаголов в формах перфекта и преждепрошедшего времени, соотносящихся с формами настоящего и прошедше-длительного времени других глаголов. Исходным пунктом должно быть тщательное исследование особенностей и случаев употребления форм перфекта и преждепрошедшего времени персидских глаголов.

Шарифа Исмати

К ВОПРОСУ ОБ УДАРЕНИИ В ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ ПАШТО

В общей теории языка ударением или акцентом принято называть особый способ произнесения одного звука или слога в последовательном звуковом потоке с целью выделения его среди остальных. В результате этого звук, который находится под ударением, всегда произносится яснее и отчетливее, чем прочие. В различных языках существует несколько способов такого выделения, подлежащих научному изучению. Один из них — выделение силой произношения ударного слога, т. е. силовое или динамическое ударение.

Принято считать, что ударение в языке пашто динамическое по своему характеру, но нетрудно заметить даже при объективном восприятии на слух, что в общем интенсивном рисунке оно связано и с другими выделяющими факторами: определенным повышением тона и количественным удлинением ударного слога.

Каждый язык имеет свою особую исторически сложившуюся и развивающуюся систему ударения. Языки отличаются друг от друга по положению ударения в слове и фразе, что создает немалые трудности при переходе с одной системы на другую. В пашто ударение свободное, подвижное, оно может падать на любой слог слова.

Ударение играет важную роль в образовании грамматической формы слова, в морфологическом словообразовании и тесно связано с семантикой слов и с разными значениями созвучных слов, отличающихся друг от друга местом ударения. По функции во фразе в пашто различается логическое, фразовое и словесное ударение. Общее значение этих категорий ударений в пашто тождественно таким же явлениям в других языках.

В категории числительных пашто словесное ударение проявляется в том, что один из слогов в слове несет на себе ударение и к нему присоединяются безударные слоги, входящие в состав этого слова, или слоги с второстепенным ударением. Акцентология числительных характеризует особые черты этого класса слов, которые являются названием выраженного в числах количества предметов, а также порядка их по счету.

Имена числительные в смысловом и функциональном отношении разделяются на следующие основные разряды, имеющие и некоторые структурные, морфологические и акцентные особенности.

1. *Определенно-количественные числительные*. К ним относятся числительные, которые в сочетаниях обозначают единичность или множественность, представленные в виде определенного числа предметов:

две кита́бче — «две тетради», пиндзо́с пула «50 пуль».

2. *Неопределенно-количественные числительные*, которые в сочетании выражают количество в виде неопределенного числа: де́ри вра́дзи «много дней», цо дакике́ «несколько минут».

3. *Собирательные числительные*, которые образуются полуслитным сочетанием количественных с собирательным словом «вара»:

дре-ва́ра «втроем», цало́р-ва́ра «вчетвером».

4. *Дробные числительные* по своему значению также являются разновидностью количественных числительных, но обозначают они не целые, а такие дробные величины, которые бывают или больше или меньше счетной единицы: йав ни́м са́ят «полтора часа».

Числительные в пашто имеют свои морфологические особенности оформления, в частности, прямую и косвенную формы. С ними связана и особая акцентовка слов и форм.

Числительные *йав* — один, *два* — два, кроме того, имеют особые формы грамматического рода: йав — один (мр. р.). йавá — одна (ж. р.).

Косвенные формы: йав (м. р.) — йавé

два (м. ф. р. множ. числа) — две
(ж. р.).

Числительные в языке пашто по своей морфологической структуре делятся на простые и сложные. Они сопровождаются и особой акцентовкой. Наиболее простую акцентную схему имеют односложные числительные первого десятка: йав — один, два — два, дре — три, шпа́ж — шесть, нъ́н — девять, лас — десять.

В двухсложных числительных первого десятка ударение закрепляется за исходным слогом двусложной основы: цало́р — четыре, пиндзо́ — пять, овъ́ — семь, атъ́ — восемь.

У косвенных форм этого десятка числительных позиция ударения различная. Ударение в числительных йавá «одна» (косв. ф. йавé) падает на последний слог.

Большинство количественных числительных в косвенном падеже принимает ударное окончание «о»: дрó, двó, пиндзó, атó, но имеются и исключения: цалóро, шпáжо, нъ́о, в которых ударной остается основа.

В числительных второго десятка ударение падает на единицы, которыми начинаются эти числительные. Как и в первом десятке, ударение в них сохраняется на обычном месте, т. е. на первом или втором слогах, ср. йавóлас — 11, двóлас — 12, диáрлас — 13, цвáрлас — 14, пиндз́лас — 15, шпáрас — 16, овълас — 17, атълас — 18, ну́нас — 19.

В сложных числительных третьего десятка до двадцати девяти компонентов, слагаемых с единицами, вместо числительного «шъл» — 20 выступает морфема «вишт», например, йáвишт — 21, двáвишт — 22, дървишт — 23, цалерв́ишт — 24, пиндз́вишт — 25, шпужвишт — 26, овъвишт — 27, атъвишт — 28, нъ́вишт — 29.

Числительные третьего десятка образуются от исходного слова «дерш» — «тридцать» в сочетании с единицами: йáвдерш — 31, дудерш — 32, дрíдерш — 33, цалóрдерш — 34, атъдерш — 38, нъ́ндерш — 39.

Ударение падает на единицы, образующие эти сложные числительные, причем в них происходит фиксация акцента. Таким же образом реализуется ударение и в последующих десятках: цалв́ешт — 40, пиндзóс — 50, шпетъ́ — 60, авиá — 70, атиá — 80, нъ́ви — 90.

Итак, во всех сложных числительных сильной образующей основой, несущей акцент, остаются единицы. Исключения из этого правила редки и несистемны.

Порядковые числительные образуются от количественных путем прибавления суффикса *ъм* для мужского рода и *ма* для женского рода. На этот суффикс падает ударение в производных.

Например:

цалóр, но цаларъ́м	(м. р.)	четвертый,
цаларъ́ма	(ж. р.)	четвертая,
атъ́м, атъ́ма	(м. р.)	восьмой,

атъма	(ж. р.) восьмая,
лас, ласъм	(м. р.) десятый,
ласъма	(ж. р.) десятая.

Эта закономерность устойчивости акцента на суффиксе распространяется и на составные числительные свыше ста: йавзъро на́нсава ать виштъм — тысяча девятьсот двадцать восьмой.

Слово «цо» — «сколько», «несколько» образует сочетания, в которых количественные числительные принимают неударное окончание -а, причем ударение сохраняется на числительном: цо зъра — несколько тысяч, цо са́ва — несколько сот, цо ла́ка — несколько сот тысяч.

Сложнее картина ударения в еще более развернутых сочетаниях с числительными.

Проценты в пашто выражаются оборотом с числительными «сьл» — сто, которое стоит в косвенном падеже с предлогом «пъ»: пъ сь́ло ки дёрш — 30%, пъ сь́ло ки дү́ атиā — 82%, пъ сь́ло ки ать́лас — 18%.

В этих словосочетаниях главное ударение приходится на единицы и подчиняется всем правилам образования составных десятков, а второстепенное ударение сопровождает начало словосочетания.

Собирательные числительные образуются от количественных при помощи полуслужебного слова «вара» в сочетании с числительным. Ударение падает на компонент — числительное: цалóрвāра, пиндзъвāра.

Проблема второстепенного ударения возникает и в количественных числительных, обозначающих сотни и тысячи. Составные числительные выше сотни образуются от сочетания йав съл (реже съл) — сто. Например, йав съл ау йав — сто один. В числительных от двухсот вместо сотни — съл употребляется счетное число — сава: двá сава — 200, но дрé сава пиндзóс — 350, дрé сава шпуж пиндзóс 356.

Главное ударение в таких числительных падает на единицы (если их нет — на десятки), а второстепенное — на число сотен и тысяч: йāv сь́ло пиндзъ́ — 105, шпуж сава йāv атиā́ — 681, пидзъ́ зъра двá сава дрé авиā́ — 5273.

В словосочетаниях существительных с числительными фразовое ударение падает на существительное, выступающее од-

ним из членов предложения: пиндзъ китāбуна винъм — пять книг вижу, дре китāбче ахлъм — три тетради беру.

Повтор количественных числительных в пашто передает разделительное значение: де халъкāно та двā — два китāбуна варкъй «Этим детям дайте по две книги». При таких повторах сильное ударение остается на первом компоненте повтора.

Некоторые количественные числительные в пашто, такие как лас — десять, шъл — двадцать, а также съл — сто, зър — тысяча, лак — сто тысяч субстантивизируются и могут рассматриваться как и имена существительные. Тогда они принимают показатель множественности — *уна* или *гўна*, несущие ударение: ласуна — десятки, шългўна — двадцатки, зъргўна — тысячи.

Ударение в таких собирательных числительных падает на последний слог, т. е. эти формы подчиняются правилам именно акцентологии.

В качестве кратких выводов отметим, что ударение в словах, относящихся к числительным, в языке пашто имеет свои особые правила, подчиняющиеся общей системе ударения в этом языке. В числительных, обозначающих первый десяток, ударение падает на последний слог, а в последующих десятках, как правило, сохраняется на единицах. В сложных числительных, производимых от ста и тысячи, существуют второстепенные ударения. В них различаются слабые и сильные ударения, создающие определенную мерность речи на этих участках.

В процессе обучения языку пашто на вопросы орфоэпии числительных следует обращать особое внимание, так как в этом отношении пашто отличается от фарси и других иранских языков. Исследования по акцентологии пашто должны помочь научному изучению этого языка и поднятию культуры речи.

Примечание: Главное ударение обозначается знаком ' , второстепенное ударение — знаком ' . Для упрощения опущены знаки ретрофлексности.

В. Б. Никитина

К ПОСТАНОВКЕ НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМ В ИЗУЧЕНИИ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ ИРАНСКИХ НАРОДОВ

Накопленный в настоящее время материал в области так называемой «классической литературы» восточных и западных иранцев (X—XV вв.) позволяет перейти к систематическому изучению поэтической стилистики этого периода.

До последнего времени внимание исследователей сосредоточивалось почти исключительно на арузе — системе стихосложения иранцев, и рифме¹. Однако другие разделы поэтики² оставались еще мало освещенными³, что в значительной мере объясняется традицией, делавшей акцент преимущественно на формальных компонентах поэзии под влиянием схоластических наук средних веков и того обстоятель-

¹ См., например, главы о стихосложении в грамматике персидского языка К. Г. Залемана и В. Л. Жуковского (СПб., 1890), Ф. Е. Корша (глава «Стихосложение» в «Грамматике персидского языка» Мирзы-Джафара, изд. 2. М., 1901), Е. Э. Бертельса (Л., 1926), Л. И. Жиркова (М., 1927), а также Б. И. Сирус. Рифма в таджикской поэзии. «Труды Ин-та яз. и лит-ры АН ТаджССР», т. XVIII. Душанбе, 1953; П. Н. Ханларии. Критическое исследование размера персидского стиха. Тегеран, 1947 (на перс. яз.); Б. Сирус. Вазни осори бокимондаи Рудаки (по техническим причинам не выделено звучание и написание «х» и «h», «к» и «q», «дж»). Сб. «Рудаки и его эпоха». Душанбе, 1958; А. Д. Азер. Персидское стихосложение и рифма. М., 1967; и др.

² Слово «поэтика» чаще употребляется в статье в широком значении слова как совокупность жанровых категорий, ритмики, евфонии, художественно-образительных средств и поэтического синтаксиса, а не только в смысле «иём-уль-бади» — «науки об украшении» (речи).

³ См., например, разрозненные описания и объяснения приемов и фигур в работах Е. Э. Бертельса (Избр. соч., I—IV. М., 1960—1966 и др.). Р. Ходизода. Дар бораи санъати назми. Рудаки. Ук. сб. и систематизированные во многом наблюдения в кн.: Т. Н. Зе х н й. Санъатҳои бадеи дар шеъри тоҷикӣ. Душанбе, 1960 и др.

ства, что содержание литературного произведения воспринимается читателем через его форму, которая является в этом смысле «первичной».

В настоящей статье делается попытка поставить вопросы о соотношении некоторых категорий классической поэтики с общепринятыми в современной науке и о построении исторической поэтики иранцев. При этом высказываемые соображения носят предварительный и не систематический, а выборочный характер.

В период X—XV⁴ столетий иранские народы создали поэтическое наследство, ставшее своего рода «античностью» для таджикской, афганской литературы, литературы урду, персоязычной литературы Индии, некоторых тюркских литератур.

Большая работа по комплексному изучению литератур Востока (в типологическом сопоставлении их друг с другом) и всего мирового литературного процесса⁵ заставила искать не только общие проблемы в истории и содержании исследуемого словесного творчества, но и его форм. В области изучения последних существовала до сего времени та же «изолированность», как когда-то в отношении истории литератур древних Греции и Рима⁶, а особенно — отдельных литератур Востока.

С расширением представлений литературоведов о разнообразии художественных форм словесности выяснилось, что поэзия в странах, не имевших до нового времени книгопечатания⁷, вырабатывает в средние века более устойчивые традиции, чем проза, и в какой-то мере больше черт, специфичных для данного народа или народности. Наибольшее своеобразие литературных форм наблюдается как будто бы в их образной ткани.

⁴ Под этими веками подразумевается не раннее средневековье иранцев, еще не давшее необходимый литературный материал для обобщений, а время наивысшего подъема светских тенденций в искусстве, литературе, науке.

⁵ См. В. Б. Никитина, Е. В. Паевская, Л. Д. Позднеева, Д. Г. Редер. Литература древнего Востока. Изд-во МГУ, 1962; том второй этого издания «Литература зарубежного Востока» — «Литература Востока в средние века». Изд-во МГУ, 1970 (III том «Литература зарубежного Востока в новое время» готовится к печати). См. также Проспекты издания «История мировой литературы», серия книг по истории отдельных литератур Востока. М., «Наука», М., ИВЛ.

⁶ См.: И. И. Толстой. Аэды. М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 27; И. В. Боролина, В. Б. Никитина, Е. В. Паевская, Л. Д. Позднеева. О некоторых общих проблемах курса истории литератур Востока (статья третья). НДВШ, филологические науки, 1965, № 2, стр. 149.

⁷ О значении этого факта см. В. Б. Никитина. К типологической характеристике возрожденческой литературы на языке фарси. «Народы Азии и Африки», 1966. № 5, стр. 107—108.

В целом различия письменной поэзии не так велики, как могло бы показаться с первого взгляда: аналогичные или сходные явления могут присутствовать в определенных литературных общностях⁸ самого разного порядка, включая литературы «разных миров» земного шара — Запада и Востока⁹. Это касается жанровых категорий, системы стихосложения (ср. персидский аруз, метрические системы стихосложения древних греков, римлян и китайцев), приемов поэтического благозвучия (евфонии), специальных приемов художественной изобразительности (троп), поэтического синтаксиса и др. Эти «схождения» дали возможность К. И. Чайкину высказать в письме к Ю. Н. Марру следующее: «Все, что было на Востоке — было и на Западе. Якобы «восточные» образы, якобы «восточная искусственность», якобы «восточная риторика» — все это несколько веков услаждало «требовательные» и «строгие» вкусы «великих» европейцев и ничуть им не претило»¹⁰. Уже в 1962 г. было отмечено, что «традиционные представления каждого народа о литературных формах» (и различные названия их. — В. Н.) «мешают и сейчас увидеть сходство даже в одних и тех же явлениях»... и утверждалось, что новая, комплексная, методика в изучении формы «помогла бы осмыслить все своеобразие форм и жанров в литературах Востока с точки зрения общепринятых в литературоведении категорий»¹¹.

Однако в иранистике, например, оказались цепкими построения теоретиков поэзии средних веков — таких, как Радуйани, Рашид-ад-дин Ватват, Шамс-и Кайс ар-Рази и другие¹². Так, по сей день иногда не различают четко жанр и жанровую форму, без оговорок ставя знак равенства между газелью и стихотворением любовного содержания и т. д. Вместе с тем названными теоретиками не были выделены все привычные для нас категории поэтических приемов, а некоторым придавалось значение, не представляющее важности при разборе художественного произведения.

⁸ См. В. Б. Никитина, Е. В. Паевская. К вопросу о формировании литературных направлений в литературах Востока (на материалах Ирана и Индии). «Народы Азии и Африки», 1970, № 1.

⁹ I. V. Borolina, V. B. Nikitina, E. V. Paevskaya and L. D. Posdneeva. Towards a typology of middle age oriental literatures. Moscow, 1967.

¹⁰ Ю. Н. Марр, К. Н. Чайкин. Хакани, Низами, Руставели. Тбилиси, 1966, стр. 40—41.

¹¹ В. Б. Никитина, Е. В. Паевская, Л. Д. Позднеева. О некоторых общих проблемах истории литератур Востока (статья вторая). НДВШ, филологические науки, 1962, № 2, стр. 108.

¹² Мухаммад Радуйани. Тарджуман-уль-балагат. Стамбул, 1949; Рашид-уд-дин-Ватват. Хадаик-ус-сихр фи дакаик-уш-ши'р. Ред. А. Икбаль. Изд. Қавé. Тегеран, 1308/1930; Шамс-уд-дин Мухаммад ибн Кайс Рази. Аль-муджам фи ма'айир аш'ар-уль аджам. Лондон — Лейден, 1909; то же. Тегеран, 1935 и др.

Однако иранцы средних веков вполне осознанно разграничивали поэзию, прозу и речь, имеющую элементы мерной. Эпическая, лиро-эпическая и лирическая поэзия выделялась в ту эпоху, очевидно, стихийно, что явствует из того, как строился сборник стихов (диван) и «полное собрание сочинений» (куллийят). В первом — вначале шли касыды (крупная форма лиро-эпического жанра), затем — газели и кыт'а («отрывки»), т. е. малые лирические. Диван строился по формальным признакам: объему произведения, алфавитному порядку рифм внутри каждого раздела, наличию или отсутствию строфического принципа в композиции стихотворения. В куллийят могли входить и проза и поэзия (лирическая, лиро-эпическая и эпическая).

Определения родов и видов поэзии (в аристотелевом и современном значении этих терминов) в средние века иранцы не достигли¹³. При описании сборников стихотворений обычно перечислялись жанровые формы (касыды, газели, кыт'а, рубай' и т. д.), входящие в них. Однако в настоящее время традиционной классификации поэзии уже недостаточно¹⁴. Так, к касыде в ее классической форме иранцами до сих пор не применяется или почти не применяется термин «лиро-эпический жанр», хотя это определение подходит к ней более других. Касыда — своего рода «свод» повествовательных и лирических компонентов, более или менее связанных друг с другом, — может быть одического, обличительного (от политической инвективы до грубого пасквиля), элегического, философско-дидактического или религиозного содержания. При этом в одних случаях в ней преобладает повествовательность, «эпичность», в других — раскрытие мыслей и чувств «лирического» героя. В средние века в касыде терминологически выделяли оду (мадх), обличение (хаджв) и элегию (марсие). Поэтический «отрывок» чаще всего имел интимное, личное содержание, тяготея к области лирики; газель¹⁵ была преимущественно любовным или гедоническим стихотворением, но встречались также газели пейзажного, дидактического, философского, философско-религиозного и даже одического или обличительного содержания.

¹³ Не дошли тогда и до понимания художественного перевода в нашем смысле слова, заменяли его изводом или «вольной» переработкой и, следовательно, не было реальной почвы для такого понятия. Точный перевод романа Гургани «Вис и Рамин» на грузинский язык был едва ли не исключением в художественной литературе.

¹⁴ В статье невозможно показать эволюцию содержания отдельных форм, поэтому ограничиваемся лишь общими замечаниями.

¹⁵ На раннем этапе зарождения авторской лирики (с IX в.) бытовали небольшие стихотворения, сходные по содержанию и расположению рифм с газелью, имевшие любовное, пейзажное или философское содержание. См. А. М. Мирзоев. Рудаки и развитие газели в X—XV вв. Душанбе, 1958.

К XIV в. все эти элементы могли входить в одну газель.

Четверостишия отличались друг от друга не только формальной расстановкой рифм (аааа или ааба), но и тематикой, характерной для газели поры ее наивысшего тематического разнообразия. Четверостишие могло создаваться и на бытовую тему.

В стихотворном эпосе (маснави) была осознана лишь поэма. Ее отличают повествовательность, большой объем и парная рифма. Эпос мог быть героического, рыцарского, любовного, философско-дидактического, историко-олического характера. Тематика поэмы не отражалась в терминологии эпохи: о ней можно было судить по содержанию, широте изображения действительности (известна эпопея), по сюжетике произведения и его названию.

В советской науке нет единодушия в отношении терминологического обозначения жанровых категорий. Так, привычное, ведущее свое начало от В. Г. Белинского деление поэзии на роды и виды¹⁶ порой заменяется на «роды и жанры литературы»¹⁷. Иногда же фактически ставится знак равенства между литературными родами и видами, с одной стороны, жанрами и жанровыми формами — с другой¹⁸. Поэтому не удивительно, что поэма, созданная в средние века на любовный сюжет, именуется в иранистике — менее развитой науке, чем русистика, — «романтической», несмотря на то, что элемент романтизма как художественного метода в ней может и не наблюдаться. Исключение, и то с оговорками, составляют, по-видимому, поэмы Низами¹⁹.

Сохраняя свои особенности в построении стиха, его рифмической архитектонике (монорим, парная рифма и т. д.), выливающейся в особые строфические формы, литературы иранских и европейских народов имеют в области поэзии общий жанровый костяк. Поэтому целесообразно, когда это возможно, придерживаться общепринятой терминологии. Это выявило бы специфику форм отдельных литератур и облегчило бы взаимопонимание ученых различных областей литературоведения.

Деление науки о поэзии, узаконенное в средние века («наука о просодии», «наука о рифме», «наука об украшении» — (стиха. — В. Н.), уже не современно хотя бы потому, что включает в себя понимание форм литературного произведения часто в отрыве от его содержания. Теория поэзии сред-

¹⁶ См. В. Г. Белинский. Разделение поэзии на роды и виды. Соч. в одном томе. М., «Молодая гвардия», 1950.

¹⁷ Теория литературы. М., «Наука», 1964. Г. Л. Абрамович в своей книге «Введение в литературоведение» называет их «поэтическими видами и жанрами» (М., Учпедгиз, 1953).

¹⁸ Л. И. Тимофеев. Основы теории литературы. М., Учпедгиз, 1963.

¹⁹ И. С. Брагинский. 12 миниатюр. М., «Художественная литература», 1966.

них веков — это прежде всего попытка создания стиховедения и науки о языке художественного произведения²⁰. Это может объясняться утилитарностью подхода к предмету: книги по поэтике служили и руководством к составлению стихов²¹. Поэтому наука средних веков о стихе в целом уже по охвату вопросов, чем современная его теория.

Однако руководства по поэтической стилистике той эпохи были весьма детализированы в части классификации отдельных приемов²².

И все же не все поэтические приемы, употреблявшиеся в литературе эпохи, зарегистрированы теоретиками.

Так, классические поэты часто использовали евфонический прием ассонанса в общепринятом понимании этого слова для придания благозвучия стиху и выделения с его помощью необходимых строк (чаще всего он выступает в «зачинах» — матла' или в особо значимых в смысловом отношении бейтах). Когда Рудаки (X в.) начал свою знаменитую импровизацию стихом:

«Аромат ручья Мулиян доносится,

«Воспоминание о милом друге доносится», —

то он не только ввел специальный вид звукового повтора «таджнис-и маздудж», состоящий в повторе слогов «йа — «йа», рифмующиеся слова внутри стиха, но и построил весь бейт преимущественно на долгом гласном звуке «а», повторенном шесть раз, и на долгом «у», повторенном три раза, т. е. употребил прием, называющийся в европейской поэтике ассонансом. Когда Насир-и Хосров (XI в.) обличает беспринципность в лице придворного, то заканчивает свою критику важным для него по значению полустихием, выделяемым также благодаря восьмикратному повтору в нем долгого гласного «а»²³. Теоретики не отмечали аллитерацию, которая служила выделению важных слов и строк, а также звукопись в общем значении слова. Однако в описании осени Насир-и Хосров насыщает один бейт свистящими и шипящими звуками (з, с, ш), которые передают шуршание сухой травы в степи и свист осеннего ветра²⁴.

²⁰ Здесь мы не останавливаемся на общеэстетических высказываниях Низами Арузи Самарканди («Собрание редкостей или четыре беседы»). М., ИВЛ, 1963, стр. 55 и сл.; Асади Туси. Лугат-и фурс. Тегеран, 1336/1958 (на перс. яз.). См. также К. И. Чайкин. Асади Старший и Асади Младший. Сб. Фердовси. М.—Л., Academia, 1934; Шамс-и Кайсар-Рази. Ук. соч., и др.

²¹ Это, однако, не мешало и «изобретать» приемы, влиявшие затем и на поэзию.

²² Очевидно, что при построении исторической поэтики и истории эстетических учений эта детализация приемов может оказаться весьма полезной.

²³ Насир-и Хосров. Диван. Тегеран, 1925—1928, стр. 25, строка 15.

²⁴ Там же. стр. 274; строки 3—4.

Как будто бы не зафиксирован и вид звукового повтора (таджнис), состоящий в употреблении слов, отличающихся друг от друга одним согласным звуком в середине слова (например, «аджсām-о аджрām») и часто встречающийся в классической поэзии.

Не отмечен и простейший вид тропа — эпитет. Между тем он играл определенную роль в поэзии средних веков. Быть может в этом случае имела значение грамматическая особенность языка, благодаря которой можно выделить с достаточной четкостью лишь «имя» вообще, но не «имя прилагательное». С другой стороны, в тот период эпитет был не очень употребителен в силу неполного его отделения от так называемого «окаменелого», «постоянного» эпитета народной поэзии. Несмотря на это, эпитеты были уже нескольких видов. Среди простых можно обнаружить зрительные. К ним относятся цветные («желтое лицо»), показывающие степень освещенности предмета («блестящий панцирь»), передающие движение предмета («клубящаяся туча») или его форму («сгорбленное дерево»); встречаются эпитеты, передающие вкусовые ощущения человека («сладкая вода»), его восприятие запахов («благоуханный мускус»), звуков («стонущий руд»²⁵, «стонущая горлица»), а также осязательные восприятия («твердая земля»). Известны эпитеты, передающие «материал», из которого якобы состоит предмет («рубиновые уста», «фиалковые кудри» и т. д.). Известны не только эти — объективные или изобразительные эпитеты, но и субъективные, лирические, как, например, передающие психическое восприятие предмета или явления («печальная айва», «несчастный изгнанник», «беспощадное небо» и т. д.), эпитеты, дающие понятие загадочного («тайный смысл», «скрытые тайны»).

Сложные эпитеты также нередки («сеющее камфару облако», «полнозвездное небо», «луноликая красавица»).

Не было в средневековых трудах о поэтике и понятия олицетворения, хотя в поэзии встречались не только выраженные элементы этого приема в самых широкораспространенных видах тропа — сравнениях и метафорах, но и полное олицетворение. Стоит вспомнить, например, многочисленные описания в форме загадки (луғз) у Фаррухи (XI в.), Насир-и Хосрова и мн. др.

О самых сложных видах тропа — метонимии и синекдохе как частных его видах, в трудах теоретиков поэзии как будто бы не было речи. Однако на практике можно встретить метонимию типа: «Я стал рабом твоих локонов», вместо — «Я стал твоим рабом» (Хафиз).

В поэтическом синтаксисе классической литературы не отмечены фигуры многосоюзия и бессоюзия. Если однородные

²⁵ Музыкальный инструмент.

члены предложения или отдельные предложения соединяются союзом «и» («о» — «во»), то такое соединение не останавливает на себе внимания читателей, стих течет плавно, интонация спокойная.

Иначе звучит строка, когда мы встречаемся с бессоюзной конструкцией. Бессоюзиe придает ей афористичность, упорность, стремительность интонации, задерживающую внимание на отдельных отрезках стиха:

«Все друзья ушли. Тебе следует уйти»²⁶...

Или:

«Весна — юность, зима — старость, не делимы как день и ночь одна от другой»²⁷.

Инверсия — прием, призванный необычной расстановкой слов подчеркнуть нужное в смысловом отношении слово или выражение. И хотя такой прием и не отмечался трактатами по поэтике, Насир-и Хосров, например, осуждая мусульманина за порицание им евреев и христиан, ставит в этом бейте, вопреки правилам персидской грамматики, сказуемое на первое место, поскольку оно несет в этом случае основную смысловую нагрузку: «Не порицай иудея и христианина. Каковы у тебя преимущества по сравнению с ними обоими?»²⁸.

Поэтическая лексика, за исключением синонимов, антонимов и омонимов, также почти не разбиралась теоретически. При этом границы между ними не всегда были ясны самим классификаторам.

Тропы и фигуры разбирались попеременно друг с другом²⁹, а звуковые, зрительные и синтаксические повторы, употребление омонимов входили в один раздел «таджнисов»³⁰.

Выше говорилось, что старые теоретики поэзии мало останавливались на образности, которая нередко требовала от читателя специальной подготовки — знания быта, наук того времени, богословия. Вырабатываемая литературой образность при авторитарности мировосприятия в средние века стала традиционной: определенный круг образов часто использовался в связи с определенным понятием, предметом, явлением («капля», «жемчужина» и «море», «глаз» и «нарцисс» и т. д.). Наиболее характерным является построение и сочетание образов по принципам антитезы, гиперболы и литоты.

В одической литературе и дидактике с XI—XII вв. нередки случаи сближения в образах далеких по своим признакам предметов, что приводит к созданию нереалистических в основе образов («верблюд тела» у Насир-и Хосрова, ...«га-

²⁶ Насир-и Хосров. Диван, стр. 249; строка 9.

²⁷ Там же, стр. 150; строка 18.

²⁸ Там же, стр. 242; строка 18.

²⁹ См. Шамс-и Кайс. Ук. соч.

³⁰ Там же.

зель бросает мускус с верхушки кипариса» — у Анвари).

Образная ткань поэзии на фарси почти не подвергалась исследованию.

У иранцев поэтизирующий компонент — предметы родной, местной природы: растения, деревья, плоды (роза, тюльпан, фиалка, нарцисс, лилия, шиповник, жасмин, ячмень, кипарис, тополь, чинар, ива, шафран, миндаль, фисташки, яблоко, хурма, гранат, зернышко граната, финик и т. д.); животные (волк, тигр, лев, леопард, барс, газель, олень, онагр (дикий осел), заяц, лиса, змея, верблюд, осел, собака, кошка, бык и др.); птицы (горная куропатка, орел, коршун, гриф, фазан, павлин, голубь, цапля, ворон, утка, курица и др.); насекомые и паукообразные (пчела, муравей, скорпион и т. д.). Кроме того, в поэзии стали родными образы животных и птиц, с которыми иранские народы познакомились в результате древних сношений с Индией. Это образы слона, обезьяны, попугая.

Другие области, из которых извлекался материал, «поэтизирующий» предмет — это профессии и должности (например, пастырь, сборщик налогов, машшате — женщина, одевающая невест к свадьбе, и т. п.), предметы повседневного быта: вино, блюдо, таз, ковер, халат, чалма, хижина чесальщика хлопка и др.; торжественного церемониала феодальных и царских дворов (корона, трон, парча, шелк и т. п.); религия — ислам (михраб, кыбла, Мекка и др.). К созданию троп привлекаются и части человеческого тела (рука, нога, уста; например — «рука насилия», «палец удивления»), небо и небесные тела и явления (небо, звезды, планеты, созвездия — Канопа, Капелла, Плеяды, восход солнца и т. д.), земля (прах) и сокровища, скрытые в ее недрах, в особенности — драгоценные камни (рубин, изумруд, бирюза и др.), вода и явления, связанные с морскими глубинами (капля воды, буря, море, жемчуг и т. д.), воздушная стихия (например, ветер). В средние века были популярны, естественно, и мифологические образы («аждаха», див, сказочная птица Симург), образы легендарных героев и предметов (например, Джамшид, его трон и чаша), исторических лиц, ставших легендарными (Хосров I Ануширван — «Справедливый», Бахрам Гур и др.), фольклорно-литературные герои, как Лейли и Маджнун, Фархад и Ширин и др.); формы букв арабского алфавита, религиозные, богословские понятия и т. д. Чрезвычайно редко поэтизирующим компонентом выступают абстрактные понятия. Такой образ, как у Насир-и Хосрова — «Ноуруз-покаяние», удается встретить лишь после специальных поисков:

«Ноуруз явился для мира покаянием, так как благодаря ему все дурное, что сделала зима, исчезло»³¹.

³¹ Насир-и Хосров. Диван, стр. 52; строка 12.

Однако многие из перечисленных образов встречаются, скажем, и в русском, «поэтизирующем» слово, фонде. Это образы волка, овцы, змеи, попугая, куропатки, муравья и другие. Но если в европейском и иранском представлении образ волка олицетворяет тиранию, алчность, зло, а образ овцы — смирение и беззащитность, то образ попугая имеет совсем различное звучание: у европейцев и у русских — это символ глупости, способной повторять лишь чужие мысли, или же указание на нелепость, пестроту одежды человека; в поэтическом языке иранцев попугай — символ красноречия и мудрости. Образ куропатки в русской поэтике овеян ореолом слабости перед лицом опасности, в иранской — с этим образом связано представление о красоте походки красавицы. Образ муравья у европейцев ассоциируется с образом неутомимого и незаметного труженика. Иногда же это — символ слабейшего существа на земле. У иранцев в басенном осмыслении этот образ ассоциируется и с преданностью общему делу, с храбростью, со способностью к сопротивлению сильным, власть имущим.

Выявление специфики значения образов в ткани художественного произведения еще не определяет особенностей его форм. Образы строятся и сочетаются друг с другом при помощи различных способов, носящих название средств художественной изобразительности. Многие из них присущи не только иранской, но и западноевропейской и русской поэзии. Выявлению специфики этих средств прежде всего помогает создание их словаря, где они по возможности сопоставлялись бы с общепринятыми в современной науке терминами.

И здесь мы подходим ко второму, поставленному в начале статьи, вопросу: построению исторической поэтики.

До настоящего времени в этом отношении мы имеем еще очень немного³². Однако остается очевидным, что необходима не только фиксация времени появления того или иного приема, но и видов каждого отдельно взятого из них.

Для решения этой задачи нужна внутренняя классификация этих средств, в том числе и троп. Метафора — второй по распространенности вид тропа в классической поэзии. Традиционная поэтика средних веков фактически не разделяла метафору на отдельные роды и виды³³. Теория русской литературы признает простые и развернутые метафоры, анимистиче-

³² См. отдельные наблюдения у Е. Э. Бергельса. Избр. соч., т. 1. М., Изд-во АН СССР, и у В. Б. Никитиной, Е. В. Паевской, Л. Д. Позднеевой, Д. Г. Редера в кн.: «Литература древнего Востока» (Изд-во МГУ, 1962).

³³ Шамс-и Кайс, например, различал «маджаз» и «исти'ярат», т. е. «образ» и употребление слов в переносном значении, доходящем до аллегории и символа.

ские и антропоморфические³⁴, т. е. основанные на приеме «оживления» и «очеловечевания» природы, а также метафоры, как бы «материализующие» абстрактные понятия (типа «чаша наслаждения»).

В действительности, такое деление не дает полного представления о богатстве метафоры как средства художественной изобразительности.

Если выписать метафоры только из произведений одного автора, то можно заметить, что они далеко не однородны по форме (построению) и содержанию (характеру заключенных в них образов). Вот модели, почерпнутые из придворной панегирической литературы, дидактики и философской лирики крупнейших авторов периода X—XV вв. В их стихах нам встретятся такие метафоры: «снег» — вместо «седина»; «жемчуг» — вместо «дождь» (реже вместо: «слова́», «стихи»); «серебро» вместо «лепестки цветов миндаля», «старый дворец» вместо — «мир», «голубое колесо» вместо — «небо»; «река знания», «одежда степи», «сокол алчности», «звезда знания», «дворец благоразумия», «сон неразумия»; «туча умрет, когда выплечется», «соловей горько плачет», «вера возвела над сердцем крышу», «степь разрисована... лазурью, золотом и киноварью», «прикрыть сердце религией», «омыть душу знанием». Все эти метафоры могут быть отнесены к разряду простых. Но встречаются и развернутые. Таково описание весеннего сада у Насира-и Хосрова, сада, поднимающегося на борьбу с силами зимы. Их символом является ворон. Здесь доминирует образность, связанная с войной:

«Мужи сада оделись в кольчуги, как будто бы сад ведет войну с вороном...

Из-за этой вражды стрелы розового куста теперь надели рубины и изумруды на оперенье и наконечники...

Не видишь, как, подобно мстителям, юные розы теперь наполнили сердце кровью, а руки — колючками?»³⁵.

Эти примеры говорят о существовании различных по своей природе метафор.

Общепринятыми являются два принципа классификации метафор: по формальному строению и характеру заключенных в них образов.

Следовательно, как мы видели, встречаются простые и развернутые метафоры, анимистические и антропоморфические, не одинаковые, однако, по принципам своего построения, «материализующие» и «абстрагирующие» понятия. Но существовали и метафоры, которые нельзя отнести ни к одной из упомянутых рубрик («сон неразумия», «прикрыть серд-

³⁴ См., например, Г. Л. Абрамович. Введение в литературоведение; С. В. Шувалов. Мастерство Лермонтова. Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова. Сб. 1. «Материалы и исследования». М., 1941.

³⁵ Насир-и Хосров. Диван. Тегеран, 1925—1928, стр. 130; 5—7.

це религией», «степь разрисована... киноварью»). Видимо, должны быть намечены какие-то дополнительные рубрики, к которым мы сможем отнести такие метафоры. Когда поэт говорит «рубин уст», «нарцисс глаза», «одежда степи», «река знания», «сокол алчности», «нагота невежества», то метафоры созданы по одному принципу. Если фигурируют «снег» вместо «седина», «старый дворец» вместо «мир», «голубое колесо» вместо «небо», то нам ясно, что между этими метафорами нет принципиальной разницы и их следует отнести к другому типу (хотя по форме и полноте образов их можно разделить на два вида: метафора, состоящая из одного слова-образа, и метафора, состоящая из двух таких слов, одно из которых служит определением-эпитетом к другому).

Наконец, по третьему типу построены метафоры «туча умрет», «соловей горько плачет», «омыть душу знанием», «степь разрисована... лазурью...», «мы паслись в мире», «див схватит меня под уздцы», «вера возвела над сердцем крышу», «осень нарушила договор».

В первом типе метафор присутствуют оба члена скрытого в ней сравнения. Например, в метафоре «дворец благоразумия» налицо и субъект и объект сравнения: «благоразумие, подобное дворцу». В этом случае мы имеем как бы переходный этап от сравнения к метафоре.

Особенность второго типа состоит в том, что в этом случае мы имеем дело с полным замещением одного понятия другим по принципу сходства важных с точки зрения поэта признаков. При этом один член скрытого в метафоре сравнения отсутствует (в метафоре — «снег» вместо «седина» — отсутствует первый член предполагаемого сравнения — «седина как снег»). В таких метафорах чаще всего конкретное понятие замещается конкретным же. Это метафора в полном своем выражении.

Первые два типа основываются на метафорическом использовании имен. Их можно отнести к общему большому разряду именных, ономатических метафор.

Особенность третьего типа метафор заключается в приписывании предмету действий или состояний, ему не свойственных, т. е. в основе этой категории лежит уже метафорическое использование глагола («омыть душу знанием» и др.). Их можно объединить во второй большой разряд глагольных метафор.

Если рассмотреть эти типы с точки зрения частоты их употребления в классической поэзии, то окажется, что наиболее характерным для последней будет второй из ономатических типов, основанный в этой литературе часто на сближении далеких порой друг от друга образов, например: «фиалки» вместо «кудри», «зелень» вместо «бородка юноши» и др. Такие метафоры придавали условный характер образности, до-

ходивший в ряде случаев до полной аллегории, как, например, в суфийской поэзии.

С точки зрения сочетания образов первый из ономатических типов может быть разделен на пять видов.

В первом из них происходит процесс материализации отвлеченных понятий («дворец благоразумия»), во втором — абстрагирование абстрактных («нагота невежества»), в третьем — сближаются на основании сходства предметы живой природы с предметами неживой («материализация» материальных же явлений типа «рубин уст», «море глаз», «нарцисс глаза», в четвертом — анимизация и антропоморфизация явлений живой и неживой природы (наделение их одеждой, предметами быта, частями тела людей и животных). Это метафоры — «халат зимы», «стрелы роз», «глаз Марса». К пятому же виду относятся метафоры, в которых происходит анимизация отвлеченных понятий («сокол алчности», «скорпион изгнания»).

Для поэтики XV и последующих веков особенно характерны были первый, второй и пятый виды этого типа, т. е. его разновидности, которые основаны на «материализации» абстрактного образа. Метафоры этих видов вели поэзию в целом по пути риторичности, отвлеченности, рассудочности. Неумеренное использование именно таких метафор, как «дворец благоразумия» и «нагота невежества», «он кусал себе ногти страха зубами отчаяния», заставило некогда Ф. Энгельса ужаснуться стилистике «убийственной» персидской прозы XV—XVI столетий³⁶.

Второй — глагольный — разряд метафор (третий их тип) также может быть разделен на несколько видов.

Прежде всего, это метафоры, в которых происходит «материализация» отвлеченных понятий с помощью глагола: последние рассматриваются как конкретные вещи, с которыми можно обращаться и действовать как с явлениями материального мира («прикрыть сердце религией», «омыть душу знанием»).

Второй вид этого разряда включает в себя метафоры, выражающие собой перенесение состояний явлений неживой природы на живую: «степь разрисована... лазурью...».

К третьему виду следует отнести метафоры, основанные на приписывании действий животных человеку («мы паслись в мире»).

И, наконец, к четвертому — метафоры, в которых действия, мысли, переживания животных и человека переносятся на явления природы, неодушевленные предметы, отвлеченные понятия и фантастические существа. Это метафоры — «осень

³⁶ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 495—496.

нарушила договор», «соловей влюблен в розу», «глаз говорит», «вера воздвигла над сердцем крышу», «див схватит тебя под уздцы».

Как видно из приведенных метафор различного характера, этот вид тропа в классической поэзии был уже чрезвычайно развит, свободно включая в свою орбиту отвлеченные понятия, хотя абстрактные зачастую «материализуются» в метафорах типа «ногти ужаса» (такие же, как «нагота невестства», — сравнительно редки). При этом выступает большое разнообразие и в принципах построения, и в характере сочетания образов в метафоре.

Конкретный анализ поэтических текстов и должен помочь реконструировать историю этого тропа, как и других.

И, наконец, последнее:

Из рассмотренного материала напрашивается вывод о несоответствии реального содержания метафоры как средства художественной изобразительности и некоторых ее определений, даваемых в вузовских учебниках.

Так, Г. Л. Абрамович в указанном учебнике определяет метафору следующим образом: «Метафора — троп, основанный на сходстве двух явлений. Она представляет собою скрытое сравнение. В отличие от простого сравнения, имеющего два члена сравнения: то, что сравнивается, и то, с чем сравнивается — *метафора располагает только вторым. Тем самым явление, о котором идет речь, в метафоре лишь подразумевается*» (выделено нами.— В. Н.), и далее автор говорит: «Пушкин пишет: «Пчела из кельи восковой летит за данью полевой». Выражения «келья восковая» и «дань полевая» — метафоры: они подразумевают улей и мед»³⁷.

Если метафора располагает только вторым членом сравнения, то как же быть в таком случае с лермонтовским «кладбищем памяти» и «ржавчиной презрения»? Ведь здесь налицо оба члена сравнения: «память, подобная кладбищу» и «презрение, подобное ржавчине». И как тогда «подогнать» под это определение уже не раз упоминавшиеся метафоры «дворец благоразумия» и «рубин уст»? А глагольные метафоры, играющие такую большую роль в поэтическом языке, такие, как «весна расстелила в степи ковер» или «омыть душу знанием»? Не лучше ли повторить более широкую и потому более точную формулировку «Краткого словаря литературоведческих терминов»³⁸:

«Метафора... — употребление образного выражения или слова в переносном его значении для определения какого-либо предмета или явления, схожего с ним отдельными чертами или сторонами».

³⁷ Г. Л. Абрамович. Ук. соч., стр. 121.

³⁸ Л. Тимофеев и Н. Венгров. М., 1952, стр. 65.

Мы, конечно, не коснулись целого ряда важных вопросов изучения поэтики, ее развития и особенностей на различных этапах истории литературы иранских народов, ее общей роли у представителей различных литературных школ и жанров, движения в ней образов и аспектов их употребления и др. Все это — темы для специальных работ в этой области, которые необходимо продолжить.

В. Б. Никитина

ПРИРОДА В ЛИТЕРАТУРЕ ИРАНСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ¹

После крушения античных цивилизаций Греции и Рима некоторые народы Востока долго шли в культурном отношении впереди европейских стран. Только в XIV в. выявилось относительное равновесие их культурных потенциалов.

Естественно поэтому, что иранские народы, не пережившие в классическом средневековье равного с Европой по разрушительной силе варварского завоевания, продолжали свои старые культурные традиции, что позволило обогнать наиболее передовые страны Европы в зарождении ренессансных тенденций. Эти тенденции намечаются здесь в VIII—IX вв. и развиваются в X—XV вв. Одно время господствовало вольнодумие, опиравшееся в конечном итоге на греко-римское, а также индийскую науку и философию, затем (с XIII в.) — в основном на ересь в исламе — суфизм, приобретавший самые различные «левые» и «правые» формы.

Общественно-культурное движение Возрождения означало в условиях жизни народов, обитавших на территории Иранского Нагорья и Средней Азии, лишь «попытку»² создать, как и в Европе, светскую культуру в противовес религиозно-феодалной культуре раннего средневековья с его сословным неравенством.

¹ Доклад, прочитанный на симпозиуме «Человек и биосфера», организованном Президиумом АН СССР, ВДНХ, Научным советом по теоретическим проблемам биологического повреждения материалов АН СССР в 1968 г. В докладе использованы материалы учебника «Литература зарубежного Востока» коллектива авторов ИВЯ при МГУ, 1970.

² «Основы марксистско-ленинской эстетики», под ред. В. Т. Берестнева и Г. А. Недошивина. М., Госполитиздат, 1960, стр. 56.

Культурный подъем у иранских народов особенно был выражен в естественных, точных науках, философии и литературе³, слабее — в изобразительном искусстве, особенно — скульптуре⁴.

Этому взлету в области идеологии немало способствовали географическое положение Ирана как центра транзитной торговли между Востоком и Западом, Севером и Югом, и его включение в крупные государственные образования (арабский халифат, сельджукский султанат, монгольская империя, государства Тимура и Тимуридов). Еще с раннего средневековья (V—VII вв.) здесь имелись развитые средства караванного и морского сообщения. Известно, что ближне-каботажное плавание в Индийском океане (и, следовательно, торговля) в это время находились в основном в руках Ирана. В VIII в. суда народов, вошедших в арабский халифат, плавали в Индонезию и Китай. Около Кантона возникла мусульманская колония будто бы численностью свыше четырехсот тысяч человек. Известна и другая колония в Китае. В гаванях Персидского залива трудились сотни, а может быть, и тысячи людей, обслуживавших кораблестроение и портовые работы. Иранские корабли, ходившие в Китай, были, по-видимому, самыми большими на Востоке⁵. В X в. все Средиземное море контролировалось народами халифата. Делались попытки выхода и в Атлантический океан. Уже в XIII в. иранским народам были известны координаты северо-восточной оконечности Южной Америки. Большую роль в освоении морских путей сыграли изобретения народов халифата и заимствованные ими у других: к знанию астрономии, морских течений и направлений ветров присоединились еще в раннем средневековье компас и железный якорь⁶, изобретенные китайцами, позже — астролябия и квадрант — арабами⁷, а также секстант, сконструированный выходцем из Средней Азии⁸. С развитием мореплавания стали создаваться многочисленные и подробнейшие лоции, необходимые и для плавания в открытом море. Но подлинную революцию в мореходном деле совершило изобретение арабами косо́го паруса, так как оно позволило ходить галсами не только при попутном, но и про-

³ См. Н. И. Конрад. Запад и Восток. М., «Наука», 1966.

⁴ См. В. Б. Никитина. К типологической характеристике возрожденческой литературы на языке фарси. «Народы Азии и Африки», 1966, № 5.

⁵ См. Адам Мец. Мусульманский Ренессанс. Перевод Д. Е. Бертельса. М., «Наука», 1966, стр. 391 и сл.

⁶ См. Т. А. Шумовский. Арабы и море. М., «Наука», 1964, стр. 175—176.

⁷ См. И. Ю. Крачковский. Избр. соч., т. IV. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1967.

⁸ См. Б. Г. Гафуров. История таджикского народа. М., Госполитиздат, 1952, стр. 196.

тивном ветре⁹. Все это дало возможность положить начало Великим Географическим открытиям, первый этап которых связан с дальними путешествиями народов Востока в акваториях Индийского, Тихого и Атлантического океанов¹⁰. Восток вывел и португальцев на проторенные морские дороги. В XV в. автор сорока лоций, мореплаватель араб Ахмад ибн Маджид провел при попутном муссоне из восточноафриканского порта Малинди корабли Васко да Гамы прямым путем через Индийский океан в западно-индийский город Каликут всего за двадцать семь дней. И это — после того, как португальцы осваивали при каботажном способе плавания западное побережье Африки не один десяток лет! Колумб, Васко да Гама и другие заслужили свою славу в значительной мере благодаря арабским нововведениям: носо-кормовому парусу в форме треугольника, замене одной мачты тремя и т. п. И наоборот — сведения об открытии «Новой Земли» Колумбом и ее карта очень скоро стали известны на Востоке (Турция).

Путешествия, из которых привозили разнообразные товары, начиная от корабельного леса и кончая черными невольниками, содействовали обогащению купечества и расширили кругозор жителей арабских и иранских городов.

Стала бурно развиваться географическая литература, и только главнейшие сочинения на арабском, персидском, турецком языках в период VIII—XV вв. насчитывались сотнями¹¹. В этих сочинениях описывалась также фауна и флора стран, в которых побывали мусульмане, порой давались и великолепные иллюстрации с отступлениями от манеры миниатюры, что было кощунственно с точки зрения ислама (например, в труде Закарийа-ал-Казвини «Чудеса созданий»¹², XIII в., или «Книге о животных»¹³, XIII в.).

В результате знакомства с другими странами развился критицизм по отношению к собственной жизни и старым канонам в воспроизведении действительности в искусстве и литературе. Накапливались богатства, деньги, золото, а также новые сведения глобального характера. Корабли и караваны везли в числе прочих грузов памятники духовной культуры, что обогащало весь «мусульманский» мир.

Произошел отход не только от мировосприятия древности, но и раннего средневековья.

⁹ См. Т. А. Шумовский. Арабы и море, стр. 174.

¹⁰ См. И. В. Боролина, В. Б. Никитина, Е. В. Паевская, Л. Д. Позднеева. О некоторых общих проблемах курса истории литератур Востока (статья третья). «Научные доклады Высшей школы», филологические науки, 1965, № 2.

¹¹ См. И. Ю. Крачковский. Избр. соч., т. IV. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1957.

¹² См. там же.

¹³ Arthur P o r e. The persian Art. Cambridge, 1945.

Известно, что древнейшим было восприятие мира как неделимого целого. Небо и земля составляли в представлении человека одну среду. Это отразилось в языках многих народов. Так, в персидском (фарси) одно и то же слово могло означать цвет травяного покрова и неба. Позднее в мифологии произошла дифференциация на вредные и полезные силы природы и явления: холод и тепло, тьма и свет, добро и зло воплощались в образах чудовищ и «добрых» живых существ, «полезных» и «вредных» мифологических персонажей. В эту эпоху в памятниках иранской словесности появляются и очеловеченные боги («девушка прекрасная, сильная, стройная», — Ардвисура Анахита — богиня воды, земли и плодородия), и обожествляемые люди — богатыри эпоса, побеждающие «воинство зла» и врагов оседлых племен¹⁴.

Развитие племенных культов, а позже — и религии — было связано с магическим «задабриванием» богов. Животные служили предметом бессмысленного с современной точки зрения истребления. Еще в самом древнем памятнике иранских народов — священном своде зороастрийской религии — Авесте — содержится мольба души принесенного в жертву быка — не уничтожать скот — дикий и домашний. Очевидно, уже где-то между IX и VII вв. до н. э. количество приносимых богам в жертву животных было уже так велико, что понадобилось специальное, идущее якобы свыше, увещание ревнителей культов. Это увещание было, однако, продиктовано «снизу», так как племена нищали.

О том, какими грандиозными были гекатомбы еще в IV в. до н. э., свидетельствуют и греческие историки¹⁵.

«Классическое» иранское средневековье (IV — сер. VII в.) уже покончило с массовым культовым истреблением животных. Но животный мир редел от забавы, вписанной в число рыцарских доблестей — охоты. Наскальные и настенные изображения царей, поражающих копьём или стрелой львов и леопардов, кабанов, серебрянные блюда с охотничьими сценами, в которых страдающей стороной выступают не только хищники, но безобидные газели и дикие ослы-онагры, отражают быт феодализирующегося двора.

В то же время на изображение пейзажа, интерьера в раннем средневековье было наложено своего рода табу. Ориентации клерикалов на загробную жизнь противостояла, хотя еще и слабо, народная устремленность к достижению счастья на земле. Это выражалось словесно, в прямой форме, или в

¹⁴ См. В. Б. Никитина, Е. В. Паевская, Л. Д. Позднева, Д. Г. Редер. Литература древнего Востока. Изд-во МГУ, 1962.

¹⁵ См. Геродот. История в девяти книгах. Пер. с греч. Ф. Г. Мищенко, изд. 2, т. I, кн. 1—4. М., 1888; т. II, кн. 5—9; Страбон. География Страбона в семнадцати книгах. Пер. с греч. Ф. Г. Мищенко. М., 1879.

действиях персонажей, двигавшихся как бы в пустоте, или, по выражению Д. С. Лихачева, «на фоне черных сукон»¹⁶.

В эпоху иранского Возрождения самосознание человека неизмеримо выросло, природа выступает скорее не как враг, а друг. Далекие путешествия были не безопасны, но и не пугали¹⁷, сделавшись привычными. С хищными животными боролись с помощью более усовершенствованных методов. При феодальных дворах поэты воспевали своего покровителя и одну из его доблестей — охотничью удачливость. Отсюда — проповедь истребления животных и птиц без тени намека на какую-либо целесообразность подобного деяния. Так, Фаррухи (Газна, XI в.) с восторгом описывает кровавые победы султана над обитателями лесов. Воспевались и древние обычаи, имевшие магическую силу. В дни праздника зимнего солнцеворота привязывали к ножкам птиц паклю и поджигали ее, и так выпускали эти «горящие звезды» в ночное небо, загоняли газелей в огромные костры и др.

Идеологи же городских кругов описывали охоту порой с долей насмешки. Гургани (XI в.) карает героя своего романа в стихах — царя-угнетателя за «безнравственность» смертью от клыков кабана, вспоровшего «его брюхо» и превратившего его в ничтожество. Автор смеется над сильным, которому один шаг до «некрасивой» смерти, доказывающей общую «природу» царя и его последнего подданного.

С VIII—IX вв. стала развиваться еретическая философия суфизма, противопоставившая свою доктрину официальному исламу: согласно этому учению бог не существует сам по себе, он разлит во всем сущем — неживой и живой природе. Божество, которое именовалось «истиной», воплощено и в животных и в человеке. Принципиальной грани между минералом, травой, зверем и человеком не существует. Поэтому можно выделить только степеней «излияния» божественной сущности в том или ином явлении природы. Человек считался наиболее совершенным в этом смысле созданием. Это учение было объявлено еретическим, преследовалось в первые века своего существования, а отдельные его представители — чуть ли не до наших дней. Это и понятно: оно требовало уважения божественного начала не просто в природе, но прежде всего в людях, независимо от их сословной принадлежности.

Представители этого учения нередко покидали двор с его внешне блестящей жизнью и уединялись там, где могли осознать свое единство с богом через мирное общение с природой, с единомышленниками и учениками.

Литературное выражение этого аспекта мировосприятия

¹⁶ Д. С. Лихачев. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 83.

¹⁷ См. Бузург ибн Шахрияр. Чудеса Индии. М., ИВЛ, 1959.

еретиков особенно хорошо видно в эпосе суфиев и близких к ним вольнодумцев, начиная с XI в.

Достаточно привести один пример: Низами — поэт XII — начала XIII в., входивший в регион персоязычной литературы и живший в Закавказье, создал поэму о двух несчастных влюбленных — Лейли и Маджнуне, разлученных пламенем семейной и социальной вражды. Всепоглощающая неудовлетворенная любовь к возлюбленной приводит героя в пустыню, где отвергнутый людскими законами юноша находит душевное успокоение среди диких зверей — льва, леопарда, лисицы. Но самым милым сердцу Маджнуна животным стала газель, напоминающая своими прекрасными глазами его дорогую Лейли. Так вопреки древней фольклорной и литературной традициям, связывавшим образы угнетателей с хищниками, утверждалась новая мысль об облагораживающем влиянии животных на человека. Не уничтожение их, а приручение, не вред, который они могут причинить, — а польза (не столько материальная, сколько моральная), — вот тот мотив, который, начиная с Низами, утверждается в литературах иранцев, узбеков, азербайджанцев, народов северо-западной Индии.

Вопреки исламу поэты-еретики воспели собаку — порой шелудивого пса, за его верность, за то, что он — страж возлюбленной. Поэтому собака в этой ситуации выступает как предмет зависти влюбленного, готового не только влезть в баранью шкуру, чтобы повидаться с милой, но и принять облик «нечистого» пса (Джами, Навои, XV в.). Характерно, что в литературе еретиков и вольнодумцев исчезает страх перед силами природы. Появился герой из народа — каменотес, вращающий горами (Фархад у Низами и др.).

Эпоха Ренессанса не случайно именуется открытием мира, и в этом мире главное место занял у гуманистов человек. Среди универсальных деятелей, писавших по-арабски и по-персидски или только на одном из этих языков, но бывших иранцами, выделяется блестящая когорта ученых, чье «жизнерадостное свободомыслие», по словам Ф. Энгельса, предопределило «материализм XVIII в.»¹⁸ в Европе: Бируни (X—XI вв.), Абу Али ибн Сина (Авиценна, X—XI вв.), Насир-и Хосров (XI — нач. XII в.), Омар Хайям (XI—XII вв.) — не только были передовыми людьми своего времени, но и гениальными провидцами, предвосхитившими некоторые позднейшие, иногда вплоть до XIX в., открытия.

Философ, врач, политический деятель и поэт — Авиценна, стоявший в отдельных моментах своих естественнонаучных взглядов на позициях перипатетиков — последователей Аристотеля, развивал собственное учение, в котором проглядыва-

¹⁸ Ф. Энгельс. Диалектика природы. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 466—467.

ло признание вечности мира, причинной связи явлений, утверждение силы разума и опыта в познании действительности. Его «Канон медицины» содержал смелые по тому времени заключения о причинах болезней, впервые ставил вопрос об их профилактике, о методах лечения заболеваний. При этом автор советовал учитывать возраст человека, его образ жизни (нахождение на свежем воздухе, в саду, движение в качестве лечебного средства и т. д.). Вместе с тем предписывалось использование корней, листьев, плодов растений в качестве лекарств (например, ягод тута — при лечении сердечных болезней). Знание анатомии человека он считал для лекаря непременным условием. Поэтому сам Авиценна прибегал, несмотря на запрет ислама, к эксгумации трупов. Его работа по медицине стала «законом» для европейских медиков в XII в. и оставалась им до середины XVII в., будучи переведенной на различные языки.

На Востоке родились и близкие к современным понятия о Вселенной. Так, из Индии пришло к иранцам представление о земле, как о шаре, висящем в пустом пространстве. Эта мысль высказывалась и Бируни и Насир-и Хосровом. Бируни считал, что Солнце состоит из огненной стихии и находится в центре окружающих его планет. И Бируни и Насир-и Хосров утверждали, что «планеты получают свой свет от Солнца». Бируни была сформулирована догадка о гелиоцентрической системе в области космографии¹⁹.

Насир-и Хосров предполагал, что Вселенная движется в пустоте²⁰, разум был признан инструментом истинного знания. Насир-и Хосров писал: «Я скажу, что наука заключается в познании вещей такими, каковы они есть, а для познания вещей такими, каковы они есть, существует разум»²¹.

Проверить же истинность знания могут лишь опыт, пять чувств человека: «Эти пятеро, — знай! — открыли тебе двери науки, чтобы ты распознал достоинства и пороки мира»²².

Человек, по Насир-и Хосрову, — единственное живое существо, наделенное способностью создавать. Обращаясь к нему, он говорит: «Благодаря тебе дом (мир. — *В. Н.*) возделан. Когда ты уйдешь, и он станет разрушаться»²³, «ни одно животное не сделало из жемчуга и золота короны и венца»²⁴.

¹⁹ См. Бируни. Избр. соч. «Индия», гл. 59. Ташкент, 1963.

²⁰ Стихотворение «О разуме и просвещении». Насир-и Хосров. Душанбе, 1949, стр. 211. Сафар-намэ. Пер. Е. Э. Бертельса. М.—Л., 1933, стр. 203—204.

²¹ Насир-и Хосров. Трактат «Лик веры». Берлин, 1924, стр. 26. (на перс. яз.).

²² Насир-и Хосров. Диван. Тегеран, 1925—1928 гг. стр. 26.

²³ Там же, стр. 414.

²⁴ Там же, стр. 153.

Вторая отличительная черта человека, помимо «права творчества» — это слово: «Речь, являющаяся звуками, которые ты издаешь, взгляни, чем отличается от звуков (издаваемых) теми другими (т. е. животными. — В. Н.), как не словами?»²⁵.

Логика научного подхода к изучению мира приводит поэта, мыслителя, географа, историка Насир-и Хосрова к поискам природы самой сущности человека и приближается к гениальной догадке материалистического характера о том, что, как в XIX в. сформулировал Ф. Энгельс, «труд создал человека». Насир-и Хосров писал: «Нет выше человечества изо (всех) творений мира, так как сущность его создана его деятельностью, а признаком наибольшего совершенства является деятельность... Человечество... поручает некоторым силам природы дела, так что те силы природы не выходят из «его подчинения»²⁶. Но человеку служат и животные — его «родственники»²⁷, и растения, так как «семена, плоды и листья... растений — наше лекарство или же пища для нашего тела»²⁸.

Насир видел зарождающиеся национальные черты различных народов²⁹, как и все многообразие видов животных и растений, восторгался весенним пробуждением природы: только что тюльпан был скрыт под землей, розы являли собой некрасивый сноп колючек и вдруг «по приказу весеннего ветра» и Солнца (а не бога!) они превращаются в роскошные цветы! Поэт (как и его старший современник Фаррухи) связывает наступление весны с дуновением северного ветра. Судя по источникам, направление ветров на Иранском нагорье было иным, чем в настоящее время, что, возможно, зависело от отличных от современных климатических условий Средней Азии или Ирана.

Не менее поразительны по тому времени и естественнонаучные высказывания Бируни. Рисуя мир как целое, в котором «материя, одеваясь в одежду конкретности, проявляется в той или иной вещи»³⁰, автор видел непрерывность изменения и развития природы, а все живое считал результатом естественной эволюции бытия. Так, на практике наука отделялась от религии. Это дало возможность высказать догадку о роли среды в развитии растительного и животного мира.

Полагая, что пища и пространство с необходимым для су-

²⁵ Насир-и Хосров. Диван. Тегеран, 1925—1928 гг., стр. 453.

²⁶ Насир-и Хосров. Путевой запас странствующего. Берлин, Кавиани, 1923, стр. 276—277 (на перс. яз.).

²⁷ Насир-и Хосров. Диван, стр. 368.

²⁸ Там же, стр. 57.

²⁹ Насир-и Хосров. «О разуме и просвещении».

³⁰ Бируни. Индия, Ташкент, 1963. см. гл. «О соответствующих разуму и рассудку убеждениях индийцев о бытии».

уществования всего живого на Земле не беспредельны, Бируни усматривал необходимость борьбы за существование и животного и растения. Эта борьба определялась как самая суть жизни органического мира. Если бы межвидовой борьбы не было (т. е. если бы человек вмешался в этот процесс), то победил бы один какой-либо вид животного и растения. При существующем положении вещей могут выжить самые сильные, адаптирующиеся к данной среде особи. Бируни образно говорит об этом так: природа — «как садовод, дающий возможность расти на дереве наиболее жизнеспособным и здоровым ветвям, отрезая все остальные»³¹.

Омар Хайям выражал в своих четверостишиях взгляды на быстротечность всего земного, вечность существования (некогда возникшего) материального мира, материи как таковой, изменяющей лишь свою форму.

В теории познания он дошел до признания «отражения» мозгом человека действительности в правильной, неискаженной форме: «всю жизнь я искал чашу Джамшида... (в которой, по преданию, отражался весь мир. — *В. Н.*), но она оказалась во мне самом».

В XI в. менее заметный мыслитель — Кей-Кавус — высказал мысль о бесконечности процесса познания: «Все знает вся совокупность людей, но вся совокупность еще не родилась от матери». Попутно автор ставит в зависимость характер человека, и его физические данные от жизни, которую тот ведет³², психическое — от физического.

В IX—XV вв. человек заглянул и внутрь своего «я» и стал выражать мысли, чувства, переживания отдельной — автономной внесловной личности. Естественно, что мысли и переживания были часто порождены природой, ее красотой, мощью, ее загадками. В ту эпоху спор велся между церковниками и выразителями светской идеологии, спор, не всегда выступавший в «чистом» виде: гуманисты Возрождения сами могли быть людьми религиозными, но выходить за рамки религии благодаря силе своего таланта.

Поэтому отношение к природе у ортодоксов и гуманистов было различным.

Если отцы церкви требовали приятия природы как создания всевышнего, приятия на веру того, что говорит религия, то гуманисты-вольнодумцы сомневались в целесообразности земного устройства, исходя из рационалистического, а часто — экспериментального подхода к его изучению.

В рассматриваемую эпоху иранцы не чувствовали себя оторванными от природы. Центры тогдашней культуры — го-

³¹ Бируни. Индия. См. подробно: Бируни. Сб. статей, под ред. С. П. Толстого. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 48.

³² «Кабус-Намэ». Пер. Е. Э. Бертельса. М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 34 и 35.

рода — нередко представляли собой цветущий сад. По неписаному закону земля в городе становилась собственностью того, кто не только возвел на определенном участке строение, но и возделал землю. Литературные памятники содержат восхваление и садов, и речек, ручейков и фонтанов — служащих местом отдыха горожанина. Розовый цветник, плодовый сад, или просто куща тутовых деревьев были принадлежностью домового владения. У Хафиза (XIV в.) городской сад Мусалла и речка Рукнабад приравниваются к райским кущам и источнику. В этот период феодал не случайно предпочитал жить в городе.

Все это привело в дальнейшем к тому, что в эпоху иранского Просвещения (XIX в.) здесь не возникло, в отличие от Европы той же эпохи, проблемы «естественного» человека, рожденной трагическим отрывом от природы. В IX—X вв. ограничения, наложенные на пейзаж и интерьер зороастрийской мусульманской религиями, был в литературе снят. Образы стихий природы вырисовывались в определенной ассоциативной связи. Так, гнев царя уподоблялся всежогущему огню, кара за притеснение — «потопу Ноя», быстрота коня или верблюда — ветру (воздуху), тело человека — праху, земле, смена дней и ночей сравнивалась с пегим — черно-белым жеребенком, безжалостность времени — с конем, пожирающим сидящих на нем всадников или топчущим поверженных людей.

Список растений, используемых в литературе для построения поэтических образов, не составлен. Известно, что темные дремучие леса, примыкающие с юга к Каспийскому морю, издавна фигурировали как прибежище злых духов, порождений бога зла — дивов³³. Окрестности Нишапура считались в XII в. местом обитания таинственного существа «наснас» — своего рода «снежного человека» эпохи средних веков³⁴. Дивы лесов, как, очевидно, и «наснас», — это мифологизированное представление населявших леса диких животных.

Образы растений были излюбленными при описании внешности героев. Стан — это кипарис, тополь, сосна; кудри — фиалки, глаза — нарциссы, ланиты — розы, груди красавицы — гранаты, ее ротик — гранатовое зернышко, белизна тела — белизна белого шиповника или жасмина, борода на лице юноши — только что пробивающаяся из земли нежная травка и т. д.

В литературе жанров «второго порядка» — притчах —

³³ См., например, «Шах-наме» Фирдоуси.

³⁴ Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей или Четыре беседы. Пер. с персидского С. И. Баевского и З. Н. Ворожейкиной, под ред. А. Н. Болдырева. М., ИВЛ, 1963, стр. 33—34.

можно встретить рассказы о дынях, арбузах, яблоках, айве, лимоне, финиках и др.

Становились традиционными и образы животных и птиц, символизирующих какое-либо человеческое качество: лев, слон — храбрость, бешеную злобу, скорпион — предательство, газель — кротость и т. п. Почти все они восходят к фольклору. Среди этих образов встречаются и такие, которые непривычны для поэтического строя европейского сознания. Так, горлица воркует весной не от любви, а от радости жизни и т. д.

В ранневозрожденческих стихах «снег летит, точно стая голубей», девушка скорбит в разлуке с возлюбленным, как газель, потерявшая друга, поэт хочет «спрятаться в своих стихах», чтобы «целовать свою возлюбленную в губы, когда она будет читать» эти стихи. В творчестве «отца» поэзии иранских народов — Рудаки — пейзаж занимает уже значительное место. Это описание родной для поэта природы Средней Азии с ее покрытой весной буйной растительностью степью, яркими красками неба, зелени, цветов, туч и облаков, перлов дождевых капель, пробуждающих к жизни тюльпан, «сверкающий на солнце, как выкрашенная хной рука красавицы»: Через природу вырисовывался образ поэта, трансформированный его передачей — так называемый лирический герой, — упоенный красотой жизни. Благодаря этому возникал эмоциональный план в раскрытии окружающего мира. Взгляд на пробуждающуюся природу заставлял искать исход радости, рождаемой подобной картиной. Этот исход поэты видели в наслаждении вином, дарящем веселье, любовью, поднимающей человека над другими «созданиями мира».

Вот почему весна (лужайка, берег ручья), вино и любовь стали той триадой, которая чаще всего противопоставлялась аскетической проповеди церковников.

Рудаки и его современники уже связывали картины природы с общим душевным настроением автора, раскрытие которого должно идти вслед за пейзажным вступлением, с психическим состоянием человека.

Так, Абу Шахид Балхи писал:

Рыдает туча, как влюбленный,
И сад смеется, как влюбленная.
И стонет гром, как я стенаю,
Когда приходит ночь бессонная.

(Пер. В. Левика)

Величайший эпик Ирана Фирдоуси (X в.) пользовался в своей «Шах-наме» не только необходимыми согласно традиции гномическими зарисовками восхода и захода солнца, ночи и утра, но и такими, которые вводят читателя в мир переживаний автора и героев — в следующем затем рассказе. Так, печальная история о попавшем в беду богатыре Би-

жане и о его возлюбленной Маниже — туранской царевне, начинается с потрясающего описания ночи, заключающем предчувствие беды и усугубляющем восприятие страданий героев:

Лицо свое почь залепила смолой,
Из ярких планет не видать ни одной.
Луна приготовилась было в поход,
Чертог свой оставив, дошла до ворот.—
Но мрачен был мир, и поблекла луна.
От страха совсем исхудала она,
Венец ее светлый погас и исчез,
И прахом покрылось пространство небес,
А воинство ночи с собою несло
Покровы черней, чем воронье крыло.

(Пер. М. Дьяконова)

Обратные эмоции вызывает прославление природы у поэта XI в. Фаррухи, воспевающего радостный весенний праздник наложения тавра на молодых коней:

Когда в переливы атласа оденется луг молодой
И пышно покроются горы сквозной семицветной фатой,—
Земля, словно царственный мускус, бесценный струит аромат,
И пестрой семьей попугаев блестящие ивы стоят.
Вчерашний предутренный воздух поведал о близкой весне.
Хвала тебе, северный ветер, за радость, врученную мне!..
И розы, как дряные чаши, приподняты в светлую рань,
И тянет к земле сикомора свою пятипалую длань.
На ветках стоцветные перстни, в стоцветных покровач
сады,
Жемчужины — в ливнях небесных, жемчужины — в струях
воды...

(Пер. А. Кочеткова)

В X—XV вв. — особенно до XIII в., были поэты, которые использовали опыт своих иранских предшественников и современников для выражения собственной философской концепции, органически связанной с пейзажем. Мастером лиро-эпической поэзии такого содержания был Насир-и Хосров. Его пейзажные зарисовки неизменно влекли за собой философское, этическое раздумье. Картины ночного неба заставляют поэта сосредоточиться на «лепете звезд», «шуме ночного колеса» (т. е. небосвода), проникнуть в тайны бездонной Вселенной.

Осенняя пора не была для поэта «очей очарованьем». На переднем и среднем Востоке — это время дождей, льющихся на высохшую растительность. Осень вызывает грустные размышления о преходящем характере всего прекрасного, непрочности земного бытия, находящегося в вечном движении. А поэтому надо прожить так, чтобы оставить по себе «добрую память».

В стихотворении акцентируется процесс умирания:

«Когда осенний ветер совершил набег на сад,

В нем пролилась кровь тюльпана (ветер-кочевник несет смерть и разрушение. — *В. Н.*),

И когда от печали и скорби по нему пожелтела листва лимона и яблока,

Высокий небосвод в знак траура по цветку надел темные одежды...

Похитила осень красоту у сада, силой отняла у мира его великолепие,

И по своему неразумию низложила золотой венец Джемшида (легендарного царя. — *В. Н.*) с головы нарцисса (Власть весны и лета окончилась. — *В. Н.*)».

Поэт заключает описание словами: «Таков всегдашний обычай мира: его радость — скорбь, его сахар — желчь!»³⁶.

Слияние пейзажа и философии в классической форме мы встречаем у Омара Хайяма (XII в.), который выдвигает на первое место человеческую личность, поднимающуюся до протеста против запретов церкви на вино, недозволенную свободную любовь, которая есть не что иное, как проявление самого закона Великой природы. Мысли Хайяма были подхвачены и по-своему поданы Хафизом (XIV в.). Его бог — красота, где бы она ни проявлялась: в природе или человеческих чувствах со всеми тончайшими их оттенками. Лужайка, розы, соловьи, берег ручья, прекрасные сады родного для него города Шираза, его виноградники, «дитя их» — вино, возлюбленная, все звучит как гимн трепетному бытию. Это выражено, например, в стихотворении:

Песня! Брызнуть будь готова вновь и вновь и вновь и снова!
Чашу пей, в ней снов основа — вновь и вновь и вновь и снова!

Друг, с кумиром ты украдкой посиди в беседе сладкой,—
Поджидай к лобзаньям зова, вновь и вновь и вновь и снова!
Насладимся ль жизнью нашей, коль не склонимся над чашей?
Пей же с той, что черноброва, — вновь и вновь и вновь и снова,

Не найти от вас защиты, взоры, брови и ланиты —
Вы моим очам обновы — вновь и вновь и вновь и снова!
Ветер! Ты в воздушной ризе мчась к любимой, о Хафизе
Ей бросай за словом слово — вновь и вновь и вновь и

снова!

(Пер. К. Липскерова)

Воздействие природы позволило бросить вызов отцам церкви, дойти до отрицания всякой религии, как это было у Хайяма, до бунта личности против ограничений ислама. Ху-

³⁶ Подробнее см.: В. Б. Никитина. Некоторые особенности пейзажа в касыде Насир-и Хосрова. «Научные доклады Высшей школы», филологические науки, 1961, № 3.

дожественное восприятие природы оказывается, таким образом, тем трамплином, от которого отталкивались и еретики, и вольнодумцы — все гуманисты Возрождения в своей борьбе против господствующей церкви, за научное и художественное познание окружающего мира.

Р. Г. Левковская

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ЛИТЕРАТУРЫ ИРАНА XVIII в.

Литература Ирана XVIII в. — один из наиболее слабо изученных этапов развития персидской литературы. Иранские, европейские и советские ученые в основном ограничиваются констатацией резкого снижения уровня художественного творчества, процветания эпигонства, необычайной изощренности стиля и языка литературных произведений. Отмечается также, что последнее обстоятельство побудило отдельных поэтов вернуться к стилю поэзии IX—XII вв. Между тем некоторые явления литературной жизни XVIII в. и особенно творчество ряда сторонников движения за возврат к прошлому позволяют несколько расширить представление о значении этого этапа в истории литературы Ирана. Литература этого времени — не только закономерное, но и важное звено в общем процессе ее развития, в частности, в обретении ею в дальнейшем черт литературы нового типа.

Несомненно, что состояние литературы Ирана XVIII в. в целом, как и всей его культурной жизни этого времени, отражает общий экономический и политический упадок в стране, ее все большее отставание от уровня развития европейских государств.

Особенно безрадостную картину представляет собой литературная жизнь Ирана первой половины столетия. Непрерывные политические смуты, опустошительные нашествия афганских и турецких завоевателей, разгул феодальной анархии, который не смогло остановить даже объединение иранских земель под властью Надир-шаха (1730—1747), опиравшегося на военно-кочевую племенную знать с ее явной незаинтересованностью в росте производительных сил страны, — все это создавало весьма неблагоприятные условия для развития литературы. В обстановке повсеместной разрухи, упадка тор-

говли и ремесленного производства литературные силы были распылены. Из крупных городов Ирана в это время только Исфаган, бывший резиденцией последних сефевидов, афганских правителей и Надира, еще служит в какой-то мере средоточием «людей пера». При этом шахский двор теряет свое былое значение литературной жизни страны. Правда, как отмечают источники, многие поэты еще продолжают ориентироваться на придворные круги. Однако их надежды найти признание и покровительство в среде, чуждой иранским культурным традициям и занятой, главным образом, войнами и борьбой за власть, были очень непрочны. Поэтому поэты или овладевали каким-нибудь более хлебным ремеслом, или скитались по городам в поисках надежного прибежища; нередко также были случаи их эмиграции, в основном в Индию, в государство Великих Моголов, которое и в XVIII в. еще оставалось деятельным центром персоязычной литературы.

Разобщенность литературных сил при возрастающей культурной обособленности шиитского Ирана от соседних суннитских стран, застойность форм иранского позднесредневекового общества, неизбежное усиление феодально-религиозной реакции во всех сферах жизни привели к тому, что постепенное угасание в персидской литературе живого творческого начала, наметившееся еще два столетия назад, достигает в это время своей кульминации. Основная масса литературной продукции отражала господство традиционализма в литературе, превращение в абсолют канонов многовековой давности. Содержание творчества большинства поэтов составляли однообразные перепевы любовно-мистических мотивов, бессодержательные панегирики представителям сменявшихся на иранском престоле династий, гимны в честь пророка и подвигов шиитских имамов или оплакивание их мученической смерти. Отсутствие новых идей, тем, сюжетов порождало необычайную искусственность и вычурность языка и стиля, который сами иранцы называют «индийским». Однако в иранской поэзии этого периода от «индийского стиля» как определенного литературного течения осталось лишь формальное следование чисто внешним приемам творчества его представителей, усложнившемуся уже к XVII в. Официальная поэзия и проза как бы застыли в своей прециозности. Проза была представлена, в частности, рядом исторических хроник, которые по вычурности языка ничуть не уступали поэтическим произведениям и, за немногим исключением, выполняли роль панегириков правителям.

Однако в этот же период продолжает развиваться литература, культивировавшаяся главным образом в городской среде. Это творчество было порождено интересами и художественным вкусом более широких кругов читателей. «Простонародная» или «вульгарная» литература еще совершенно не

изучена. Известно лишь, что в ней получают широкое распространение прозаические народные романы (или дастаны), имевшие историко-героическое и авантюрно-рыцарское содержание. Возникнув на основе реального исторического события, многие из них складывались сначала в процессе длительной устной передачи, а затем фиксировались и в различных вариантах записи. При этом дастаны приобретали характер полулегендарного, полусказочного повествования. В народных романах, очевидно, причудливо переплетались традиции устного творчества и письменной литературы. Несомненно отражение в них религиозной идеологии, как например, в «Сказании об Эмире Хамзе» или в «Сказании об Абу Муслиме», герои которых действуют как активные защитники ислама и борцы с неверными. Народное начало этих произведений продолжает отчетливо выступать особенно во время устного, отчасти импровизированного пересказа (или чтения) среди слушателей. Для них образы популярных героев «сказаний» олицетворяли собой идею победы сил добра и правосудия над силами зла и несправедливости¹.

В это время появлялись и записи народных версий любовно-романических сюжетов, известных по многочисленным поэмам и пьесам «высокой» литературы. Эти записи также отражают длительный процесс оформления поэмы, обрастания сюжетов реалиями городского быта, усиление в них авантюрно-приключенческого элемента. Все это, как и переосмысление отдельных эпизодов, служило приспособлению произведения к идеологическим и художественным потребностям демократической среды города.

В XVIII же веке в основном сложился персидский мистериальный театр — таъзийе, получивший к концу столетия законченную драматическую форму. Сюжетами таъзийе служили трагические события в Кербеле, гибель мученика за веру — имама Хусейна и другие истории из жизни шиитских святых. Представления, предназначенные чаще всего для исполнения большим коллективом актеров, разыгрывались обычно в начале месяца мохаррема — в дни траура по «мученикам» у шиитов. Оформление спектаклей было еще весьма примитивным, декорации очень несложны. Исполнители прямо на сцене читали врученный им текст (нередко стихотворный). Тут же находился постоянно и режиссер, следивший за ходом разыгрываемых эпизодов и дававший соответствующие указания. Многие в таъзийе напоминают европейские средневековые религиозные мистерии. Однако этот жанр, сложившийся в другое время и в иных условиях, чем в Европе, хотя и впитал в себя народные элементы и «грубую откровенность на-

¹ См. Ю. Борщевский. Персидская народная литература (Предисловие к кн.: «Плутовка из Багдада»). М., ИВЛ, 1965.

родных страстей», не знал в Иране такого, как это наблюдалось на Западе, обмирщения религиозного содержания и не пополнял свой репертуар светскими сюжетами. Необычайная же популярность таъзйе в XVIII в. среди народа объясняется, по-видимому, не только религиозным фанатизмом, но и тем, что перипетии политической борьбы проявлялись и в религиозных брожениях того времени. В результате «суннитской» религиозной реформы Надир-шаха, в частности, верность «шиитской ереси» снова становится формой выражения протеста против политики правящих кругов.

К середине XVIII столетия в результате жестокого режима Надир-шаха, хищнической политики военно-племенной аристократии, придерживавшейся порядков кочевой державы, положение Ирана, осложненное народными восстаниями и феодальными усобицами, стало еще более тяжелым. Такие факторы, как застой во всех областях жизни общества и соприкосновение с Западом на военной и торговой почве («события экономической жизни Европы не смогли остаться без влияния на мусульманский мир»²), постепенно подводили передовых людей Ирана к мысли о неблагополучии в стране, о необходимости вывести ее из тупика. Не случайно в некоторых, даже придворных исторических трудах этого времени при всей лояльности их авторов по отношению к Надир-шаху, появились критические оценки отдельных его мероприятий, объективные суждения о причинах народных движений (например, в сочинении Мухаммеда Казима).

Особенно мрачную картину запустения и произвола в Иране рисует в своих мемуарах (1742) известный ученый того времени и литератор Шейх Али Хазин. Произведение было закончено им в Индии, куда он эмигрировал после почти десятилетнего скитания по Ирану, и поэтому в нем более свободно выражено недовольство автора порядками в его родной стране, разочарование в политике Надира, усугубившего бедственное положение народа новыми поборами и репрессиями. Описывая свои впечатления от разоренных и опустошенных городов и целых областей Ирана, Али Хазин проявляет явно сефевидскую ориентацию. В идеализации им времени правления Сефевидов находит выражение идея создания сильного централизованного национального государства, уже витавшая в умах мыслящих людей Ирана, но более отчетливо определившаяся лишь к концу XVIII — началу XIX в. Вместе с тем автор мемуаров, основанных уже целиком на реальных событиях³, высказывает свое восхищение техническими достижениями Запада. Таково описание им парохода. В этом он выступил как предтеча просветителей XIX в.

² В. В. Бартольд. Соч., т. 11. М., ИВЛ, 1963, стр. 275.

³ Мемуары Васифи (1485 — ум. после 1551 г.) содержали еще много «литературного» или фольклорного материала.

Своеобразным отражением критических умонастроений можно считать также наиболее значительную из литературоведческих работ того времени — поэтическую антологию «Храм огня», составленную Азером Бигдели в 1760 г. В самой композиции антологии (она основана на географическом принципе — по городам, в которых протекала деятельность представленных в ней поэтов) нельзя не видеть осознания роли города в культурном развитии страны. В то же время «Храм огня» объективно дает представление и об упадке городской жизни и литературы в первой половине столетия.

Появление оппозиционного по отношению к правительству течения в общественной мысли Ирана находит отражение и в других фактах литературной жизни страны. Именно к концу первой половины XVIII в. относится первая в истории иранской литературы сознательная организация литературного общества «Возвращение» («Базгашт»), имевшего, хотя и не зафиксированную письменно, но определенную эстетическую программу. Его создатели и вдохновители — поэты Шуле (ум. 1747) и Муштак (ум. 1757) вместе вначале с небольшой группой их учеников и единомышленников задумали произвести своего рода литературную реформу. Она сводилась к замене господствовавшего в поэзии «темного» стиля ясностью языка литературы так называемого «домонгольского периода». Общество было создано в Исфагане, куда вскоре стали стекаться и сторонники движения за реформу и его противники. В произведениях ряда поэтов того времени находят отражение бурные дискуссии и споры, в которых деятелям «Возвращения» приходилось отстаивать свои позиции против тех, кто, как образно охарактеризовал их поэт Сабахи,

Упрекают Хызра, а сами блуждают в пустыне,
Смеются над Ноем, а сами барахтаются в море...
И порицают великих (поэтов прошлого) за то,
Что их стихи якобы плохи, а мастерство
на низком уровне ⁴.

Несомненно, что сторонниками реформы руководило стремление приблизить литературу к жизни, ориентировать ее на более широкие круги читателей. Не случайно, защищая перед своими противниками стихи «великих поэтов прошлого», они видели достоинство их творчества в близости «и простым людям, и благородным, и молодым, и старым». В практическом осуществлении этого стремления лозунг возвращения к стилю литературы поры ее рождения как искусства принимал более широкое значение. Творчество поэтов «Возвращения», в частности стихи Муштака, свидетельствуют о том, что эти авторы восставали против бессодержательности

⁴ Аббас Икбал. Предисловие к дивану Хатефа Исфагани. Тегеран, 1933, стр. 5 (на перс. яз.).

поэзии, ее замкнутости в кругу далеких от жизни мотивов и образов. Но еще бессильные заменить новыми ценностями отринутое, они обращаются к прошлому, ко времени освобождения иранцев от арабского ига и пробуждения преднационального сознания. Вероятно, именно это обстоятельство, хотя и не ясно осознаваемое ими, побуждает деятелей «Возвращения» рассматривать литературу периода IX — начала XIII в. как образец истинно иранского творчества. Она привлекает их не только тем, что сохранила простоту и ясность народной поэзии, но и богатством содержания, его созвучием передовым тенденциям развития общества, своей яркой вольнодумной струей. Это понимание прогрессивности в литературе заставило вскоре включить Саади и Хафиза в число тех великих мастеров, которым могли следовать поэты второй половины XVIII в. Однако при всем тяготении их к литературному наследию первого этапа иранского Возрождения творчество «возвращенцев», развивавшееся в иных социально-экономических и политических условиях, воспринимало в некоторых случаях скорее его внешнюю сторону, чем бунтарский дух. Но были и исключения. Так, некоторые произведения свидетельствовали о том, что само время вносило коррективы во внешне безобидный лозунг возвращения к прошлому. Наиболее концентрированно это выражено в творчестве Хатефа Исфагани (ум. 1783) — одного из самых известных поэтов своего времени.

Хатеф родился в Исфагане, где получил традиционное образование. После этого он приступил к изучению медицины, ставшей его второй профессией. Первой остается поэзия, увлечение которой еще в ранней молодости привело Хатефа к знакомству с Муштаком. Вскоре он оказывается в числе самых преданных его сторонников. Под руководством Муштাকা продолжается совершенствование его знаний в области истории, теории литературы и стихосложения, происходят первые самостоятельные поэтические выступления.

Основным жанром творчества поэтов второй половины XVIII в. была лирика, представленная в традиционных формах касыды, газели, отрывка (кыт'а) и четверостишия. Эпическая поэзия и жанры повествовательной прозы почти совсем не получают развития. Литературное наследие Хатефа Исфагани также составляет лирический диван, почти целиком состоящий из газелей.

Мастерство Хатефа-лирика способствовало возвращению газели того изящества и простоты формы, которыми она отличалась в творчестве мастеров поэзии иранского Возрождения. Поэт, намеренно следуя Саади и Хафизу, стремится не к формальному перенесению их образности и приемов в свои стихи, а к искренности звучания поэтических строк, к естественности выражения чувств и настроений. Условность тради-

ционных мотивов разрушается внесением в них живого переживания. Такое впечатление, например, производит его газель:

Прекрасно мгновение, когда мы вдвоем среди роз и тюльпанов, —
Я и ты, а рядом вино и кубки в руках.

На тополя и кусты жасмина дождь разбросал влажные жемчужины,
Жемчугами рассыпаны градинки на тюльпанах и розах...

В страсти к тебе перед розами и кипарисами

Соловей рассыпает трели, и на лугу воркуют голуби.

Выйди на лужайку! Ведь это в твою честь

Роза поднимает чашу, нарцисс — кубок, тюльпан — пиалу.

Праздник! И что случится, если в праздник

Твои живительные уста подарят мне один поцелуй?!⁵

По силе выражения приятия жизни и по своей эмоциональности эти строки сродни хафизовскому прославлению радости бытия. Однако таких звонких, ликующих стихов в лирике Хатефа не так много. В ней звучат чаще скорбные ноты, проглядывают настроения душевной подавленности и смятения. Любовь в его газелях выступает в основном как страдание, приносящее, однако, чаще всего не радость жертвенного служения любимой, как нередко трактовалась тема любви поэтами прошлого, а чувство безысходности. Настроение лирического героя подчеркивается самым образным рисунком стихов: «Увы! Еще не расцвели розы в цветнике, как подул ветер и разрушил мое гнездо», или: «Если горячий самум, пронесшийся над цветником, опалил мои листья и плоды, к чему мне желать весенней тучи и что мне до осеннего ветра?»

Горьким чувством безнадежности проникнуты философские размышления поэта. Контрастом вере в лучшее, светлое будущее поэтов Возрождения звучат его стихи: «Если вслед за осенью приходит весна, то за осенью жизни весна не следует», и поэтому «не обижайся на меня, садовник, если я в дни весны напомню тебе об увядании листьев осенней порой».

Многие газели Хатефа внешне имеют как будто суфийскую окраску. Но и «суфизм» его — перерастание стремления к божеству, изнурительных поисков Возлюбленной-Истины в «бескрайней пустыне», «скитаний по дорогам, которым нет конца», в сознание недоступности цели:

Как душе найти Возлюбленную? Где она, а где душа!

Я — пылинка, а она — солнце. Где она и где я?

Разве я обрету желаемое на пути любви к тебе?

Ведь что — я? И как бесконечен тот путь!⁶

Такая тональность проглядывает и в лирическом творчестве многих других поэтов «Возвращения», начиная с самых первых. Муштаку, например, принадлежат строки — «Если

⁵ Хатеф И с ф а г а н и. Диван. Тегеран, 1933, стр. 78.

⁶ Там же, стр. 44.

дни и ночи мира, о Муштак, подошли к концу, к чему печалиться: ведь и ночи те мрачны и дни черны». Несомненно, что в подобного рода признаниях, как и в мироощущении лирического героя Хатефа, преломляется философская концепция самого поэта. Образы ветра, несущего разрушения, «уснувшего счастья», ночи, не сменяющейся утром, и особенно часто варьирующийся у целого ряда поэтов этого времени новый образ плененной птицы, которая, как у Хатефа,

Бьется в тоске в углу клетки, теряя перья:

О как прекрасны дни свободы и порхания в цветнике!⁷ —

во всем этом находят отражение смутное ощущение поэтом неблагоприятия в его стране, тревога за ее судьбу.

Наблюдая элементы такой направленности лирики Хатефа, можно увидеть, что в некоторых его «суфийских стихах» образ возлюбленной как бы смыкается с образом Родины, а мотив недостижимости желаемого связан, очевидно, с поисками лучшего исхода для нее. Поэт, хотя и тщетно, стремится понять корни зла, найти выход из создавшегося положения. «С сотней разных вопросов в сердце я отправился к ней, но умолк в страхе, и осталось в душе невысказанное», — к такому пока итогу ведут лирического героя Хатефа «беспокойство сердца» и «смятение души». Этот мотив в процессе дальнейшего развития литературы выльется в тему «смятения всех дел в стране» (Шейбани, XIX в.), наполнится гражданским пафосом первых иранских поэтов-просветителей. Лирику же Хатефа можно рассматривать как раннее предвестие гражданственности.

На эту мысль наводят особенно те его газели, в которых образ лирического героя начинает сливаться с образом самого поэта, что более заметно, когда в стихотворении есть указание на внутренний подтекст, намек на какое-либо событие личной жизни. Таково, например, стихотворение, навеянное переживанием поэта в связи с его вынужденным, по-видимому, отъездом из Исфагана и расставанием с друзьями⁸. В этой газели наряду с обычным условным развитием лирической темы появляются элементы историзма, конкретизации. Вместе с тем здесь видно частичное смещение символического значения образов. Вся газель построена на развернутой метафоре — аллегории. Однако привычные символы мистической любви здесь обретают иной смысл. Соловей, в стенаниях покинувший здесь цветник, — это сам поэт, покинувший свой приют. Автор выступает и в образе «стонущего голубя», улетевшего из сада, так как там «со всех сторон в него бросали камни несправедливости». Сад, цветник, лужайка — не образы райских кущ и аксессуаров суфийского пути, а родные края, где

⁷ Хатеф Исфгани. Диван, стр. 45.

⁸ См. там же, стр. 73.

поэт «в надеждах провел свою юность, и теперь, старый и отчаявшийся, оставил места, где вытерпел столько обид». Роза и стройный кипарис — друзья поэта, которых он уверяет что «не отдаст своего сердца любви к другим». В конце стихотворения Хатеф отходит и от традиционного образа «жесткой розы», лишая ее колючек: «от той розы без шипов я не видел ничего, кроме любви и верности». Все горести соловья, голубя и, наконец, самого цветника — из-за «притеснений садовника (правителя. — *Р. Л.*) и жестокости собирающих цветы (вельмож, чиновников. — *Р. Л.*). Эти образы — символы враждебных поэту и, может быть, его Родине сил.

В таком же плане переосмысливается традиционная символика в других газелях Хатефа. В них снова встречаются образы цветника, «подобного райскому саду, но в котором, увы, из-за налетов воронов нет ни одного соловья»; снова поэт предстает в образе птицы, вопрошающей охотника:

Не суждено нам летать и порхать по саду,
Поникнут наши крылья в сетях или клетке.
Разве допустимо, чтобы вороны были в саду
Коршуны в цветнике, а мы в неволе?⁹

Пройдут десятки лет, но именно в этих же самых образах-символах, доводимых порой до аллегии, будут развиваться в гражданской лирике иранских поэтов мотивы верности Родине и служения ей. Ранние, пока очень слабые ростки на пути к этому — газели Хатефа. В них уже намечается наполнение традиционных образов новым содержанием и интимно-лирическая тема начинает расширяться в своем значении, приобретая современный поэту исторический смысл.

Из других произведений, входящих в диван Хатефа, интересны его стихотворные послания друзьям — поэтам Сабахи и Азери, автору уже упоминавшейся антологии «Храм огня». Лирико-эпистолярный жанр — явление само по себе новое в поэзии Ирана — получил в то время распространение в творчестве многих поэтов «Возвращения». Это обстоятельство, может быть, отчасти способствовало быстрому и легкому усвоению его творчеством писателей-просветителей XIX в.

Письма Хатефа, как и письма его друзей, выполнены в форме касыды и по содержанию представляют собой произведения философского характера, но камерного, интимного звучания. Это своего рода исповедь близкому человеку о своих сомнениях, горестях. Такое стихотворение включает иногда детали взаимоотношений автора и адресата. Однако здесь, как и в газелях, в индивидуальном, частном преломляется отчасти типическое, общее. Самые, казалось бы, интимные внутренние переживания поэта оказываются ассоциативно

⁹ Хатеф Исфгани. Диван, стр. 66—67.

связанными с более широкими, внеличными проблемами. Так, в письме Азеру, которому Хатеф рассказывает о своем одиночестве и надеждах на скорую встречу, проскальзывает намек на недоброжелательство к нему людей, «у которых в избытке богатство». Они чужды ему еще и потому, что не могут понять и оценить истинной поэзии. Поэтому Хатеф часто пишет не так, как ему хотелось бы. Его ненаписанные стихи — «невесты под покрывалом», для которых «нет достойных женихов»¹⁰. К этому признанию он возвращается и в одном из писем Сабахи, когда передает ему воображаемый разговор со своими мыслями в бессонную, тоскливую ночь. Мысли одиночки, как и сам поэт. Это красавицы, запертые в разрушенном жилище, «рядом с ним обитает лишь печаль, а радость будто и не знает туда дороги». Поэт не может раскрыть их красоту в стихах. «Ведь нет сейчас ни одного талантливового человека, кто был бы достоин вас», — отвечает он на их просьбы сбросить с их лиц покрывала. В этом же послании, в жалобе на обиды и огорчения, которые приносит ему профессия врача, на своих учеников и окружающих, не понимающих его («Небо вынудило меня смешаться с ничтожными людьми базара»), в воображении которых «искусство Иисуса приравнивается к ремеслу коновала»¹¹ чувствуется осуждение поэтом невежества и отсталости населения.

Немногочисленные касыды-панегирики, а также некоторые хвалебные отрывки Хатефа, посвященные в основном влиятельным лицам, с которыми приходилось встречаться поэту, показывают прекрасное знание им истории и литературы прошлого. Вместе с тем он и в этом жанре иногда отходит от традиций. Так, содержанием вступительной части одной из касыд является описание Хатефом своей поездки в Кашан, где он был очевидцем сильного землетрясения. Зрелище последствий стихийного бедствия — разрушений, гибели множества людей, «заснувших вечером на груди радости», а утром «исчезнувших бесследно под землей», пробуждает в поэте своего рода протест против земного устройства, судьбы, посылающих людям и ему, в частности, все новые тяжкие испытания¹².

В панегирической части такого рода произведений Хатеф, как и многие поэты его времени, ставит акценты на строительной деятельности восхваляемых лиц, восстановлении ими разрушенных городов, стремлении покончить со смутами и внутренними неурядицами. При этом он иногда подчеркивает роль в этом Керим-хана Зенда (1758—1779), который «своей справедливостью преобразил время и украсил мир»¹³. Во всем

¹⁰ Хатеф Исфгани. Диван, стр. 19—20.

¹¹ Там же, стр. 35.

¹² Там же, стр. 20—27.

¹³ Там же, стр. 88.

этом нельзя не видеть отражения чаяний передовых людей Ирана. Они надеялись, что правление Керим-хана — первого после долгих лет представителя иранской династии, добившегося временной передышки от войн и мятежей и нормализовавшего городскую жизнь, торговлю и строительство, остановит катастрофический хозяйственный и политический упадок в стране и заложит основы сильного Иранского государства.

Как бы ни был краток период относительного спокойствия в Иране, в эти годы наблюдается и некоторый подъем в литературной жизни страны. Все шире распространяется движение против бессодержательности и прециозности художественного творчества, и в этом большая заслуга таких ветеранов движения, каким был Хатеф Исфагани. Главное же значение творчества поэтов «Возвращения» в том, что они сказали новое слово в литературе своего времени и выступили предтечей поэтов иранского Просвещения XIX в.

В. Н. Дворянкова

ДВЕ ГРАНИ ПОЭЗИИ ПАРВИН Э'ТЕСАМИ

Творчество иранской поэтессы Парвин Э'тесами (1907— (1941) не изучено, и библиография по этому вопросу насчитывает всего лишь несколько названий на персидском и русском языках¹. Ее поэзии в нашем литературоведении специально посвящена лишь одна статья. Стихи Парвин на русский язык не переводились, а между тем ее творчество заслуживает более пристального внимания. Свидетельство тому — пятикратное издание стихов поэтессы в Иране за время 1936—1962 гг.

Парвин Э'тесами была дочерью Юсуфа Э'тесами — известного иранского литератора, активного общественного и научного деятеля своего времени. Родилась Парвин в г. Табризе. Еще девочкой она вместе с семьей переехала в Тегеран, где и провела свою недолгую жизнь. Отец Парвин снискал себе в те годы известность литературным творчеством, переводческой и издательской деятельностью. Это был широко образованный человек, владевший несколькими языками. Он являлся членом первого в Иране литературного общества. В 1920 г. Юсуф Э'тесами начал издавать литературно-общественный журнал «Бахар». В последние годы своей жизни он заведовал библиотекой маджлиса. Отец сумел привить Парвин любовь к поэзии.

Она росла спокойным, уравновешенным, скромным ребенком. С этими чертами характера связывают обычно и склонность поэтессы к морально-философским проблемам в ее стихах.

Со времени обучения в колледже Парвин пытается найти свой собственный путь в поэзии, все больше удаляясь от ран-

¹ См. Г. П. Михалевич. Парвин Э'тесами и ее творчество. Сб.: «Иран», 1963. В Иране занимались поэзией Парвин Саид Нафиси и Дастгейб. Как будто бы написана докторская диссертация о творчестве поэтессы Шахназ Олами на немецком языке.

них подражательных стихов. Путь в большую литературу для женщины стран Востока был нелегким. Она не имела равных с мужчинами прав в творчестве, в общественной и семейной жизни. В отдельных стихах Парвин встречаются мотивы обреченности, бессмысленности и тщеты человеческого существования. Очевидно, что это могло быть своеобразным «ответом» на господство реакции 30-х годов в стране.

Многие молодые и талантливые писатели этого времени были сосланы или заключены в тюрьмы. Во второй половине 30-х годов в Иране запрещается издание и распространение произведений прогрессивных иранских поэтов и писателей. Вот почему значительно ослабевают гражданская и революционная темы в литературе. Одни писатели уходят от вопросов современности, обращаясь к исторической тематике, проблемам литературоведения, народному творчеству и т. д. Другие поэты даже пытаются отвлечь трудовую люд от классово-вой борьбы. Третьи, оставшиеся верными прогрессу и демократии, ищут и находят новые формы для выражения своих идей.

В мае 1924 г. Парвин блестяще окончила колледж и на выпускном вечере прочитала доклад «Женщина и история». После этого Парвин некоторое время преподавала в своем колледже. Вскоре ее пригласили ко двору шаха в качестве преподавателя, но она отказалась, решив посвятить свою жизнь поэзии, и возвратилась в дом отца.

В раннем творчестве Парвин ясно прослеживаются настроения, характерные для иранской интеллигенции второй половины 20-х годов. В ее стихах этих лет иногда звучат мотивы отчаяния, веры в судьбу, как, например, в стихотворении «Грабег судьбы», полном намеков и иносказаний:

Молодой саженец сказал засохшему дереву:

«Почему нет у тебя ни листьев, ни плодов?»

Почему же ты засохло от солнца?

Разве нет воды и садовника в саду?..

Ты согнулось, стоишь без листьев и плодов, и ничего

не говоришь,

Под грузом гнета нет такого послушного, как ты...»

Ответило дерево: «Друзья являются попутчиками до
половины пути.

В трудный день нет друга, кроме терпения!

Годами в саду цвели мои цветы,

Теперь же я ничего не жду уже от судьбы.

В прошлом я видело много обид в этом мире,

В пору увядания я узнало, что и дела до меня нет.

Ты сломаешься тоже, как и я,

Нет выхода у тех, кто обречен судьбой...»²

Подобные мотивы звучат почти во всех из 42 касыд поэтессы. Но ее рассуждения едва ли можно назвать отвлеченными от окружающей жизни. Идущие из эпох иранского Воз-

² Парвин Э' т е с а м и. Диван. Тегеран, 1941, стр. 106.

рождения и Просвещения гуманистические протесты против насилия, призывы к свободе, порицание зла и прославление добра, удивительно соотносились с тем временем. К нему могли возвращать читателя образы «высохшего дерева, послушно согнувшегося под гнетом», «разрисованной обманом материи, выходящей из мастерской», надежды на молодежь, грядущую свободу и сознание обреченности «дворцов». В одной касыде, наполненной, казалось бы, отвлеченными рассуждениями о горечи бытия, проглядывает заинтересованность в судьбе «бедных людей», жажда удовлетворения их нужд и воплощения надежд.

...Невозможно преднамеренно скрыть
От глаз разума то, что произошло.
Одна лишь встреча с несчастным слепым —
Уже достойный пример для всех зрячих.
О друг, пока ты имеешь возможность,
Устрани нужды всех обездоленных...
Скажи охотнику: не ломай крылья
Этой несчастной и немощной птице,
О ты, который учишь меня правдивости,
Почему ты сам идешь по кривой дороге?!
Пьешь кровь сироты и желаешь
Сада в раю и тени от райского древа?!..
...Кровь головы и искры сердца Фархада
До сих пор зажигают красные тюльпаны!..³

Образы злодеев, пьющих кровь сироты, обращение к классике и народному творчеству, создавшему образ Фархада, характеризуют социальные симпатии поэтессы. Здесь наиболее наглядно прослеживаются традиции философских касыд Насир-и Хосрова. Это и не удивительно: в середине 20-х годов Парвин находилась под влиянием либеральных иллюзий и искренне верила в силу призывов к добру и справедливости.

Парвин постоянно сопровождала своего отца во всех его поездках по стране, она много видела и подмечала, а позднее все увиденное выливалось в стихах. К началу 30-х годов поэтессой было написано уже много стихотворений, однако ее отец не соглашался опубликовать их до замужества дочери, чтобы никто не считал это средством «избавиться» от нее.

В июле 1934 г. Парвин выходит замуж за своего двоюродного брата. Однако брак оказался неудачным. Уже в августе 1935 г. мы видим ее — «разведенную» — в доме отца. Эту личную трагедию она перенесла с достоинством, хотя была глубоко оскорблена в своих чувствах. В ее поэзии личная трагедия как бы растворилась в море печали и страдания всего народа.

Диван Парвин вышел в свет в 1936 г. с восторженным предисловием Малек-ош-Шоара Бахара, который первым приветствовал появление молодой поэтессы на литературной арене страны. Он назвал ее диван «Букетом цветов».

³ Парвин Э'тесами. Диван, стр. 183—184.

В сборник первоначально вошло 6500 двустиший (бейтов). Касыды дивана дают возможность составить представление главным образом о раннем этапе творчества поэтессы. Они были для Парвин важной ступенью к мастерству, без чего невозможен был дальнейший поэтический взлет.

Тем не менее значение касыд в поэтическом наследии Парвин недооценивается. Чаще всего излишне подчеркивается подражательный, «ученический» характер этих стихов и его пытаются объяснить на основании критериев других литератур и других эпох⁴. Однако следует отметить, что касыды Парвин Э'тесами по содержанию полностью, а по форме в значительной степени отчаются от традиционной касыды; лишь по некоторым внешним признакам (рифма, размер и т. д.) напоминают традиционную касыду. Все касыды носят философско-дидактический характер, в них — и советы, и наставления, восхваление моральных достоинств и утверждение мировых истин.

Сама Парвин говорит о своих произведениях:

Я скрываюсь в словах, как цвет и запах в листке цветка,
Тот, кто захочет увидеть меня, пусть поймет намерение моих слов⁵.

В этих стихах мы найдем и любовь матери, и страдания сироты, и жалобы старухи, и тяжелые думы крестьянина, размышления дервиша и разумные слова «безумца». В ее поэтических строках содержится пища для размышления о жизни. Наиболее обширным является именно тот раздел, куда входят короткие маснави, изящные кыт'а, написанные в новом и старом стиле. В них заключены и притчи. Парвин возрождает некогда распространенный жанр поэтического состязания «муназире».

Одним из них был смело прозвучавший в 30-е годы «Спор», который часто называют басней. В нем Парвин резко разоблачает теорию «классового мира», усиленно пропагандировавшуюся официальными кругами страны. Речь идет о споре двух капель крови — труженика и царя:

Слышали ли вы, что произошло между двумя каплями крови,
Когда однажды они поспорили у дороги?
Одна спросила у другой: «Чья ты кровь?
Я упала сюда из руки венценосца».
Ответила другая: «Я упала из ноги сборщика топлива...
...Между нами та большая разница,
Что ты — из руки шаха, а я — из ноги труженика...
Мне в попутчики и союзники подходят
Больше слеза сироты и кровь труженика!..
Ты стала красная от вина,
А я от боли, [причиненной] колючкой, и печали сердца...»⁶.

⁴ Сб. «Иран», стр. 227—228.

⁵ Парвин Э'тесами. Диван, стр. 62.

⁶ Там же, стр. 244.

В баснях Парвин Э'тесами, даже при их обобщенно сформулированной морали, содержатся легкоузнаваемые признаки времени и общества. Читатель не мог ошибиться, относя все сказанное поэтессой к своему конкретному окружению.

В 1936 г. министерство просвещения Ирана присвоило Парвин Э'тесами ученое звание 3-й степени. Вероятно, это событие было связано с выходом в свет ее дивана. Несмотря на то, что второе издание Парвин так и не увидела, ее голос дошел до лучшей части народа. В 1939—1940 гг., она работала в библиотеке педагогического института, где встречалась со многими известными литераторами, поэтами и писателями. С ее стихами многие знакомились по автографам и спискам, ходившим по рукам.

Поэтесса умерла в расцвете творческих сил, когда многие лекари не пожелали помочь больной. Сам факт во многом значительный. Недаром Саид Нафиси сравнивал ее с Байроном по «мятежности духа».

Парвин хорошо понимала, что прежде чем создать что-то новое, необходимо разрушить старое. Поэтому она с гневом обрушилась на старые порядки, несправедливости и прежде всего на главных виновников всех несчастий — существующий режим и правителей. Свое обвинение она вкладывает в уста старухи из стихотворения «Жалоба старухи»:

Во время охоты одна старуха сказала Кубаду:
«От огня твоих плохих поступков нет ничего, кроме дыма

вздохов!

Приходи как-нибудь в нашу хижину во время охоты,
Не грех узнать тебе о жизни отшельников!...
Нет больше покоя и покровительства в твоём царстве!...
От засухи в этом году погибли корни моей тыквы,
Ты перекрыл воду в канале и в колодце у нас нет воды!
Тяжесть налогов уменьшила наши поля!
Коль налагаешь ты тяготы на людей, испытаешь сам тяготы

рока,

В возмездии судьбы нет ошибки и заблуждения!»⁷.

Известный по произведениям Низами (XII — нач. XIII в.), Санаи (XII в.), Аттара (XII — нач. XIII в.) сюжет связан здесь, по существу, с современностью. Обращение старухи к Кубаду — (сасанидскому правителю V в.) — было только поводом и завязкой для обличения существующего зла.

В цикле резких сатирических стихотворений, направленных против существующего строя, поэтесса критиковала государственные учреждения, суд, полицию и т. д., обличая беспринципность и продажность судов, халатность и взяточничество полицейских, пьянство и злоупотребления государственных чиновников. Это было возможно, только используя иносказание. Так появился «герой» — «злоумышленник». Его

⁷ Парвин Э'тесами. Диван, стр. 167.

устами и осуждался гнет и гнилость строя. Этот прием использован в стихотворении «Вор и судья», где вор утверждает, что «злодей лучше, чем лицемер», и что он — «разбойник вроде судьи», а золото, что он унес, находится в кошельке, в халате стражника. Далее вор говорит:

Вора, укравшего золото, связали, а вора, обокравшего религию,
освободили.

Полицейский увидел меня, а судью не заметил!...
За высокомерием не скрывай порок!
Ловкачам дают возможность грабить все, что пожелают!
А тому, кто ворует солому, рубят руку.
Жадность загрязняет наши сердца,
А почему же у «чистых» грязные намерения?!

Перефразируя Саади, вор добавляет:

Если вор ворует ночью,
То правители грабят днем!..⁸

Естественно, что аморальные поступки судьи Парвин осуждает устами «вора-обличителя» с позиции шариата и абстрактного гуманизма, господствующего в либеральных кругах иранского общества. Но вместе с тем поэтесса высказывает заинтересованность в судьбах угнетенной части народа, когда в заключение утверждает, что «воровство — есть следствие нищеты», т. е. самого социального порядка.

Самым ярким и выразительным образцом гражданственности и гуманизма в творчестве Парвин Э'тесами может служить ее стихотворение «О, труженик» — поэтический призыв поэтессы защищать погранные права большинства, создающего все блага жизни. Вместе с тем в нем выражена и нескрываемая ненависть к угнетателям, держащим народ в темноте. В этом стихотворении автор доходит до прямого призыва к расправе над теми, «кто пьет кровь» труженика. Так доводится до логического конца тема классической литературы «одни и другие»:

Защищай свои погранные права,
До каких пор ты будешь страшиться каждого хана и господина,
о, труженик?!
Все они как пиявки сосут твою кровь, убей их!
И обagri руки свои их кровью, эй, труженик!..⁹

Большое внимание в своих произведениях Парвин уделяет положению женщин и детей. Эта тема была уже не нова, но в творчестве поэтессы она звучит по-новому. Парвин как бы воплощает мечты всех иранских женщин, стремящихся к достижению равенства и освобождению от духовного порабощения. Она глубоко верит в великое назначение женщины как воспитательницы будущего поколения.

⁸ Парвин Э'тесами. Диван, стр. 130.

⁹ Там же, стр. 82.

В 1935 г. в Иране был принят закон о снятии чадры. Парвин откликнулась на это событие большим стихотворением «Женщина в Иране». Здесь описывается печальная участь восточной женщины-затворницы, которую не должны обойти просветительские веяния времени:

Достоинства и честь должны вытекать из науки,
Надо шагать по правильному пути,
Сделанный же неверный шаг не принесет ничего, кроме
раскаяния...¹⁰

К художественным особенностям этого произведения принадлежит не только использование традиционной образности в новом звучании, но и афористичность многих строк, близких к пословицам и поговоркам: «там, где нет крестьянина, не будет и урожая», «уважают по достоинствам, а не за болтовню», «украшения не скрывают недостатков человека» и т. д.

Целый цикл стихов посвящен положению детей-сирот. Кажется, что всю свою нерастраченную материнскую любовь Парвин обращает к обездоленным детям. В стихотворении «Без отца» девочка скорбит о том, «что вся его жизнь состояла из неудач». В другом стихотворении «Раненое сердце»¹¹ говорится не только о тяжелом детстве в низших слоях населения, но и рассказывается, в какой нищете живет иранский народ, который трудится всю жизнь, не имея «даже целой рубашки», и где отец не может прокормить свою семью.

Постепенно поэтесса приближалась к крушению идеалов абстрактного гуманизма:

Парвин, богатые не думают о бедных!
Бесполезно ты куешь, это железо остается холодным!¹²

Риторические вопросы в конце стиха заставляли задумываться о причинах существующих порядков. Начиная понимать силы, способные уничтожить вековую несправедливость и обеспечить истинную свободу («О труженик!»), поэтесса под давлением реакции порой сомневается в тех, кто направляется по пути борьбы.

Но даже в проповеди «покоя» Парвин не оставляет надежды на то, что не все потеряно даже в печальный период «замирения упрямцев».

В становлении новой морали Парвин уверенно поднялась на ее первую ступеньку. Свидетельством этого служат многие ее стихи, в частности об одном «герое», не одержимом стремлением к обогащению («Без желания»).

Скажи: «О друг, богатству нас не захватить,
Раз было много бедствий и страданий!
К чему же нам весь этот груз,

¹⁰ Парвин Э'тесами. Диван, стр. 154.

¹¹ В некоторых сборниках оно называется «Малыш и мать».

¹² Парвин Э'тесами. Диван, стр. 81.

И золото, и жемчуга, что много и что мало?!...
А бедность мне свободу принесла,
Мне падать некуда, раз я уже упал...
...Пусть Дива колдовства меня совсем минует,
Пусть в цепи эти попадет душа врага!
Грабителей мне не к чему бояться,
Раз нету много денег у меня...¹³.

Многие стихотворения поэтессы звучат как прорицания и предсказания перемен, хотя и в них идея упрятана в цветистый ковер поэтических образов, намеков и иносказаний. Такие идеи нелегко вычленишь из плотно сотканного узора ее стихотворных строк. Они как бы неожиданно мелькают в повествовании, построенном на философских образах, интимных переживаниях или пейзажной лирике. Но и в этой затейливой орнаментации внимание читателя не могут не привлечь к себе такие, например, сентенции, как «Налет коварного ветра сносит не только голову, но и корону», «во имя тягостного дня нужна забота о подчиненных», «я был ведь первым вестником весны», «деревья многие повырывало с корнем», «судьба не хочет, чтобы все осталось прежним, а чтобы будущего цвет расцвел сейчас» и им подобные. Наконец, мораль, заключенная в последнем бейте ее большого стихотворения «Опавший листок», звучит как предсказание социальных перемен:

...И не считай же, что меня ты много выше,
Ты сломлен, ну а мне сломали жизнь!
Когда же жизнь сожгла такую ветку,
Чтоб не было на ней даже листка?
Всегда не быть высоко самолюбцу,
Он, как и ты, падет вниз на пути...!¹⁴.

Известно, что лирические поэты то прямо обращались «к вековой поэтической традиции (иногда сложнейшим образом ее перестраивая), то пронизывая обыденное слово новыми значениями, обусловленными новой концепцией человека»¹⁵.

Подобно многим своим предшественникам Парвин разоблачает веру как средство угнетения народа и тех «святых», которые превратили религию в «доходный дом», спекулируя на болезнях и недугах простого народа.

В своей моральной критике «надменного отшельника» Парвин стоит на стороне темного, обиженного люда, готового в своих несчастьях отправляться за исцелением болезней на край света.

Разоблачительная сила ее стихов, направленная против отшельничества как обмана, приобретала в стране тысячи зиаратов особое социальное звучание. Лицемерие стало уде-

¹³ Парвин Э'тесами. Диван, стр. 98.

¹⁴ Там же, стр. 95.

¹⁵ Л. Гинзбург. О лирике. М.—Л., 1964, стр. 254.

лом даже «святая святых» — такова заключительная мораль этого стихотворения.

Как отмечают почти все исследователи поэзии Парвин, в своем басенном творчестве, особенно на раннем этапе, она не избежала влияния Лафонтена.

В басенных переложениях Парвин сохранилась лишь идея и тема, а не фабула. Гораздо важнее необычайная актуальность многих басен Парвин. Даже спустя почти полвека ощущается их неразрывная связь с жизнью и сила обличения в них неприглядных сторон иранской действительности. Симпатии же Парвин на стороне добра, таланта, трудолюбия, незаметного повседневного подвига.

Как известно, многие авторы чаще всего заканчивают свои басни определенным выводом, резюме, «моралью», которая обычно помещается в конце, реже — в начале басни. В отличие же от европейских и русских баснописцев Парвин вкладывает мораль уже в название басни («Неуместность упреков», «Попранная жадность», «Лавка лицемерия» и др.), или же дает читателю возможность самому сделать соответствующие выводы. Персонажи басен Парвин — это звери, птицы, неодушевленные предметы (зеркало и гребень, лук и чеснок, глаза и сердце, силок и приманка, иголка и нитка, котел и сковорода, земля и ветер, облако и дождь, холст и алмаз, камень и трава и т. п.). Все они наделены человеческими качествами, иногда не совсем привычными. Так, если курица является обычно воплощением глупости, то у Парвин она очень умна и осторожна («Кровавый договор»), если в одной басне муравей дальновиден и трудолюбив («Соловей и муравей»), то в другой — недалек и тщеславен («Муравей и змея»). Таким образом, не происходит закрепления какого-то одного качества за персонажем, как мы привыкли это видеть в фольклоре и авторских баснях.

Язык здесь близок к разговорной речи по интонационно-му и синтаксическому оформлению стихов, особенно по диалогическому построению бейтов.

Так, например, оформлен диалог в басне «Глаза и сердце». Почти все бейты этой басни построены по принципу противопоставления «Тебе гореть в огне, а нам тонуть в воде», «Ты (сердце. — В. Д.) потеряло покой, а мы лишились сна», «вас превратили в пепел, а меня развеяли в прах», «вашей пищей стали — слезы, моей — кровь» и т. д. Прием противопоставления с использованием синонимов и антонимов служит общей выразительности мысли.

Вместе с тем поэтесса не боится сложных синтаксических построений, больших периодов прямой и косвенной речи, монолога, диалога. Но Парвин действительно часто избегает сложных инверсий, запутанных построений, говоря современным ей литературным языком.

Притча Парвин отличается от басни лишь большей лапидарностью и меньшим развитием повествовательного элемента. Путь к морали в ней гораздо короче.

Ян Рыпка был прав, называя Парвин «персидским народным баснописцем», подчеркивая тем самым народность ее произведений, их языка и стиля¹⁶. Если бы Парвин оставила одно стихотворение..., то она, по выражению М. Ш. Бахара, «заслужила бы почетное место во дворце истинной поэзии»¹⁷. Прибегая к фантазии и гиперболе, Парвин рассказывает о путешествии слезы из глубин человеческого сердца в мир тягостей и горестей. Слеза является мудрецом, познающим все человеческие невзгоды; она как бы впитывает их в себя на долгом пути во внешний мир:

Слеза, прокатившись по глазу, упала,
Тихо слетела и покатилась:
Она осветила на миг темное небо бытия,
Словно звезда, и исчезла.
Хоть место ей здесь, в океане бытия,
Она, выпив каплю крови, ушла наконец,
Скрылась она в роднике крови...
Все, что разум предусмотрительный сердцу наказывал,
Услышала, и послушав, ушла,
Вкусила сладости и горечи бытия,
Познала несчастья и ушла¹⁸.

Стихотворение заканчивается олицетворением слезы, которая познала тайны жизни и может их поведать всем, вступающим в нее.

Стихи Парвин оставили заметный след в сознании ее современников, в литературном процессе и истории культуры этого периода.

Гражданский и поэтический подвиг Парвин может быть правильно понят в свете известного суждения М. Горького о писателях и поэтах, способных отвергнуть исторические и моральные «каноны» своего общества. Именно такие «блудные» сыны и дочери своего класса и своей эпохи прокладывают новые пути в поэзии, определяют вехи движения всего литературно-исторического процесса. Критицизм таких представителей литературы, разочарование в окружающем обществе и отрицание его законов и морали основывается на стремлении к прогрессу. За критицизмом стоит романтическая жажда новизны, а не всеокрушающие мотивы «мировой скорби», обреченности и бесперспективности человеческого существования.

Большая творческая заслуга Парвин Э'тесами состоит в том, что она не замкнулась в мире своих личных переживаний,

¹⁶ См. цит. ст. Михалевич.

¹⁷ Диван стихов Парвин Э'тесами. Предисловие.

¹⁸ Там же, стр. 161.

сумела подчинить личное общественному и тем самым завоевать уважение современников и нынешнего поколения.

Другая несомненная заслуга поэтессы заключается в том, что она сумела извлечь из глубины веков старые забытые жанры и поэтические формы и вдохнуть в них вторую жизнь.

Гуль Мухаммад Нурзай

ИСТОЧНИКИ ОСВОБОДИТЕЛЬНЫХ МОТИВОВ В ТВОРЧЕСТВЕ ХУШХАЛЯ ХАТТАКА

Жизнь и творчество Хушхалия Хаттака, одного из выдающихся поэтов паштунов XVII в., изучено до сих пор недостаточно. Цель настоящей статьи — показать без претензий на полноту охвата материала условия, в которых формировались освободительные мотивы в поэзии этого автора.

Основы могольской империи, против власти которой пришлось выступить Хушхалию, были заложены в 1527 г. в Индии Бабуrom. Позднее это государство простиралось уже от Кабула до Бенгалии, от Гималайских гор до г. Годавари. На этих обширных территориях бытовали народы, говорившие на разных языках, исповедовавшие различные религии, имевшие свой духовный склад, культурные традиции. Могольское правительство было вынуждено проводить неодинаковую внутреннюю политику по отношению к каждому из этих народов.

В период правления моголов основной формой феодальной собственности стало джайгирдарство.

Покоренные земли служили источником, из которого военачальникам давались наделы в виде «джайгира». Но все обработанные земли на могольских территориях принадлежали 400—500 владельцам, находившимся с моголами в большой близости. Джайгирдары имели право собирать налоги. Значительная часть добываемых средств оседала в их карманах. Их доход достигал иногда 700 рупий в год¹. За получаемый «джайгир» местные феодалы должны были содержать при себе определенное количество бойцов-конников для императорской армии, которые в случае нужды выступали на стороне могольского правителя. В действительности все мо-

¹ См. К. А. Антонова. Социальные мотивы религиозных реформ Акбара. М., «Наука», 1960, стр. 5.

гольское войско складывалось именно из таких джайгирдарских сил. Они получали жалование и чин. Термин «джайгир» стал титулом.

Джайгирдарство усилилось при Акбаре (ум. в 1605 г.), а затем за весь период моголов и даже в XVIII в. при Ахмад-Шахе Дурани, который уничтожил могольскую династию в Индии, получило распространение и в Афганистане.

Французский историк, проживший двенадцать лет при дворе моголов, Ф. Бернье указывает, что в течение могольского периода джайгирдарство в паштунских районах приобрело наследственный характер. Так, например, начиная с малика Акуры и до Хушхаль-хана, могольский джайгир передавался в их династии от поколения к поколению². Паштуны могли сами назначать вождя своего племени.

Ф. Бернье подчеркивал, что власть моголов распространялась не на все народы, входившие в империю. «Сюда относятся все мелкие государи, — пишет он, — находившиеся на границе с Персией, которые почти никогда ему (т. е. могольскому правителю. — Г. М. Н.) ничего не платят, как не платят и персидскому королю. Таковы еще балуджи (балучи), афганы и другие горные племена; большинство из них тоже платит ему очень мало и почти не считается с ним»³.

Из этих и многих других свидетельств вытекает, что в обширной Империи моголов не существовало общего закона по взиманию налогов, который распространялся бы на все области. Кто жил ближе к столице, платил больше и нес большие тяготы, чем жители окраинных земель. Например, некоторые паштунские племена вовсе не платили налогов, а другие — очень умеренные. Иногда им вменялась в обязанность охрана путей, ведущих в Индию с Севера. Так, торговый караванный путь от Инда до Кабула с 1581 г. должен был охранять малик Акуры.

Среди неплативших налоги племен были, очевидно, сторонники народного движения рошанийцев⁴, боровшихся с моголами и местными правителями, выдвигая «идеи первобытной крестьянской общины»⁵.

Центрами рошанийского движения были малодоступные горные районы Тираха, Хайбара и Нанграхара. Именно по этой причине движение рошанийцев было более продолжительным и широким, чем все остальные; оно длилось почти 70 лет, представляя большую опасность для центральной власти.

² См. Ф. Бернье. История последних политических переворотов в государстве Великого Могола. М., ИВЛ, 1963, стр. 17.

³ Там же, стр. 185.

⁴ Движение названо так по имени его главы — Пира Рошана.

⁵ Абдулхалик и Хабиби. Дъ пахто адабийато тарих, дваъм тук. Кабул, 1963, стр. 270.

Вплоть до XVIII в. вспыхивали и другие народные возмущения, различные по целям, характеру, классовой структуре. Политика же Аурангзеба (1659—1707) прямо способствовала усилению народных антимогольских сил. Его религиозный фанатизм был неприемлем для представителей других религиозных сект, а в самой империи длительные экономические кризисы, внутренние войны, голод среди крестьян и ремесленников еще более усилились. А. Хабиби склонен видеть единственную и главную причину движения в угнетении афганцев моголами⁶. Однако скорее прав М. Г. Асланов, который считает в данном случае феодальный гнет важнее «иноземного». Это подтверждают и строки из «Тарихи Мурасса» Афзальхана, в которых дед автора (Афзальхана) говорит: «Я никому не могу передать своей власти над домом и полем»⁷.

В эпоху Хушхалы Хаттака при дворе моголов существовали четыре группировки: мусульмане-сунниты, шииты индуисты и представители христианства. Каждая из группировок использовалась моголами для различных целей. Так, индийские раджи, которым пожаловали большие джайгиры и высокие титулы, нужны были для подчинения недовольных раджей, не получивших джайгиров и жалования и постоянно выступавших против моголов. Силами придворных раджей подавлялись и народные волнения. Остальные группировки использовались также против народа. Если же одна из этих группировок выходила из подчинения центральному двору, она уничтожалась другой. В последние дни правления Шахджихана (1628—1659) политические разногласия в верхах особенно усиливаются. Религия становится политической ширмой, скрываясь за которой наследники ведут борьбу за престол.

Ф. Бернье писал о Дарашуко (или Дара Шукух, 1615—1658) — сыне Шахджихана, что, по словам очевидцев, у него в сущности «вовсе не было религии и что все его поступки в этом отношении — не более, как любопытство и забава или, как говорили другие, политика, средство привлечь к себе христиан, довольно многочисленных в его артиллерии, и особенно заслужить любовь раджей, т. е. языческих властителей, данников империи, чтобы в случае надобности иметь их на своей стороне»⁸.

В 1657 г., когда разгорелась междоусобная война среди сыновей Шахджихана, победителем в ней вышел Аурангзеб, сумевший использовать в своих целях мусульманских феодалов в Индии.

⁶ См. Н. А. Дворянков. Нангиалай пахтун. Кабул, 1966, стр. 173.

⁷ Раверти. Гульшан-и Рох, 1860, стр. 31.

⁸ Ф. Бернье. История последних политических переворотов в государстве Великого Могола. М., 1936, стр. 58.

Поскольку наследником имущества джайгирдаров считался сам двор, то они, воюя за моголов, при случае стремились поднять восстание против их власти, спасая тем самым своих родных от разорения.

В период правления Ауренгзеба, когда экономические кризисы достигли высшей стадии, правитель прибег к проведению агрессивной военной политики. Однако это не улучшило положения страны и народа. Морские пути в Индию в этот период попадают в руки английских компаний, роль которых все более усиливается с ослаблением власти моголов.

В 1656 г. колониальные английские компании окрепли настолько, что выступили против Ауренгзеба. В результате этого для моголов перестала существовать единственная военная сухопутная дорога, игравшая важную роль в экономике страны (через Кандагар и Кабул в Индию). Это были еще одни «ворота кризиса», которые захлопнулись перед Индией.

С 1525 г. и до конца XVII в. Афганистан был ареной борьбы трех внешних сил. Его восточная часть находилась в руках индийских моголов, западная — у иранских правителей — сефевидов, а северная — в руках бухарских феодалов. Между этими государствами на территории страны шли непрерывающиеся военные действия за владение важной в стратегическом и торговом отношении областью.

В такой обстановке формировалось творчество Хушхаль-хана Хаттака. Он родился в 1613 г. в Сарай Акуре, расположенной в 35 милях к югу от Пешавара. Отец Хушхалья был одним из джайгирдаров, получивших от моголов титул, перешедший по наследству к сыну.

В 20 лет (1632 г.) Хушхаль-хан начал писать стихи.

С 1641 по 1664 г., т. е. в первый период его сардарства, в поэзии и в политической деятельности он выступал против рошанийского движения. И главной причиной этих выступлений было собственное социальное положение поэта. В этот же период он выразил полную поддержку взглядов Ахунда Дарвезы — друга моголов:

Я как и Дарвеза, покажу веру ему.

Он, как Пир Рошан, другим внушает кафирство...

Ахунд Дарвеза и Саид Али Термизи «были среди афганцев близкими по своим отношениям и дружбе с могольскими правителями и поддерживали моголов во всем. Естественно, что подобные люди должны были выступить против Рошана и обвинять рошанийцев в кафирстве»⁹.

Хушхаль выражает свое отрицательное отношение к ним в тех же словах и выражениях, в которых проклинали это движение Ахунд Дарвеза, его ученики и последователи.

⁹ Абдулхан Хабиби. Дъ пахто адабийато тарих, дваъм тук. Кабул, 1963, стр. 283.

Хушхаль был не только крупнейшим афганским ханом своего времени, но и хакимом (правителем) хаттаков, юсуфзаев, простирая власть над другими районами расселения афганских племен от Инда до Наушеры. Он был носителем высоких государственных титулов, таких, как «джайгирдар», «хаким», которые ему пожаловали за службу, самопожертвование и отвагу. Все это оказало воздействие на идеологию Хушхаль-хана.

И поскольку рошанийцы наносили удар по его собственным высоким постам, это не могло нравиться Хушхалю. Он даже говорил:

Готов безжалостно убить и растерзать любого,
Кто выступает против учения Мухаммада...

По мнению выразителей точки зрения моголов — Ахунда Дарвезы и его последователей, такими «противниками» ислама были «еретики» — рошанийцы.

С 1633 по 1664 г. Хушхаль писал исключительно в классической манере. Это был первый период его творчества. В эти годы в своей лирике поэт уделяет особое внимание традиционным тонкостям стиха, стремясь довести афганскую поэзию до технического уровня фарсиязычной.

В 1626—1658 гг. Хушхаль служил в могольской армии, занятой походами против юсуфзаев и бенгашей, увлекался охотой, предавался другим развлечениям служилой знати.

В 1664 г., во время правления Ауренгзеба, Хушхаль был заключен в тюрьму. В течение двух с половиной лет он пребывал в каземате Рантанбура, а затем был выслан в Агру, где находился под надзором властей.

Абдульхай Хабиби — известный афганский литератор и историк, пишет следующее о причинах заключения поэта: «Когда Ауренгзев взошел на престол, он арестовал своего отца — Шахджихана. Хушхаль принадлежал к друзьям Шахджихана, имел прочные позиции, за ним стояло племя. Естественно, Ауренгзев опасался его. Поскольку Ауренгзев как дальновидный политик знал о большой силе Хушхалья, он, чтобы избежать кровавого переворота, вызвал его (Хушхаль-хана. — Г. М.) ко двору, а во время его отсутствия пообещал сторонникам Хушхалья вознаграждения: большие чины и посты»¹⁰. Тут и был арестован поэт.

Дост Мухаммад Камаль пишет: «В 1071—72 году хиджры Ауренгзев назвал кабульским субадаром Саида Амир-хана Хавафи, который затем во время одной из встреч с Ауренгзевом сказал ему, что считает необходимым арестовать некоторых ханов для осуществления запрета взимать подорожную пошлину. В действительности это было лишь предлогом для

¹⁰ Х а м и ш Х а л и л ь. Дъ Ашраф-хан хиджри диван. Пешавар, 1958, стр. д, с.

ареста Хушхаль-хана. В результате решения Ауренгзеба об отмене подорожной пошлины для простого народа была некоторая польза, а для заминдаров и джайгирдаров это было невыгодно, так как они перестали бы получать значительные суммы пошлины. Поскольку после малика Акуры Хушхаль-хан стал джайгирдаром в том же округе и получал пошлины от перевозки товаров, естественно, введение запрета на подорожную пошлину отразилось и на доходах Хушхалья. После этого приказа недовольство заминдаров стало закономерным...»¹¹. Оно и было использовано для ареста Хушхалья.

«Когда Саид Амир-хан Хавафи возвратился в Пешавар, он вызвал туда Хушхалья из Сарай Акуры для совета. Хушхаль прибыл туда с искренними намерениями, но там был арестован. После ареста его дяди получили вознаграждения»¹².

Между объяснениями факта ареста поэта А. Хабиби и Д. М. Камалем есть очевидное, но незначительное расхождение. Оба они объясняют арест Хушхаль-хана его личными взаимоотношениями с правителями и членами его рода.

Д. Маккензи¹³ объясняет причину ареста Хушхаль-хана тем, что будто бы он не во время собирал налоги на хлеб. Но Хушхаль сам не знал, почему его схватили. С 1641 по 1664 г. он был сторонником моголов. Свою преданность им он проявил, в частности, в 1665 г., поддержав Ауренгзеба против Дарашуко. Когда же Ауренгзев вышел победителем в междоусобице, то он отправил Хушхалья в Тирах для подавления противников. После завершения своей кампании в Тирахе Хушхаль выступил на стороне Ауренгзеба и против юсуфзаев¹⁴. В 1648 г., когда Шахджихан направился в Кандагар, Хушхаль-хан встречал его. Говорят, что Шахджихан спросил Хушхалья: «Почему ты воюешь с юсуфзаями?». На что тот ответил: «Во имя укрепления падишаха»¹⁵.

Эта позиция может быть объяснена следующими причинами:

Во-первых, Ауренгзеба поддерживали мусульманские феодалы. Хушхаль сам был мусульманским джайгирдаром. Дарашуко же опирался на индийских феодалов. Несомненно, что при этом Хушхаль действовал ради укрепления собственной власти феодала.

¹¹ Х а м и ш Х а л и л ь. Дъ Ашраф-хан хиджри диван. Пешавар, 1958, стр. заль, даль.

¹² Там же.

¹³ Предисл. в кн. Olaf Caroe and Evelin Howell. The poems of Khushal Khan Khatak. Peshavar, 1963, p. 3.

¹⁴ Гуль Пача У л ь ф а т. Милли кахраман Хушхаль-хан Хаттак. Кабул, 1344 г. (хиджры), стр. 3.

¹⁵ Дост Мухаммад К а м и л ь. Куллийати Хушхаль-хан Хаттак. Пешавар, 1960, стр. 16.

Во-вторых, племя хаттаков, к которому принадлежал Хушхаль, имело вековую вражду с юсуфзаями. В этой вражде погибли дед и отец Хушхалья. Дарашуко стал на сторону юсуфзаев — противников Ауренгзеба. Хушхаль нанес поражение юсуфзаям и бангашам.

В-третьих, поддерживая Ауренгзеба, Хушхаль стремился сохранить огромные доходы не только персидским и могольским правителям, но и паштунским племенам, поскольку открытие морского торгового пути, несомненно, усилило экономический кризис среди афганских племен и ослабило политический вес племенных вождей.

В это время Хушхаль-хан достаточно укрепился, сплотив вокруг себя силы паштунских племен. Это пугало Ауренгзеба.

Еще до 1658 г. в Дели уже чувствовалось, что опора на хаттаков ослабевает¹⁶. Видимо, разговоры о судьбе хаттаков велись в столице задолго до ареста Хушхалья и против них создавались заговоры. Так, Ауренгзев отдал приказ своему наместнику Саид Амир-хану поддержать юсуфзаев в их борьбе против Хушхаль-хана¹⁷.

Очевидные осложнения экономической и политической обстановки, начавшиеся колониальные акции европейских торговых компаний заставляли Ауренгзеба не допускать расширения выступлений племен, особенно паштунских.

Дни, проведенные в заключении, произвели переворот в представлениях Хушхалья. С этого времени, видимо, и начинается второй период в жизни и творчестве поэта. Он продолжался четверть века, за который и были вписаны им важные страницы в историю литературы паштунов.

В 1664 г., после ареста Хушхалья, юсуфзаи предоставили убежище для его семьи, несмотря на родовую вражду. Это произвело глубокое впечатление на Хушхалья:

Я не только признателен юсуфзаям,
Но даже (стало) ясно и очевидно дело чести акузаев...

В тюрьме Хушхаль пришел к выводу, что никогда не станет своим при дворе моголов.

Хушхаль-хан Хаттак был выдающимся вождем паштунов, боровшихся за свое освобождение. Его поэзия второго периода отразила эту сторону его творчества. Хушхаль был знаменит и как философ, мыслитель, политик. Он сумел осознать политически важные задачи своего народа в трудное для него время могольского владычества и подняться до борьбы за единство всех паштунов в народноосвободительном движении, отражая выросшее самосознание племен. Ранее паштуны не проявляли, как правило, стремлений к внешней агрессии.

¹⁶ Olaf Caroe and Evelin Howell. The poems of Khushal Khan Khattak. Peshavar, p. 4.

¹⁷ Там же, стр. 5.

Так, еще Баба-Хотак (ум. в 1362 г.) призывал народ к свободе и единству, к борьбе против моголов, когда паштунские племена, проживающие в Афганистане, находились на дофеодальном этапе своего развития, занимаясь главным образом скотоводством, и когда создавались лишь предпосылки для сплочения паштунов в единое государство:

Там для нас нынче огонь горит на Сургаре,
Эй, человек, это для нас большой позор!
В дом и село пришел могол,
Пришел в Газни, пришел в Кабул...
О придите, богатыри Мургый,
С доблестью встаньте за страну паштунов!
Сабли остры, стрелы за пояс!
В дом и село пришел могол...¹⁸.

В рошанийский период (вторая половина XVI — 40-е годы XVII в.) освободительное движение афганцев принимает более организованные формы, в него вносятся элементы сознательности, расширяются идеологические и социальные основы. Хушхаль из-за своей классовой ограниченности не смог стать союзником рошанийцев, подготовивших условия для освобождения от могольского ига. Однако он осознал тяжкую эксплуатацию, которой подвергались простые паштуны, сетуя на нее в своих стихах. Так деятельность Хушхалья стала одним из звеньев длинной цепи борьбы паштунов за свободу от иноплеменной власти. Поэтому нельзя утверждать, что якобы сам Хушхаль создал предпосылки для этой борьбы¹⁹.

По мнению Дж. Неру, освободительная идеология складывалась из религиозной формы и национализма, который имел «феодальный, сектантский религиозный дух»²⁰.

В действительности же рошанийское антифеодальное движение выступало, по мнению М. Г. Асланова, в религиозном облике, не нося при этом сектантского характера, а феодальное по своей сути движение, возглавляемое Хушхалем, не имело религиозной оболочки и представлено было не одним племенем.

Всеобщность борьбы, ведшейся Хушхалем, хорошо выражена в одном его стихе:

Все паштуны от Кандагара до Аттака
Едины в деле чести открыто и явно...!

В борьбе за родину, в том числе против моголов, Хушхаль, как и Рошан, считает необходимым участие всех ее племен, всего народа:

Если объединяются массы народа,
Пред ними склоняются и короли...

¹⁸ Б а б а - Х о т а к. Пыта хазана. Кабул, 1945, стр. 9.

¹⁹ Нангиалай пахтун. Кабул, 1966, стр. 168.

²⁰ Дж. Неру. Открытие Индии. М., «Прогресс», 1955, стр. 286.

Когда Хушхаль вернулся на родину, освободительная борьба афганских племен в результате обострения захватнической политики Ауренгзеба еще более усилилась. На этот раз Ауренгзёб снова попытался привлечь Хушхалья для того, чтобы использовать его против своего же народа, но тот не согласился. Он уже был уверен в ослаблении могольской власти, понял необходимость независимости для афганского народа и сам возглавил освободительное движение паштунов. Но оно окончилось поражением. Главной причиной этого явилось предательство афганских ханов, феодалов, заминдаров. В погоне за джайгирами, чинами и почестями они покинули Хушхалья, а его верных союзников — Аймаль-хана, Дарияхана к этому моменту уже не было в живых.

Хушхаль-хан, видевший собственными глазами деяния и предательство ханов и заминдаров, отразил это, как и слабость моголов, в поэтических строках:

По уму-разуму паштуны бесчеловечны,
Фальшивее собаки вокруг мясников.
Ради денег потеряли могольское королевство,
Стремятся к могольским чинам.
Верблюды с грузом приходят домой,
А они с шеи верблюда тащат колокольчик...!

После кончины Хушхалья (20 февраля 1689 г.) замерла на время и борьба паштунов.

Движение, которым он руководил, носило народноосвободительный характер. Это был период установления феодализма среди афганских племен и Хушхаль лучше, чем другие, отразил смысл и содержание этой эпохи в литературе²¹. Так, он писал:

Есть еще много других паштунов, но я один среди них боец,
Захватываю и отдаю, арестовываю и освобождаю, убиваю до сих пор.
Многие народы против меня восстали,
Но когда мне покорились, то освободились от горя...

Созданию нового Афганского государства Хушхаль отдал свои перо и меч, превратив литературу в средство борьбы. И это — исторический подвиг Хушхалья. Ни до, ни после него никто из афганцев не использовал литературу в сочетании с военной силой в целях объединения племен и их независимости.

Дух национального сознания и ненависть к иноземному гнету настолько сильно воплощены в его стихах, что они продолжают оказывать воздействие и на людей нашего времени, хотя стихам этим около 300 лет. И это потому, что самые светлые источники освободительных мотивов в творчестве Хушхалья Хаттака оказываются неразрывно связанными с судьбами паштунского народа.

²¹ Хушхаль-хан. Нангиалай пахтун, стр. 170.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л. С. Пейсиков.</i> О некоторых экспериментальных приемах лингвистической диагностики (на материале персидского языка) . . .	3
<i>И. К. Овчинникова.</i> К вопросу о грамматической сущности и принципах выявления словосочетаний в персидском языке	16
<i>И. К. Овчинникова.</i> Именные словосочетания в персидском языке и возможные принципы их классификации	37
<i>Б. Я. Островский.</i> Дистрибуция вариантов морфем в кабульском диалекте	54
<i>Г. А. Фуругиян.</i> Некоторые соображения по поводу персидских глаголов состояния	68
<i>Шарифа Исмати.</i> К вопросу об ударении в числительных пашто	82
<i>В. Б. Никитина.</i> К постановке некоторых проблем в изучении классической поэтики иранских народов	87
<i>В. Б. Никитина.</i> Природа в литературе иранского Возрождения	102
<i>Р. Г. Левковская.</i> К вопросу о характере литературы Ирана XVIII в.	116
<i>В. Н. Дворянкова.</i> Две грани поэзии Парвин Э'тесами	127
<i>Гуль Мухаммад Нурзай.</i> Источники освободительных мотивов в творчестве Хушхала Хаттака	138

ИРАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Тематический план 1971 г. № 96

Редактор *В. Г. Щербакова*

Обложка художника *В. А. Шорца*

Технический редактор *И. Л. Тимашева*

Корректоры *М. М. Петкевич, Т. Ф. Яцко*

Сдано в набор 3/VII 1970 г.	Подписано к печати 22/IV 1971 г.	
Л-115155	Формат 60×90 ¹ / ₁₆	Бумага тип. № 1
Физ. печ. л. 9,25	Уч.-изд. л. 9,36	Изд. № 682
Заказ 739	Тираж 1550 экз.	Цена 72 коп

Издательство Московского университета. Москва, К-9, улица Герцена, 5/7,
Типография Издательства МГУ (ф.). Москва, проспект Маркса, 20

СПИСОК ОПЕЧАТОК

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
13	7-я снизу	щие, следовательно, деривация monšigar→monšigari, formul	подсказывают отношения производности (monši gari, formul
87	6-я снизу	в смысле «ильм-уль-бади»	в смысле «ильм-уль-бади»
90	13-я снизу	или отличительного содержания.	или обличительного содержания.
111	14-я снизу	представление населявших леса диких животных.	представление о населявших леса диких животных.

Заказ 739